

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ЗАПАД-ВОСТОК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Йошкар-Ола, 2013

**Основан в 2008 г.
Выходит один раз в год**

ББК Ф2я53
УДК 32(1-15)=32(1-11)
3 300

Включен в базу РИНЦ

Редакционная коллегия:

Г.В. Рокина
(главный редактор)
О.Н. Сутырина
Г.Ф. Горбашова
Е.В. Лежнина
И.И. Шарифжанов

Е.В. Колесова
Ю.С. Обидина
М. Даниш
(Словацкая Республика)
И.Р. Чикалова
(Республика Беларусь)

ISSN 2227-6874

© ФГБОУ ВПО «Марийский государственный
университет», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикации, помещенные в очередном, шестом, выпуске ежегодника объединяет проблема международных контактов академических сообществ Востока и Запада, России и европейских стран. Эта тема, актуальность которой бесспорна в современном информационном обществе, имеет давнюю традицию и в России и в западных странах. Становление и развитие университетов, современных научных центров невозможно сегодня представить без академической мобильности. Истории научных и культурных связей российских ученых прошлых веков посвящены статьи Ю.С. Обидиной, Е.В. Колесовой, Г.В. Рокиной и О.М. Гильмутдиновой, в которых на обширных, в том числе и архивных, материалах показано значение международных контактов для становления российской науки XIX века.

Современные аспекты академических обменов университетских ученых России и США ярко представлены в статьях А.А. Ярыгина и К.Н. Санукова. Факты, приведенные в этих публикациях, важны для понимания становления и развития международного сотрудничества в Марийском государственном университете в XX веке.

Гендерная проблематика стала предметом научных исследований коллеги из Республики Беларусь, члена редакционной коллегии нашего издания И.Р. Чикаловой. На обширном статистическом и фактическом материале ею показана динамика женского участия в органах представительной власти Беларуси в последнее десятилетие XX века. Тема женского участия во власти продолжена в исследовании доцента Марийского госуниверситета Е.В. Сулова, в котором он рассматривает феномен «финской женщины в политике». Появление данной тематики на страницах данного выпуска ежегодника не случайно: весной 2013 года многие из авторов публикаций были участниками и участницами «круглого стола» «Женщина и власть: вызовы развития». Подробная информация об этом мероприятии представлена в разделе «Научная хроника».

После небольшого перерыва в ежегоднике вновь появляется рубрика «Портрет историка». В этот раз она включает очерк, посвященный нашей коллеге по кафедре всеобщей истории Марийского государственного университета Л.С. Пановой. Автор очерка – доцент кафедры всеобщей истории МарГУ В.М. Новик, долгие годы состоящая в переписке с Л.С. Пановой и поддерживающая с ней не только личные, но и профессиональные контакты. Данная публикация, к сожалению, сегодня редкий пример сохранения памяти и уважения к ушедшим из жизни коллегам.

Международные связи кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета в данном выпуске ежегодника демонстрируют публикации доцента университета в г. Урбино (Италия) филолога-архивиста В. Кейдана;

словацких коллег – ректора Высшей школы в Сладковичово, профессора М. Даниша и его ученика по кафедре всеобщей истории Университета им. Я.А. Коменского (Словацкая Республика) Л. Рибара.

Традиционные для издания «публикации-дебюты» в данном выпуске представлены сообщением магистрантки кафедры всеобщей истории (магистерская программа «Интеллектуальная история и культура») Е. В. Катковой, подготовленным в соавторстве с заведующей кафедрой всеобщей истории Г.Ф. Горбашовой.

Отрадно заметить, что в разделе «Научная хроника» опубликованы основные положения кандидатской диссертации Е.В. Лежниной, посвященной проблемам истории Ирландии. Автор публикации, для которой наш ежегодник стал одной из первых научных площадок для апробации основных идей ее исследования, в 2013 году успешно защитила диссертацию в Приволжском (Казанском) федеральном университете.

Редколлегия ежегодника выражает благодарность всем авторам и уверенность, что наше сотрудничество будет продолжено при обсуждении самых различных тем взаимных контактов Запада и Востока.

Г.В. РОКИНА, главный редактор





Ю.С. Обидина

**РОЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В
ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ НАУКИ ОБ АНТИЧНОСТИ В XIX
ВЕКЕ**

В статье рассмотрено становление русской науки об античности и формирование новых научных направлений в изучении истории античного мира. Показано, что важную роль в складывании отечественной исторической школы сыграла академическая мобильность – зарубежные стажировки российских исследователей в крупнейших европейских вузах и научных центрах. Стремление быть на равных с мировой наукой позволило российским историкам не только перенять передовой опыт, но и выработать собственные методологические подходы к изучению мировой истории.

Ключевые слова: академическая мобильность; русская наука об античности; история древнего мира.

Изучение античной истории становится преемственной научной дисциплиной в России в первой половине XIX века. Этому во многом способствовало формирование Петербургской исторической школы, созданной зачинателем русского профессионального антиковедения М. С. Куторгой и его учениками. Эпоха все больше убеждала современников в необходимости критического изучения истории, в истолковании общих исторических процессов. В воздухе витали прогрессивные идеи западноевропейской общественной мысли - историографии французского романтизма (в особенности Ф. Гизо) и, в более общих чертах, немецкого идеализма¹.

Закономерным итогом увлечения этими прогрессивными идеями стало появление новых научных направлений, которые не просто всесторонне изучали бы историю древних цивилизаций, но и создавали возможности для вывода русской науки на передовой, европейский уровень.

Деятельность выдающихся эпиграфистов А. Бёка, А. Кирхгофа, У. Кёлера, В. Диттенбергера, Т. Моммзена привела к настоящей революции в области антиковедения в Западной Европе. Основателем ее стал А. Бёк, который в 1815 г. начал публикацию первого большого свода греческих надписей. В работе над этим изданием к нему присоединились И. Франц, Э. Курциус, А. Кирхгоф. Берлинская Академия наук с 1873 года приступила к новому изданию греческих надписей.

Первые тома с финскими надписями, подготовленные А. Кирхгофом, У. Кёлером и В. Диттенбергером, вошли в «Свод надписей Аттики»², а издание в целом, включая тома с надписями, найденными за пределами Аттики, получило позднее название «Надписи Греции»³. Позднее Т. Моммзен возглавил работу над изданием латинских надписей, которое добавилось к двум предыдущим.

Естественно, что изменения в европейской науке не оставили равнодушными и российских историков. Пионерами в реформировании сложившихся методологических подходов в российской исторической науке стали ученые Петербургского университета - Ф. Ф. Соколов, И. В. Помяловский и П. В. Никитин. Ф. Ф. Соколов впервые в российской исторической науке выдвинул идею о необходимости документального, непредвзятого изучения древности. В своих работах по эпиграфике он предлагает образцы подобного исследования. Кроме того, он создал школу русских эпиграфистов, которые весьма плодотворно совмещали в своих трудах методы исторического и филологического исследования. Этой школе суждено было занять ведущее место в дореволюционной русской науке об античности⁴.

Особенно успешны в то время были достижения немецкого антиковедения, поэтому не случайно, что взгляды русских исследователей были обращены именно туда. Здесь действительно было у кого поучиться: гремела слава Теодора Моммзена, автора новейшей «Римской истории» и капитальных исследований о римском праве. Труды Роберта Пёльмана, Карла-Юлиуса Белоха, Эдуарда Мейера, Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа внесли весомый вклад в изучение древней истории. Справедливости ради следует отметить, что не только немцы преуспели в изучении античности. Французы по праву гордились Гастоном Буассье и Полем Гиро, англичане – трудами Джеймса Фрезера и Джона Бьюри, которые стали впоследствии классическими. Обращение к древности вдохновляло и итальянцев - Гаэтано Де Санктиса и Гульельмо Ферреро.

Так уж случилось, что русская наука об античности первоначально развивалась как побочное ответвление немецкого антиковедения. Но уже с середины XIX века она могла говорить на равных с европейскими историческими школами. К началу же следующего, XX века, в России появились и ученые европейского уровня, и научные труды, значительно обогатившие европейскую науку об античности. Этому способствовал целый ряд факторов. Во-первых, в России появляется своя интеллигенция, получившая образование европейского уровня. Во-вторых, к этому времени сложилась система классического образования, к которой можно отнести не только многочисленные гимназии, но и появившиеся университеты, в которые приглашались различного рода специалисты. В-третьих, и в главных, - это деятельность правительства, которое тратило весьма внушительные средства на стажировки российских исследователей в крупнейшие европейские центры по изучению античности. И хотя при этом правительство преследовало не всегда лишь образовательные или научные цели, но решала и политические задачи; тем не менее, русская наука о классической древности развивалась в тот период, главным образом, благодаря многочисленным академическим контактам.

Другими словами, без постоянных контактов с зарубежными коллегами, в российском антиковедении не смогли бы оформиться те ведущие направления, которые в то время интенсивно развиваются в Европе - историко-филологическое и культурно-историческое. В это же время вновь проявляется интерес и к социально-политическому и социально-экономическому направлениям. Причем, в каждом из них появляются исследователи, признанные позднее корифеями мирового антиковедения. Эпиграфисты В. В. Латышев и С. А. Жебелев пишут свои работы в рамках историко-филологического направления, Ф.Ф. Зелинский – культурно-исторического, В.П. Бузескул, выдающийся исследователь афинской демократии - в рамках социально-политического. В социально-экономическом направлении работает М. И. Ростовцев⁵.

Жизненный и творческий путь М.И. Ростовцева, пожалуй, наиболее показателен для предпринятой нами попытки рассмотреть роль научной мобильности в развитии русской науки об античности. Казалось, его судьба была predetermined на уже его происхождением, поскольку М.И. Ростовцев принадлежал к тому социальному слою, который традиционно отдавал предпочтение классическому образованию⁶. Классическую гимназию закончил и его отец, и дед. Еще будучи гимназистом, Ростовцев написал сочинение «Администрация римских провинций во времена Цицерона». Продолжил свое увлечение античностью он на историко-филологическом факультете Киевского университета, выбрав в качестве специализации классическую древность.

Остаться в университете и быть зачисленным в аспирантуру для подготовки к профессорскому званию было половиной дела. Получать жалование до сдачи кандидатских экзаменов было невозможно. М.И. Ростовцев не избежал участи многих тогдашних профессоров, вынужденных зарабатывать преподаванием в средних учебных заведениях. Хотя в его случае причиной тому были не столько финансовые трудности, сколько бесценный опыт, полученный в царскосельской Николаевской гимназии. После сдачи магистерских экзаменов Ростовцев получает от университета командировку за границу. Такого рода зарубежные стажировки стали уже традиционными для молодых российских ученых в процессе завершения своей профессиональной подготовки.

Можно сказать, что именно во время трехлетней зарубежной стажировки М.И. Ростовцев и сформировался как ученый. Он не только совершенствовал свои знания, но и устанавливал многочисленные плодотворные контакты с западноевропейскими учеными. Эти контакты во многом определили выбор тематики его будущих научных трудов. Посетив Анатолию и Грецию летом 1895 года, он отправился в Рим, в библиотеку Германского Археологического института. Там он познакомился с Августом Мау, который руководил раскопками в Помпеях⁷. Это знакомство подвигло его на посещение семинаров археолога Отто Бенндорфа и эпиграфиста Евгения Бормана, проходившие в Вене зимой 1895-1896 г. Из Австрии Ростовцев отправляется в Париж. Национальная библиотека и Кабинет медалей в Париже не только позволили ему обогатить свои знания, но и завести весьма полезные знакомства. Именно там он познакомился с Эрнестом Бабелом, известным нумизматом. Морис Пру, встреченный Ростовцевым в Париже, становится не только его другом, но и единомышленни-

ком по изданию и исследованию древних коммерческих пломб. Посещение северной Африки летом 1897 года, плодотворные занятия в Лондоне, новые интересные встречи с издателями египетских папирусов Б.П. Гренфеллем и Дж. Магаффи. И снова Париж, снова кропотливая работа с текстами и артефактами. И, наконец, еще одна поездка по странам Средиземноморья перед возвращением в Россию, уже с солидным багажом знаний, почерпнутых во время стажировки.

Все это время Ростовцев вел активную переписку с выдающимися учениками Т. Моммзена - О. Гиршфельдом и У. Вилькеном, которые сыграли важную роль в становлении научного мировоззрения Ростовцева. Их научные интересы пересекались с увлечениями Ростовцева самым непосредственным образом, поскольку О. Гиршфельд был признанным знатоком римского имперского управления, а У. Вилькен активно занимался папирологией и остракологией.

Неслучайно именно немецкая научная школа повлияла на Ростовцева как ученого-антиковеда. Во-первых, русское антиковедение, как мы уже отмечали, и складывалось в основном под непосредственным влиянием немецкой школы. В Петербурге это воздействие ощущалось особенно сильно, а к концу XIX века достигло своего пика, поскольку именно в этот период немецкое антиковедение стало занимать лидирующие позиции. Такие немецкие ученые, как О. Гиршфельд, У. Вилькен, У. Виламовиц-Меллендорф, Эд. Мейер, позволили Ростовцеву не только пополнить свои знания, но и сформировать собственный научный интерес. При этом важно подчеркнуть, что Ростовцев никогда отдавал предпочтение какой-либо одной национальной школе⁸.

Ростовцев не принял Октябрьскую революцию, и поэтому уехал из России в 1918 году. Это было настоящим бегством, несмотря на то, что официально он направлялся в командировку для работы в музеях и библиотеках Европы.

Из Европы Ростовцев перебрался в Америку, где для него начинается новый этап творчества. Он продолжил заниматься социально-экономической историей античного мира, привлекая новые источники - свинцовые пломбы и тессеры, а также папирусы эллинистической эпохи. Итогом этой кропотливой работы стал выход в свет капитальных трудов, ставших впоследствии академическими⁹.

Ростовцев, пожалуй, один из наиболее признанных русских исследователей античности. Он - член Берлинской и Российской Академий наук, профессор Петербургского, Мэдисонского, и Йельского университетов, автор основательных работ по социально-экономической истории Рима и государств эллинистической эпохи¹⁰.

М.И. Ростовцев представлял собой совершенно новый тип русского ученого, который органично соединил в своем творчестве европейскую образованность и российскую действительность¹¹. Проблематика его исследований во многом была обусловлена российской современностью. Несмотря на то, что в советское время имя М.И. Ростовцева было незаслуженно забыто, его идеи задали тон многим направлениям в историографии античности, в частности, проблемам взаимодействия центра и периферии, эллинистических монархий, характера греческой колонизации, колоната. Другими словами, именно Ростовцев во многом заложил советскую историографическую школу исследований античного мира, не смотря на предвзятое отношение последней к нему.

Не следует думать, что лишь в лице М.И. Ростовцева академическая мобильность дала такие блестящие результаты. Другим примером может служить научное творчество В.В. Латышева. В. Латышев являлся не только автором трудов, значение которых для антиковедения неопределимо до сегодняшнего времени. Он стал центральной фигурой в русском дореволюционном антиковедении в целом.

В. Латышев был родом из семьи чиновников средней руки. Закончив гимназию с серебряной медалью, по предложению Н. А. Сергиевского, который в то время был попечителем учебного округа, Латышев поступает в Историко-филологический институт Санкт-Петербурга. Вряд ли это поступление стало возможным, если бы Виленский округ не назначил Латышеву стипендию¹².

Важную роль в судьбе студента Латышева сыграла встреча с величайшим эпиграфистом своего времени Ф.Ф. Соколовым. В то время Соколов ведет домашние семинары по эпиграфике для наиболее талантливых учеников. Эта встреча открыла для филолога Латышева новое увлечение – эпиграфику, и с этого времени занятия надписями становятся для него новым открытием античной истории.

После окончания института Латышев становится преподавателем в гимназии, но Ф. Соколов и тогда не забывает о своем талантливом ученике. Ему удалось добиться командировки в Грецию для молодых ученых, в группу которых попал и Латышев.

Во время этой стажировки Латышеву удалось побывать во многих уголках Греции. Особое внимание он уделял раскопкам, в ходе которых ему удалось обнаружить несколько неизвестных науке надписей.

Успехи молодого исследователя не остались незамеченными в России и предопределили новый поворот в его судьбе. По предложению Ф. Ф. Соколова, Русское Археологическое общество назначает В.В. Латышева ответственным за сбор материала и подготовку издания античных надписей Северного Причерноморья. Помимо будущей блестящей карьеры это давало возможность государственного содержания еще в течение целого года¹³.

Важная миссия не помешала Латышеву закончить свой научный труд – магистерскую диссертацию, над которой он и работал во время своей заграничной стажировки. Его диссертация была посвящена актуальной теме – греческому календарю. Практически сразу после защиты она вышла отдельной книгой, поскольку имела важное значение для последующего занятия Латышевым эпиграфикой. В последствии эта его работа позволила точно датировать многие надписи. В данном случае Латышев пошел по европейскому пути, которым до него шли А. Беки, Т. Моммзен. Опыт, полученный Латышевым за границей, сыграл в то время для отечественной науки весьма важную роль в организации научного творчества.

Тщательная работа над изданием свода надписей позволила Латышеву представить научной общественности сведения о государственном устройстве Херсонеса Таврического. Итогом кропотливого труда стало издание первого тома «Древних надписей северного побережья Понта Эвксинского»¹⁴.

Свою докторскую диссертацию Латышев также построил в основном на эпиграфическом материале. Ее он посвятил другому причерноморскому городу –

Ольвии. Эта работа (которая также вышла отдельной книгой) стала эталоном научных исследований не только в России, но и за рубежом. Во многом этому способствовала использованная Латышевым методология, приобщиться к которой ему удалось во время своих зарубежных исследований.

Но все же в большей степени Латышев известен нам другой своей работой - «Очерком греческих древностей»¹⁵. Несмотря на то, что по своему замыслу книга должна была стать пособием для гимназистов, в действительности эта работа стала крупнейшим очерком всех наиболее важных аспектов древнегреческой цивилизации. В основу труда были положены пособия немецких антиковедов - Густава Гильберта и Георга Бузольта, однако Латышев пошел дальше своих коллег. Помимо широкого круга литературных источников, он привлекал и так хорошо знакомый ему эпиграфический материал. В работе был приведен широкий круг не только зарубежной литературы, изученной Латышевым в Европе, но и работы отечественных исследователей, что свидетельствовало о том, что русская наука об античности заговорила на равных с европейской.

Справедливости ради стоит отметить, что наличие настоящей научной школы и появление корифеев антиковедения в России, позволило со временем готовить свои собственные кадры, не прибегая к заграничным стажировкам. В частности, становление В. П. Бузескула в качестве ученого, от студента до профессора, прошло в Харьковском университете. Ему удалось получить звание профессора, не прибегая к ставшим уже традиционным заграничным стажировкам. Бузескул в шутку называл сам себя «доморощенным ученым», поскольку Харьков стал для него и научной школой и местом написания научных трудов.

Таким образом, именно академическая мобильность во многом позволила сложиться русской исторической науке об античности на рубеже XIX-XX вв. Без традиционных стажировок в Европе складывание национальной исследовательской школы вряд ли было бы таким стремительным и плодотворным. Важную роль при этом, несомненно, сыграло стремление русских ученых-классиков быть на равных с передовой европейской наукой, но в то же время способствовать и формированию национальной русской школы в изучении древней истории.



Примечания

- ¹ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Часть I-III. Л., 1961-1971. С. 22.
- ² Corpus Inscriptionum Atticarum (CIA).
- ³ Inscriptiones Graecae (IG). Vol. I-XV. Berlin, 1873 – (Ed. II, 1913).
- ⁴ Курбатов Г.Л. История Византии (историография). Л., 1975. С. 46.
- ⁵ Историография античной истории / под ред. В.И. Кузицина. М., 1980. С. 113.
- ⁶ Фролов Э.Д. М.И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. №3. С. 143.
- ⁷ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. СПб., 1992. С. 109.
- ⁸ Каньетта М. М.И. Ростовцев и современность // ВДИ. 1997. №3. С. 214.
- ⁹ Ростовцев М.И. Рождение Римской империи // URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/rostovzeff_rozhdenie_rimskoy_imperii/ (дата обращения: 15.03.2013).
- ¹⁰ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т.2. М., 2001.
- ¹¹ Павловская А.И. О роли М.И. Ростовцева в развитии папирологических исследований // ВДИ. 1997. №3. С. 16.
- ¹² Фролов Э.Д. Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 234.
- ¹³ Историография античной истории / под ред. В.И. Кузицина. М., 1980. С. 142.
- ¹⁴ Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970. С. 233.

¹⁵ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. СПб., 1888. С. 16.

Yu.S. Obidina

**THE ROLE OF ACADEMIC MOBILITY IN THE FORMATION OF
RUSSIAN SCIENCE OF ANTIQUITY IN THE XIX CENTURY**

Key words: *academic mobility; russian science of antiquity; ancient history.*

The article considers the formation of the Russian science of antiquity and the formation of new research directions in the study of the history of the ancient world. It is shown that one of the main roles in the folding of the national historical school played academic mobility - Russian foreign training of researchers in major European universities and research centers. The desire to be on equal with the world science has allowed Russian historians not only learn from best practices, but also develop their own methodological approaches to the study of world history.

L. Rybár

**ŠIRVÁN V DIELACH EURÓPSKYCH CESTOVATEĽOV A
GEOGRAFOV A JEHO OBCHODNÝ VÝZNAM V EURÓPSKO-
ÁZIJSKOM OBCHODE DO 16. STOROČIA**

Исследуется роль территории Ширван (Кавказская Албания) как пересечения торговых путей в контексте евро-азиатской торговли с древнейших времен до XVI века. Основными источниками являются труды европейских путешественников и географов - Геродота, Страбона, Плиния Старшего, Уильяма Рубрука, Руи Гонсалес де Клавиха, Марка Поло, Амброджи Контарини, Афанасия Никитина. В статье также привлечены труды арабских авторов - Аль-Масуди, Ибн Хордадбех и другие. С XII века Ширван был интересен не только русским, но и европейским купцам из Европы, о чем свидетельствуют сообщения путешественников, которые посетили эту территорию.

Ключевые слова: *Ширван; Кавказская Албания; европейско-азиатская торговля; Геродот; Страбон; Плиний Старший; Уильям Рубрук; Марко Поло; Афанасий Никитин.*

Už od staroveku prebiehali medzi Európou a Áziou čulé obchodné styky, ktoré sa realizovali prostredníctvom tranzitných obchodných ciest. Európski a ázijskí obchodníci využívali tieto cesty na prepravu svojich tovarov. Dôležitú úlohu v tomto v tranzitnom obchode zohrávali križovatky obchodných ciest. V kontexte európsko-

ázijského spojenia medzi takéto územia patrilo Zakaukazsko a v rámci neho oblasť Širván¹.

Územie Širvánu (Kaukazská Albánia) a jeho obchodný význam pre Európu v období staroveku

Zakaukazsko a územie Širvánu bolo tesne spojené s významnými obchodnými cestami (ako napríklad známa Hodvábna cesta) už v období staroveku. Podľa názoru azerbajdžanskej historičky S.B. Ašurbejli karavánové cesty tu existovali už v 2. tisícročí p.n.l.². Cesty spájali oblasti Kaukazu s krajinami starovekého východu ako Egypt, Asýria, Perzia a iné. V staroveku sa Širván ešte nespomína, no jeho územie je z antických diel známe pod názvom Albánia (alebo Kaukazská Albánia)³. Starovekí antickí autori vo svojich zápiskoch spomínajú, že cez túto oblasť prechádzali významné cesty vedúce na východ do Ázie⁴. Dôležitú úlohu to zohrávalo Kaspické more. Prvý grécky autor, ktorý zanechal správy o Kaspickom mori bol Hekataios z Milétu⁵. O niečo neskôr sa o Kaspickom mori zmienil grécky historik Herodotos⁶. Azerbajdžanský historik S. Velijev z Herodotových slov usúdil, že už v 5. storočí p.n.l. bola v Kaspickom mori rozvinutá moreplavba a s tým spojený aj obchod⁷. Ďalší azerbajdžanský historik z 19. storočia A.K. Bakichanov poznamenal, že obyvatelia čiernomorských gréckych miest Tanais, Fanagoria či Hermonassa nadviazali obchodné kontakty s rôznymi národmi Kaukazu⁸. Tieto staroveké mestá sa živo zapájali do tovarovej výmeny s Perzskou ríšou cez územie Kaukazu a Čierneho mora po starých karavánových cestách⁹. Západne pobrežie Kaspického mora vrátane územia Albánie tak s veľkou pravdepodobnosťou mohlo byť zapojené do tohto obchodu. Ďalší antický autor, ktorý svedčí o existencii obchodnej cesty smerom zo Strednej Ázie cez Kaspické more, Albániu až k Čiernemu moru, bol grécky geograf Strabón. Ten v svojom diele poznamenal: „*cez Hyrkániu preteká rieka Ox [Amurdarje] a Oks a vlieva sa do mora... a množstvo indických tovarov prepravujú cez ňu do Hyrkánskeho mora [Kaspické more], odtiaľ ich prepravujú do Albánie, cez rieku Kir [Kura] a potom ich privážajú do Euxeinos Pontos [Čierne more]*“¹⁰. O niečo neskôr rímsky historik Plínius Starší napísal: „*v čase pochodu Pompeia bolo zistené, že z Indie je možné za sedem dní dôjsť do Baktrie k rieke Baktra vlievajúcej sa do Oxu a po tejto rieke cez Kaspické more preplaviť sa k rieke Kir, a že indické tovary za menej než za päť dní môžu byť dopravené po súši do Pont Fasis*“¹¹. Existenciu tejto cesty potvrdzujú aj slová ďalšieho rímskeho autora Gaia Julia Solina: „*za osem dní sa podarilo prejsť z Indie do Baktrie k rieke Daliera, ktorá sa vlieva do rieky Ox, potom ku Kaspickému moru a odtiaľ cez Kaspik preniknúť k rieke Kir, ktorá tečie po hranice Arménska a Ibérie [Gruzínsko]*“¹². Početné a zaujímavé správy o tejto oblasti zanechali aj ďalší antickí autori ako Plutarchos, Tacitus, Claudius Aelianus a iní¹³. Zo slov spomínaných autorov je jasné, že už v období staroveku cez územie Albánie viedla obchodná cesta, ktorá spájala Európu a Áziu po trase: cez rieku Amurdarje (Ox), Kaspické more, rieky Kura (Kir), Rioni (Fasis) a Čierne more. Na prepravu tovarov sa v tej dobe využívala aj cesta popri západnom pobreží Kaspického mora, ktorá spájala severné oblasti s juhom. Dôkazom sú slová Strabóna, ktorý zanechal opis tejto cesty (a jej vzdialenosti), ktorá viedla zo severu od Kaukazských hôr cez takzvanú Kaspickú bránu¹⁴ popri západnom pobreží Kaspického mora smerom na juh do Perzie¹⁵. Aj táto cesta sa využívala na obchod, čo znova potvrdzujú slova Strabóna, ktorý napísal, že kmene „*Horní aorsovia*“

obývajúce časť severného a západného pobrežia Kaspického mora viedli karavánový obchod na ťavách s indickými a babylonskými tovarmi, ktoré získavali výmenou od Arménov a Médov¹⁶.

V polovici 1. storočia p.n.l. sa o toto územie intenzívne začali zaujímať Rimania. Svedčí o tom výprava rímskeho veliteľa Pompeia, ktorý v roku 65 p.n.l. uskutočnil vojenskú výpravu do Albánie. Hoci jeho prvoradým cieľom bolo prenasledovanie pontského kráľa Mithridata, podľa historika A. Kudrjavceva sa okrem toho „*..Pompeius pokúšal preskúmať známu obchodnú cestu, cez ktorú bolo možné nadviazať kontakty s Indiou a Prednou Áziou. Nadviazanie obchodných kontaktov so severným Kaukazom a oblasťami juhovýchodnej Európy a Predkaukazska cez hory Kaukazu a Prikaspickú cestu bolo pre Rím veľmi dôležité*“¹⁷. Je tak možné predpokladať, že Rimania mali záujem aj o obchodno-hospodárske ovládnutie tejto oblasti. Plínius Starší vo svojom diele zanechal správu rímskeho cisára Claudia (41-54 n.l.) o projekte Sueleka, ktorého cieľom bolo spojiť Čierne more s Kaspickým morom prostredníctvom kanála¹⁸. Kontrola obchodnej cesty, ktorá spájala západ s východom by bola pre Rím z hospodárskeho a politického hľadiska naozaj výhodná. Podľa názorov niektorých historikov cesta vedúca cez Kolchidu, Ibériu a Kaukazskú Albániu bola najbezpečnejším spojením Ríma s východnými krajinami¹⁹. Neskôr Rimania územie Albánie opakovane navštívili, o čom svedčí latinský nápis na skale pod horou Bojukdaš v Gobustane, ktorý bol objavený v roku 1948. Tento nápis pochádza z obdobia vlády cisára Domiciána (81-96 n.l.)²⁰. Počas archeologických vykopávok v Mingačevire²¹ bolo objavené veľké množstvo fibúl s priečnym emailom, ktoré sa radia medzi rímske výrobky z obdobia 2.-7. storočia²². Podľa výsledkov výskumu archeológovia predpokladajú, že to mohlo byť v staroveku významné centrum obchodu v Albánii. Antický geograf Klaudios Ptolemaios vo svojom diele vymenoval 29 miest Albánie, medzi ktorými sa nachádzalo sídlo Mamechia²³. S veľkou pravdepodobnosťou sa jednalo o staroveké sídlo Šamacha. Tento fakt potvrdzujú aj archeologické vykopávky neďaleko dnešnej Šamachy, kde sa našlo množstvo antických predmetov²⁴. To nasvedčuje tomu, že už v starovekom období Mamechia (Šamacha) bolo hospodárskym strediskom, v ktorom sa viedol medzinárodný obchod. Okrem Mamechia sa tu nachádzali aj iné významné centrá ako Cabalaca, Adiabla, Baruca a iné²⁵. Tieto sídla pravdepodobne mohli taktiež zohrávať sprostredkovateľskú úlohu v európsko-ázijskom obchode.

Od rímskeho prieniku do Zakaukazska Albánia začala nadobúdať významnejšiu úlohu v medzinárodnom tranzitnom obchode. Správy o obchodnej ceste cez rieku Ox, Kaspické more a ďalej na západ zanechali aj cestovatelia z Ďalekého východu. Čínsky historik Sim-Sian v svojom diele poznamenal, že čínski obchodníci vo veľkom vyvážali rôzne tkaniny smerom na západ po spomínanej trase²⁶. Dokonca aj antickí autori spomínajú, že sa z východu na západ dovážali čínske tovary ako hodváb, hodvábne látky, korenie, vône, slonová kosť, fajansové a porcelánové výrobky a iné tovary²⁷. Keďže väčšinu vyvážaných tovarov tvoril hodváb, táto trasa sa stala známa ako „Veľká hodvábna cesta“²⁸.

Existujú však aj iné názory vo vzťahu využívania obchodnej cesty cez územie Albánie a Kaspické more. Ruský historik V.V. Bartold vyslovil pochybnosť o tom, či obchodná cesta cez Kaspické more a Albániu bola v tomto období skutočne

využívaná²⁹. Usúdil to zo slov Theofana z Mytilénu, ktorý zanechal podrobný opis Albánie³⁰. Theofan poznamenal, že v Albánii sa nezaoberajú plavbou po mori, ktorá neprináša žiadny úžitok³¹. Okrem Theofana nemožnosť plavby v Kaspickom mori potvrdzujú slova rímskeho geografa Pomponia Mela, ktorý Kaspik opísal ako búrlivé more bez prístavov, kde sa dejú „*morské divy*“ a preto ho moreplavci málo navštevujú³². Aj napriek tomu prevláda názor, že Albánia a Kaspické more boli v období staroveku intenzívne zapojené do medzinárodného obchodu.

Územie Albánie (respektíve Širvánu) nestratilo svoj dôležitý obchodný a tranzitný význam ani v období vlády perzskej dynastie Sásánovcov (224-652)³³. Za ich panovania sa na územie Zakaukazska vrátane Širvánu dovážal z východu čínsky hodváb, korenie, slonová kosť, vzácne druhy dreva a iné tovary, ktoré sa potom ďalej vyvážali cez Čierne more a Byzanciu do Európy³⁴. V tej dobe sa o toto územie zaujímala aj Byzancia. V priebehu 3. až 7. storočia viedla s Sásánovskou ríšou neustály boj o ovládnutie tohto strategicky a hospodársky významného územia³⁵. Súpereniu oboch ríš výrazne nenarušilo tranzitno-obchodnú úlohu Širvánu.

Širván a ruskí obchodníci v raného stredoveku

Rozšírenie medzinárodných obchodných kontaktov s Európou nastalo za vlády Arabov, ktorí v polovici 7. storočia postupne získali kontrolu nad územím Zakaukazska. Stále pretrvávajúce ekonomické a politické záujmy Byzancie v tomto priestore vyvolávali často vojny s Arabským kalifátom. Boje o kontrolu územia prebiehali hlavne v západnej časti Zakaukazska³⁶. Z tohto dôvodu cesty popri pobreží Kaspického mora cez územie Širvánu nadobudli väčší význam na úkor ciest vedúcich k Čiernemu moru. Obchod začal sústreďovať smerom do východnej Európy obývané najmä Chazarmi a východnými Slovanmi (Rusmi). Obchodníci z východnej Európy tak nadviazali obchodné kontakty s územím Zakaukazska vrátane Širvánu. Podľa azerbajdžanského historika F.M. Alijeva prvé hodnoverné správy o týchto kontaktoch pochádzajú z 5. - 6. storočia, kedy Slovania viedli obchod s východom cez krajiny Zakaukazska. Zo správ ranostredovekých autorov vieme, že cez toto územie sa na sever vyvážali otroci, obilie, víno, olej, ozdobné predmety, brokát, hodváb a na juh sa vyvážali severské tovary ako vosk, koža, med, rybí glej a iné potraviny³⁷. V 7. – 12. storočí sa hospodárske a obchodné vzťahy slovanských kniežat s krajinami Zakaukazska vrátane Širvánu ešte viac upevnili. V tomto období začali západné a južné brehy Kaspického mora navštevovať kyjevskí a novgorodskí kupci. S ruskými obchodníkmi nepochybne obchodovali aj širvánski kupci, ktorí spolu s inými východnými kupcami navštevovali ruské mestá. Hlavnou tepnou sa stala Kaspické more a rieka Volga. Táto cesta sa stala známa ako Volžsko-kaspická cesta. Ruskí kupci viedli obchod s ázijskými trhmi cez obchodné centrá Chazarskej a Volžsko-Bulharskej ríše. Významnú úlohu tu zohrávali mestá nachádzajúce sa v ústi rieky Volgy – Bulgar³⁸ a Itil³⁹. Cez ne nadobúdali kontakty s ďalšími prikaspickými mestami vrátane širvánskych ako Baku a Derbent. Tu obchodovali nielen s domácimi, ale aj zahraničnými obchodníkmi (arabskí, perzskí a i.). Arabský autor z 9.-10. storočia al-Mas'udí poznamenal, že v Kaspickom mori sa okrem Rusov nikto neplavil⁴⁰. Vzniká tak predpoklad, že miestni kupci sa po mori neplavili, ale ponúkali tovar prichádzajúcim obchodníkom od mora⁴¹. Na prelome 9. a 10. storočia arabský geograf perzského pôvodu Ibn Churrdábih⁴² o obchode Rusov v Kaspickom mori napísal: „čo

sa týka kupcov – Rusov...vyvážajú zajačie kožušiny, kožušiny z čiernych lasíc, meče.. plavia sa po rieke Slovanov [Volga] do hlavného chazarského mesta [Itil], kde od nich vládca berie desatinu. Potom sa plavia do Džurdžanu⁴³ a vylodujú sa na akomkoľvek brehu⁴⁴. Podľa S. Ašurbejli slová Churrdábiha potvrdzuje aj ďalší arabský geograf z 10. storočia Ibn al-Faqíh⁴⁵. O tom, že Rusi poznali Kaspické pobrežie svedčia aj slová z Povesti vremennych let⁴⁶ a taktiež zo „Sofijského vremennika“, v ktorom sa nachádza výpoveď novgorodského arcibiskupa Vasiliho. Ten hovorí o ďalekej ceste Rusov na juh na troch lodiach. Počas svojej cesty sa pútnici vylodili na pobreží a „... vstupovali na hory, kde bolo svetlo samožiariace“⁴⁷. Za „svetlo samožiariace“ sa s veľkou pravdepodobnosťou mysleli ohne horiaceho plynu, ktoré sa ešte aj dnes nachádzajú na Apšerónskom polostrove v Širváne. Existuje teda množstvo dokladov, že už v 9. storočí bol Širván strediskom medzinárodného obchodu. Širván však nepredstavoval finálnu zastávku ruských kupcov na ich cestách za obchodom. Ibn Churrdábiha vo svojich práci napísal, že ruskí kupci vozili svoje tovary na ťavách z Džurdžanu do Bagdadu⁴⁸. To svedčí o tom, že ruskí kupci s veľkou pravdepodobnosťou putovali cez územie Širvánu do iných ázijských krajín ako Perzia či Arábia.

Okrem vodnej cesty existovala aj cesta po súši. Dagestanský historik Š.A. Magar-amov na základe svedectiev arabských geografov z 10. storočia popísal suchozemskú cestu vedúcu cez Širván, presnejšie cez sídla Barda, Barzandž a rieku Kura do Šamachy a odtiaľ cez Šabran a Abchaz až do Báb al-Abvábu (Derbent)⁴⁹. Táto cesta pokračovala ďalej do hlavného centra Chazarov Itilu. Trasa spájala Zakaukazsko a Blízky východ so severným Kaukazom, Rusou, Volžským Bulharskom a dolným povodím rieky Volgy⁵⁰. Po tejto ceste vedúcej cez širvánske sídla sa realizoval obojsmerný (ázijsko-európsky) prevoz tovarov a môžeme predpokladať, že ju využívali aj ruskí kupci. Dôležitým centrom a strediskom tohto karavanového obchodu bolo mesto Derbent. Od 7. do 13. storočia patrilo medzi najvýznamnejšie obchodné centrum Kaukazu, ktoré sprostredkovalo obchod medzi východnou Európou a Prednou Áziou⁵¹. Okrem toho bol hlavným centrom morského obchodu v Kaspickom mori.

Obchod a vojenské výpravy Rusov do Širvánu 9. – 11. storočí

Správy ruských obchodníkov o bohatstve východných a prikaspických krajín sa rozšírili v celej Rusi. O týchto krajoch Rusi získavali informácie predovšetkým z ústneho podania⁵². Niektorí azerbajdžanský historici predpokladajú, že rozšírenie takýchto správ viedlo k tomu, že spolu obchodnými výpravami sa organizovali na pobrežie Kaspického mora aj vojenské koristnícke výpravy⁵³. Tieto výpravy taktiež zasiahli územie Širvánu. Prvé správy o ruských pochodoch na pobrežie Kaspického mora sa vzťahujú k obdobiu medzi rokmi 880 až 909/910⁵⁴. Konkrétne v roku 864-884 Rusi napadli Abaskun na juhovýchodnom cípe Kaspického mora a v roku 909-910 sa znova objavili na tom istom brehu⁵⁵. O ďalších výpravách hovorí arabský letopisec al-Mas'údí. V rokoch 913-914⁵⁶ uskutočnili cez Kaspické more výpravy na Tabaristán⁵⁷, Širván a ďalšie pobrežné oblasti⁵⁸. Ozbrojené oddiely obsadili jeden z ostrovov v mori neďaleko širvánskeho pobrežia a odtiaľ organizovali pirátske výpravy na pobrežie, kde plienili a drancovali obyvateľstvo⁵⁹. Ďalšia výprava Rusov sa uskutočnili približne v rokoch 943-944⁶⁰. Oproti predošlej mala viac organizovaný charakter. Počas tejto výpravy popri kaspickom pobreží cez rieku Kura prenikli až do mesta Barda⁶¹, ktoré sa nachádzalo neďaleko od pravého brehu rieky Kury. Táto vojenská výprava zasiahla aj

územie Širvánu. Od 10. storočia obchodné a vojensko-politické kontakty Rusov v tomto regióne nadobudli pravidelný charakter⁶². Tento fakt bol podmienený dobytím Chazarskej ríše Rusmi v roku 965. Cez bývalé chazarské územie tak mohli Rusi ľahšie prenikať do oblastí Zakaukazska. Po páde Chazarskej ríše prenikanie ruských kupcov do Zakaukazska neprerušili ani konflikty s Polovcami v 11. a 12. storočí⁶³.

Ruské vojenské družiny však neviedli iba vojenské a koristnícke výpravy ale dokázali nadviazať aj vzťahy priateľského charakteru. Správy o tom pochádzajú z roku 987. Vtedy derbentský emír Majmún ibn Ahmad bojujúci proti raisom⁶⁴, nadviazal kontakty s Rusmi, ktorí sem priplávali na 18 lodiach⁶⁵. Vojenské výpravy Rusov pokračovali aj v nasledujúcom 11. storočí. V roku 1030 sa ruské oddiely vylodili na pobreží Širvánu. Vtedajší širvánsky šáh Manúčehr ibn Jazíd sa im so svojim vojskom postavil na odpor pri meste Baku⁶⁶. Širvánske vojsko však utrpelo porážku a Rusi sa pohli smerom na juh k rieke Kura a Araks. O dva rok neskôr Rusi znova vtrhli na územie Širvánu, no pri ich návrate boli v Dagestane porazení derbentským emírom Mansúrom ibn Majmúnom⁶⁷. Nájazdy Rusov do prikaspických oblastí svedčia o ich záujme o tento priestor. Ako významný obchodný uzol pre nich znamenal možnosť získať bohatú korisť.

Vojenské koristnícke výpravy Rusov do Širvánu nenarušili jeho pozíciu obchodnej križovatky karavánových ciest. Ruskí kupci v 10. a 11. storočí stále obchodovali v prikaspických oblastiach a vyvážali sem z Rusi rôzne tovary. Podľa dobových prameňov⁶⁸ ruskí kupci privážali kožušinu⁶⁹, med, vosk, ryby, lovecké vtáky, kožu a zbrane (drôtené košele, meče a iné) a vyvážali odtiaľ hodvábnu, vlnenú a bavlnenú látku, ryžu a rôzne remeselné výrobky⁷⁰. Okrem ruských kupcov prechádzali cez jeho územie aj množstvo kupcov z východu (Perzia, Arábia, India, Sýria a i.), ktorí putovali so svojim tovarom na územie Rusi. Privážali sem drahé kamene, sklo, šperky, hodváb a hodvábnu tkaninu, tymian, voňavky, šafran, čierne korenie a iné tovary. Cez územie Širvánu sa tak dostávalo na ruské trhy množstvo orientálnych tovarov, ktoré odtiaľ prevážali ruskí kupci ďalej do Európy. Kupci putovali hlavne vo veľkých karavánoch v počte okolo 1000 ľudí⁷¹. Podľa L.V. Mašanovej z ruských trhov východní kupci vyvážali hlavne kožušiny (čierna lasica, sobol', kuna, hranostaj, bobor, veverička a iné), otrokov, med, vosk, ľan a ľanové plátno, jantár, rôzne šperky a remeselné výrobky⁷².

Neskôr v 13. storočí, keď Širván sa dostal pod kontrolu Mongolov, sa vzájomné kontakty medzi ruskými obchodníkmi a Širvánom narušili⁷³. Došlo k úpadku obchodu a remesla v širvánskych mestách, čo sa odrazilo na tranzitnom obchode. Aj napriek tomu Širván svoj význam obchodnej križovatky nestratil⁷⁴. Začiatkom 14. storočia Volga znova nadobudla predchádzajúci význam tranzitnej tepny a cez Zlatú Hordu spájala ruský obchod so Širvánom a ďalšími prikaspickými oblasťami⁷⁵. Obnovila sa aj vzájomná tovarová výmena. Do konca 14. storočia sa hodváb, hodvábnu látku, koberce, korenie a iné orientálne tovary zo Zakaukazska a Prednej Ázie stále vyvážali cez Baku a Derbent do Astrachánu a odtiaľ cez Zlatú Hordu, Rusko do Európy. Derbent si dlho držal pozíciu centra medzinárodného tranzitného obchodu. Cez Derbent sa z Rusi exportovali tovary do krajín Zakaukazska a na Blízky východ. Medzi tieto tovary patrili najmä cenné kožušiny (bobor, sobol', veverička) a otroci či otrokyne⁷⁶. Zo Širvánu sa cez Derbent na sever vyvážal najmä hodváb, hodvábnu látku a atlas⁷⁷. Širván tak v období 11.-14. storočia spájal Východnú Európu s orientálnymi trhmi. Okrem Volžs-

ko-kaspickej cesty sa však stále využívala stará obchodná trasa vedúca z Číny a Indie, cez Strednú Áziu ku Kaspickému moru a po mori k rieke Kura a Riona až k Čiernemu moru. Obchodnú sprostredkovateľskú úlohu v tomto prípade zohrával aj Širván⁷⁸. Keďže Širván predstavoval dôležitú križovatku na hlavných karavánových cestách, podľa názoru ruského historika M.M. Altmana priťahoval pozornosť Európanov viac než iné prikaspické regióny⁷⁹. Tento záujem je badateľný v nasledujúcom 15. storočí, kedy sem za obchodom začalo prichádzať väčšie množstvo európskych obchodníkov - cestovateľov.

Ruskí obchodníci v Širváne v 15. storočí

Koniec 14. storočia bolo obdobím určitých hospodárskych a politických zmien v Širváne, čo sa odrazilo aj na obchode medzi zakaukazskými krajinami, Ruskom a Európou. V tom čase došlo k oslabeniu moci Mongolov (Íl chánov) v dôsledku čoho sa vytvárajú vhodné podmienky pre obnovu a rozvoj remeselnej výroby a obchodu. V samotnom Širváne nastal väčší hospodársky rozvoj, hlavne za vlády Derbentskej dynastie širvánskych šáhov (1382-1538). Vládcovia tejto dynastie si dokázali udržať samostatnosť, čo malo pozitívny vplyv na rozvoj miest, obchodu a remesla, a tým aj na rozšírenie zahraničných obchodných kontaktov s krajinami východu i západu. Širván znova nadobudol významné postavenie v medzinárodnom tranzitnom obchode. Cesta cez Kaspické more a Kaukaz bola opäť otvorená, k čomu prispel aj rozvoj širvánskych miest⁸⁰. Významnými centrami obchodu sa stali mestá Šamacha, Derbent, Šabran, Šeki, Baku a Areš.

Po oslabení moci Zlatej Hordy začali do Širvánu prichádzať európski, najmä ruskí kupci⁸¹. V dôsledku stále rozvíjajúceho sa obchodu ruskí kupci viac a viac využívali Volžsko-kaspickú obchodnú cestu a cez Širván nadväzovali spojenie s celým Zakaukazskom a s ostatnými ázijskými trhmi. Na pobreží Širvánu sa nachádzali spomínané prístavy Derbent a Baku, ktoré boli pravdepodobne jedinými dostupnými prístavmi na západnom pobreží Kaspického mora⁸². Odtiaľ pokračovali do ďalších centier Širvánu ako Šamacha⁸³, ktorá bola v tom čase centrom produkcie hodvábu, ktorý bol dôležitým vývozným artiklom⁸⁴. Šamachinský hodváb bol Rusom dobre známy už v 12.-13. storočí. O tom svedčí ruský epos Djuka Stepanoviča, v ktorom sa spomína šamachinský biely hodváb⁸⁵. Okrem hodvábu sa vyvážala aj ropa, soľ, šafran, marena, ryža, vlnené a bavlnené látky, sušené ovocie a rôzne remeselné výrobky⁸⁶. Medzi ďalšie vyvážané tovary patrili brokát, striebro, drahocenné kamene, súkno, perly, čierne korenie, víno, kone a iné tovary⁸⁷. Ruskí obchodníci neprichádzali sem iba za účelom nákupu tovarov, ale privážali aj vlastné tovary, ktoré tu ponúkali na predaj. Nezachovali sa nám však správy o presnom množstve dovážaných (aj vyvážaných) tovarov, no vieme, aké druhy tovarov dovážali. Boli to najmä kožušiny, kože, obilie, súkno, ľan, plátno, vosk, lovecké vtáky a rôzne remeselné výrobky (nádoby, plátna, výrobky zo striebra a i.). Dôležitým artiklom boli zbrane (panciere, nože, šípy, sekery, oceľové brnenia, drôtene košele a iné), ktoré sa na východe vysoko cenili a konkurovali zbraniam dovážaným zo západu.

Záujem o ruské trhy zosilnel aj u zakaukazských kupcov. Preto sa v druhej polovici 15. storočia centrum tranzitného obchodu presúval z južných oblastí na sever do Širvánu k brehom Kaspického mora a k rieke Volge. To bolo badateľné hlavne na neustálom náraste obchodného významu širvánskych miest. Z Derbentu prichádzali do

Astracháne kupci s ryžou, hodvábnymi látkami a inými tovarmi a vymieňali ich s Rusmi za kožušinu a iné žiadané tovary v Derbente. Dokonca aj do Moskvy prichádzali kupci zo Širvánu a iných zakaukazských oblastí. To potvrdzujú ruské letopisy (Nikonovský, Jermolinský, Ipatevský a i.) z 15. a 16. storočia, ktoré hovoria o príchode kupcov zo Šamachy do Moskvy⁸⁸. Okrem kupcov sem prichádzali aj poslovia, ktorých vysielal širvánsky šáh za účelom upevnenia politických a obchodných vzťahov⁸⁹.

Okrem obchodných kontaktov Širván a Moskva nadviazali aj diplomatické kontakty. Prvým oficiálnym diplomatickým spojením medzi Širvánom a Moskvou bola misia širvánskeho posla Hasan Bega k moskovskému kniežaťu Ivanovi III v roku 1465⁹⁰. Do Moskvy ho vyslal širvánsky šáh Farruch Jasar. Predmet jeho misie nie je známy⁹¹, no vtedajší ruský cár na túto misiu odpovedal vyslaním svojho posla Vasiliho Papina do Širvánu⁹². Týmto misiami sa obchodné spojenie medzi Ruskom a Širvánom ešte viac oživilo. Veľa ruských kupcov začalo vo väčšej miere cestovať do Širvánu, ktorý pre nich predstavoval výhodný trh, kde sa predávalo množstvo orientálnych tovarov. O záujme ruských kupcov o tento priestor svedčí aj misia ruského obchodníka z Tveru Afanasija Nikitina, ktorý cestoval cez územie Širvánu do Perzie a Indie. V roku 1466 A. Nikitin spolu s tovarom a posádkou vyrazil na dvoch lodiach z Tveru do Moskvy, kde sa pridol k spomínanému širvánskeму poslovi Hasan Begovi⁹³. Spolu v sprievode šamachinských a ruských kupcov odišli z Moskvy cez rieku Volga do Astracháne. Odtiaľ sa plavili s loďami a tovarom do Derbentu. Než dorazili do prístavu, zastihla ich na mori búrka a následne boli prepadnutí a zajatí Kajtagmi. A. Nikitin spomenul, že neskôr širvánsky šáh Farruch Jasar vyslal posla ku kajtagskému chánovi Chalil begovi a požadoval, aby zajatých „ľudí [kupcov] poslal ku mne [širvánskeму šáhovi] a ich tovary odovzdal, pretože títo ľudia boli poslaní ku mne“⁹⁴. Z tejto žiadosti prepustenia zajatcov (kupcov) a navrátenia tovarov je badateľné, že z Ruska prichádzalo do Širvánu množstvo tovarov, o ktoré mal záujem aj samotný širvánsky šáh. Po oslobodení došli do Derbentu, kde sa A. Nikitin stretol s ruským poslom Vasilim Papinom. Niektorí kupci sa vrátili späť domov do Ruska, no väčšina ostala v Šamache, alebo iných širvánskych mestách. Nikitin odišiel do Baku, o ktorom zanechal jedinou zmienku, že tu „horí oheň nehasnuci.“⁹⁵. Odtiaľ sa v roku 1466 odobral cez Kaspické more do Mazandaranu⁹⁶. O niekoľko rokov neskôr v roku 1475 ruské knieža Ivan III. vyslal do Tabrízu k Uzun Hasanovi posla Marka Rossa, ktorý sa cestou stretol s talianskym vyslancom Ambrogio Contarinim. Podobne ako predchádzajúci ruskí poslovia, aj Marko Rosso prechádzal cez územie Širvánu. Do 16. storočia tak medzi Širvánom a Ruskom neustále putovali obchodníci so svojim tovarom. Častokrát boli sprevádzaní aj diplomatickými misiami z oboch strán. Je badateľné, že ruskí kupci obchodovali so Širvánom a prostredníctvom širvánskych trhov sa dostávali k ďalším ázijským tovarom. Naopak ruskí kupci ponúkali svoje tovary, ktoré sa cez Širván vyvážali ďalej na východ.

Širván a západoeurópski cestovatelia v 13.-15. storočí

Ruskí kupci a cestovatelia neboli jediní, ktorí prichádzali do oblasti Zakaukazska a na územie Širvánu. Už v čase mongolskej nadvlády na Blízkom a Strednom východe sa tu začali objavovať prví cestovatelia z Európy, ktorí sem prichádzali prevažne za účelom obchodu. Pred mongolskými útokmi sa západná Európa o východ veľmi nezau-

jímala. No po mongolských vpádoch začali európski cestovatelia a kupci cestovať cez územia obsadené Mongolmi (vrátane Zakaukazska) do Číny⁹⁷. V tomto období nastal prudký rozvoj karavanového obchodu napojeného na Európu⁹⁸. Okrem toho, niektoré európske katolícke mocnosti videli v mongolských vládcoch potenciálnych spojencov v boji proti moslimským Mamlúkom z Egyptu. Z tohto dôvodu začali na dvory mongolských chánov vysielat' svojich vyslancov a poslov.

Od polovice 13. storočia sa tak začali objavovať prvé správy európskych cestovateľov o oblastiach Zakaukazska vrátane Širvátu. Jeden z prvých cestovateľov, ktorý v roku 1254 počas svojho návratu z Mongolska prechádzal cez územie Širvátu bol františkánsky mních Viliam Rubruk⁹⁹. Počas svojej cesty navštívil mestá Derbent, Šabran a Šamacha¹⁰⁰. Odtiaľ pokračoval ďalej cez Mugaň po toku rieky Kura a Araks až k mestu Erzurum. Viliam Rubruk putoval týmito krajinami pravdepodobne aj v rámci obchodníckej výpravy¹⁰¹. Ďalší známy európsky cestovateľ, ktorý zanechal správy o území Širvátu bol Marko Polo. Okolo roku 1293 prechádzal cez územie Perzie cez mesto Tabríz¹⁰². Vo svojich zápiskoch zanechal opis gruzínskych a širvánskych oblastí¹⁰³, aj keď cez ne priamo neprechádzal. Marko Polo spomenul, že sa tu nachádzalo veľa miest a mestečiek, v ktorých sa obyvatelia venovali predovšetkým obchodu a remeslu a kde sa produkovalo „veľa hodvábu a hodvábné a zlaté tkaniny, aké neuvidíš nikde inde na svete“¹⁰⁴. Zanechal nám správy aj o Kaspickom mori¹⁰⁵ a o tom, že „nedávno sem začali plávať janovskí kupci, ktorí sem previezli svoje lode“¹⁰⁶. Odtiaľ vyvážali hodváb nazývaný gelli¹⁰⁷. Aj keď hodváb zo Širvátu nespomína, je vysoko pravdepodobné, že ho talianski kupci taktiež vyvážali. Marko Polo spomenul aj ropné náleziská Apšeronskej oblasti¹⁰⁸. Hoci mesto Baku Polo nespomenul, o niekoľko desaťročí neskôr v roku 1320 ho spomína francúzsky dominikánsky mních Jordan Catalani de Sévérac¹⁰⁹, ktorý prechádzal cez územie Zakaukazska. Vo svojich zápiskoch opísal Baku ako miesto, kde sa „kopú studne a čerpá sa z nich olej nazývaný ropa“¹¹⁰, a ktorá podľa jeho slov dobré horí a má liečivé účinky. O produkcii hodvábu v Širváne konkrétne v Šamache sa zmienil ďalší cestovateľ Ruy Gonzáles de Clavijo, ktorý v roku 1403 prechádzal cez územie Perzie na dvor chána Timura¹¹¹. Šamachu označil ako miesto, kde „vyrábajú veľa hodvábu a prichádzajú sem za ním kupci z Janova a Benátok“¹¹². Odtiaľ sa šamachinský hodváb spolu s gilánskym hodváhom privážal cez „more Baku“¹¹³ do mesta Sultanije¹¹⁴. O meste Derbent poznamenal, že je to veľké mesto a spolu so „Železnou bránou“ (Derbent) prináša Timurovi veľké zisky¹¹⁵. Z toho je možné usúdiť, že sa tu viedol výhodný transportný obchod. O obchode v Širváne nám zanechal správy aj nemecký cestovateľ Johann Schiltberger, ktorý po bitke pri Ankara v roku 1402 padol do zajatia chána Timura¹¹⁶. Širván označil ako krajinu, kde sa nakupuje hodváb, z ktorého sa následne vyrábajú kvalitné materiály v Damasku a Kašane¹¹⁷. Podľa jeho slov sa sčasti širvánsky hodváb vyvážal do Benátok a Lucci, kde sa z neho vyrábala kvalitný zamat¹¹⁸. Spomenul aj Kaspické more a mesto Šeki a Šamacha, ktoré označil za hlavné mesto Širvátu¹¹⁹.

Širván a talianski cestovatelia v 15. a 16. storočí

Zakaukazské oblasti boli talianskym kupcom známe už v stredoveku¹²⁰. Z vyššie uvedených slov západoeurópskych cestovateľov vidíme, že dobre poznali Kaspické more a realizovali na ňom obchod. Z kaspických oblastí vyvážali nakúpené tovary do Tanu a Kafy na pobreží Čierneho mora a cez ne do Malej Ázie a ďalej do Európy.

V 15. storočí sa však v dôsledku rozšírenia moci Osmanskej ríše skomplikovalo spojenie európskych, najmä talianskych miest s orientálnymi a zakaukazskými trhmi. Kupci z týchto miest začali hľadať nové spôsoby, ako ľahšie preniknúť a obchodovať s východnými trhmi a zároveň sa vyhnúť Osmanskej ríši¹²¹. V dôsledku toho v medzinárodnom obchode začala zohrávať dôležitú úlohu severná Volžsko-kaspická cesta. Hlavnými tranzitnými centrami obchodu sa stali širvánske mestá Šamacha, Šabran a prístavy Baku a Derbent. Hlavnými sprostredkovateľmi obchodu so západnou Európou boli v 14. a 15. storočí benátski a janovskí kupci a cestovatelia¹²². Ďalšie správy o prítomnosti talianskych kupcov a cestovateľoch v týchto oblastiach pochádzajú zo začiatku 15. storočia. Napríklad v roku 1428 kupec Giovanni della Valle pomohol správcovi Derbentu postaviť vojenskú loď, ktorá mala slúžiť na ochranu obchodných lodí pred prepadmi morských pirátov¹²³. Obchodná úloha talianskych kupcov zosilnela v druhej polovici 15. storočia, kedy Benátky začali vyjednávať s vládcom Ak-kojunovskej ríše Uzun Hasanom o spoločnom vojenskom postupe proti Osmanskej ríši. Benátski poslovia na ak-kojunovskom dvore Giosafat Barbaro¹²⁴ a Ambrogio Contarini v druhej polovici 15. storočia prechádzali cez územie Širvánu a zanechali o ňom správy vo svojich zápiskoch. Contarini spomenul, že dorazili do mesta Šamacha, patriacemu širvánskemu šáhovi - „vládcovi Médie“¹²⁵. Podľa jeho slov v meste vyrábali hodváby, v benátskych známe ako „talamanský“¹²⁶ a rôzne hodvábné látky, zväčša hladké, ale nie veľmi kvalitné. Contarini prirovnal Šamachu k mestu Tabríz slovami: „Šamacha nie je taká veľká ako Tabríz, no podľa mňa, je vo viacerých smeroch lepšia než Tabríz a bohatá na rôzne tovary každodennej potreby“¹²⁷. V Šamache boli ubytovaní v karavansaraji¹²⁸, čo potvrdzuje, že v meste bol dostatočne rozvinutý zahraničný tranzitný obchod. Zo Šamachy putoval do mesta Derbent, ktoré Contarini označil ako hraničné mesto medzi Tartáriou a Širvánom. S hľadiska prechodu mal podľa Contariniho dôležitú úlohu, keďže to bolo jediné miesto (horský priesmyk), cez ktoré sa dalo prejsť zo severu na juh¹²⁹. Odtiaľ pokračovali po Bakinskom mori¹³⁰ do Astracháne¹³¹.

Ďalší talianski cestovatelia, ktorí síce priamo nenavštívili územie Širvánu, ale ho spomínajú vo svojich zápiskoch boli Caterino Zeno a Giovanni Mario Angiolello. Caterino Zeno vo svojom diele spomenul Širván v spojení s vojenským pochodom Uzun Hassanu. Mesto Šamacha označil ako hlavne sídlo Širvánu¹³². Taktiež mesto Derbent je označované ako dôležité obranné mesto¹³³ a obchodný prístav. Dôležitý obchodný význam kládol Kaspickému moru, ním nazývaným Bakinským, po ktorom plávali lode naložené tovarom z Tabrízu, Širvánu a celej Perzie¹³⁴. Mario Angiolello podobne ako Zeno Širván spomína v súvislosti s opisom politických udalostí v Perzii na prelome 15. a 16. storočia, ktoré vo svojom diele zachytáva. Derbent je taktiež označovaný ako vysokohorské opevnené mesto – Tenicarpi (Železná brána), cez ktoré viedol jediný prechod do Tartárie a Čerkézsku¹³⁵. Okrem toho ho označil ako dôležitý prístav, ktorý obchoduje s kupcami z Astracháne¹³⁶. Okrem Derbentu spomenul mesto Šabran a „Baccara“ alebo „Baccac“ (čiže Baku), ktoré označil ako dôležitý prístav Tabrízu¹³⁷. Podľa jeho slov bolo už v staroveku významným miestom a prístavom na mori nazývanom „Baccac“, „Kaspik“, alebo aj „Hyrkánske more“¹³⁸. Sem sa privážal hodváby z Astrabadu (silk of Strava)¹³⁹. Neznámy taliansky autor – obchodník, ktorý koncom 15. storočia putoval z Tabrízu do Derbentu za účelom obchodu taktiež zanechal zopár

správ o Širváne a spomínaných mestách. Podobne ako ostatní autori, aj on Derbent označil ako významný horský priesmyk a pevnosť. V tej dobe viedla popri pobreží Kaspického mora dôležitá cesta, ktorú chránili pevnosti. V súvislosti s tým neznámy taliansky autor spomína všetky významné obchodné centrá Širvánu (Derbent, Šamacha, Baku, Šabran, a i.)¹⁴⁰.

Talianski poslovia a kupci sa v tomto priestore pohybovali aj v nasledujúcom 16. storočí. Správa o obchode s korením vedená cez oblasť Širván je prítomná v liste z roku 1514 od kapitána mesta Rougo Benátčana Donata de Leze¹⁴¹. Ten poznamenal, že korenie z Indie sa privážalo do veľkého mesta Šamacha (Shamachii) a odtiaľ do Baku (Bacha), kde sa viedol čulý obchod. Korenie sa tu nakladalo na lode a odvážalo do Astracháne¹⁴². Vo svojich zápiskoch Širván spomína benátsky posol Michael Membré, ktorý ho označil ako za jednu z provincií Safijovskej ríše. Podľa neho bol Širván dôležitým producentom ropy a hodvábu¹⁴³, ktorý sa vyvážal na juh do Hormuzu a odtiaľ do Európy. Širván spomína aj ďalší talianski cestovateľ a posol Vincentio d'Alessandri hlavne v súvislosti obchodu, ktorý tu viedli anglickí kupci¹⁴⁴. Zápisky všetkých spomínaných cestovateľov svedčia o tom, že talianski kupci v 15. a 16. storočí veľmi dobre poznali územie Širvánu a kládli mu dôležitú úlohu v tranzitnom obchode medzi Európou a Áziou. Okrem toho pre nich predstavoval dôležitý zdroj tovarov, najmä hodvábu, čo zdôraznili viacerí spomínaní cestovatelia.

V prvej polovici 16. storočia však došlo k prevratným zmenám realizácie obchodu talianskych obchodníkov v Zakaukazskom (vrátane Širvánu) priestore. Vzťahy medzi Benátkami a Osmanskou ríšou sa viac menej stabilizovali a po podpísaní obchodných zmlúv benátski kupci sa začali sústreďovať na realizáciu obchodu s východnými trhmi cez územie Osmanskej ríše. Napríklad v roku 1531 podpísali Benátky s Osmanskou ríšou zmluvu, podľa ktorej mohli benátski obchodníci viesť slobodný obchod cez územie Osmanskej ríše. Obchod cez Volžsko-kaspickú cestu však neochabol, ale zostal prevažne v rukách ruských obchodníkov. Od polovice 16. storočia sa doňho aktívne zapojili aj predstavitelia anglickej obchodnej spoločnosti, ktorú zohrávali do konca 16. storočia dôležitú úlohu prevozu orientálnych tovarov cez Širván, Kaspické more a územie Ruska na trhy západnej Európy¹⁴⁵.

Širván v dielach európskych cestovateľov a geografov a jeho obchodný význam v európsko-ázijskom obchode do 16. storočia



Примечания

¹ Historicko-geografická oblasť na území dnešného Azerbajdžanu. Hranice Širvánu sa v rámci jeho historického vývoja menili. No asi najcharakteristickejšie jeho hranice zafinoval azerbajdžanský historik 19. storočia A.K. Bakichanov, ktorý ich stanovil takto: „*Oblasť Širvánu je na východe ohraničená Kaspickým morom. Na juhozápade riekou Kura, ktorá ju oddeľuje od oblasti Mugan. Na severozápade riekou Ganich (Alazani)... Ďalej na severe Kaukazským chrbtom... až k toku rieky Darvaj, ktorá ústi do Kaspického mora.*“ Бакиханов А. *Гюлистан-и Ирам*. Баку : ЭЛМ, 1991, s. 11. Podobne aj ruský orientalista V.V. Bartold Širván ohraničil ako oblasť na severozápadnom pobreží Kaspického mora východne od rieky Kury až po mesto Derbent. Бартольд В.В. *Работы по исторической географии и истории Ирана*. Москва : Восточная литература, 2003, s. 571.

² Ашурбейли С.Б. *Экономические и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века*. Баку: ЭЛМ, 1990, S. 13. Toto tvrdenie je však diskutabilné (pozn. autora).

³ Podľa Strabóna Albánia je územie medzi riekou Kura a Kaspickým morom. Страбон *География в 17 книгах*. Книга XI [online]. М.: Ладомир, 1994, s. 491. [cit. 2013–03–20]. Dostupné na internete:

<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267868495>. Podľa názoru niektorých historikov - geografov územie Albánie na severe a severozápade s Alaniou a krajinou Sarmatov, na západe s Ibériou (Gruzínskom) a Arménskom, na východe s Kaspickým morom a na juhu s riekou Kura a Araks, čo potvrdzujú aj pramene (Plínius Starší, Mojžiš Chorenaci, Mojžiš Kagankatvaci a i.). Neskôr Albánia bola známa pod arabsko-perzským názvom - Arran. Arabský geograf Al Mukaddasi sem začlenil aj územie Širvátu. PEZA Э.-о. *Азербайджан и Арран (Атурпатакан и Кавказская Албания)*. Пер. с перс. Г. Асатрян. М.: Квадрига, 2012, s. 32, 36.

⁴ V kaukazskej oblasti sa križovali dôležité cesty zo severu na juh a z východu na západ. Priesmykmi Porta Caspicae a Porta Caucasicae prechádzali už v dávnych dobách družiny kupcov. JIROUŠEK, A. BRAUN, B. Kaukaz. Martin : Osveta, 1980, s. 7.

⁵ Grécky geograf a historik žijúci v 6.-5. storočí p.n.l. Okrem Kaspického mora (Mare Caspium) spomína aj Kaukazskú alebo Kaspickú bránu (Portas Caspias). Pozri dielo: Hecataei Milesii Fragmenta. Scylacis Carvandensis Periplus. Ed. Rudolf Heinrich Klausen. Beroliny : Impensis G. Reimeri, 1831. 324 s.

⁶ „...Kaspické more je uzatvorená vodná plocha, nespojená s iným morom. Ved' more, po ktorom plávajú Heléni, aj to, ktoré je za Heraklovými stĺpmi [Gibraltár], tak nazývané Atlantické a Červené more – to všetko je jedno more. No Kaspické more je osobitého rázu. Jeho dĺžka – 15 dní plavby na veslici a šírka v najširšom mieste – 8 dní. Na západe hraničí s Kaukazskými horami...“ Геродот *История в девяти книгах*. Книга I/203[online]. Л.: Наука, 1972. Bez paginácie [cit. 2013-01-03]. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1269019585#203>.

⁷ Okrem toho predpokladal, že na pobreží Kaspického mora museli existovať nejaké prístavy (napr. v ústi rieky Volga a Kura). Pozri: Велиев С. *Древний, оревний Азербайджан* (Предисл. Ф. Мехти). Баку : Гянджлик, 1983, s. 23.

⁸ А.К. Bakichanov taktiež poznamenal, že „...v Dagestane a Širváne sa zachovalo množstvo gréckych *ramiatok*.“ Бакиханов А. С.д., s. 32.

⁹ Ростовцев М.И. *Караванные города*. Пер. К.А. Аветисян. С. Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010, S. 30.

¹⁰ Страбон *География в 17 книгах*. Книга XI/VII [online]. М.: Ладомир, 1994, S. 509 [cit. 2013-01-04]. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267868495>.

¹¹ Плиний Старший *Естественная история VI*. 52, №2. М.: ВДИ, 1949, S. 284-285.

¹² Алиев К.Т. *Античные источники по истории Азербайджана*. Баку : ЭЛМ, 1986, S. 92.

¹³ Pozri diela: Алиев К.Т.-о. С.д., 132 s., Пахомов Е.А. *Обзор источников по истории Азербайджанской ССР. Выпуск 1. Источники клинописные, греческие, римские (латино-язычные), византийские*. Баку: АзФАН, 1940. 51 s.

¹⁴ Kaspická brána bol všeobecný geograficko-historický termín, ktorý sa používali už starovekí autori na označenie kaukazských priesmykov, ktoré spájali územia severne od Kaukazu so Zakaukazskom. Medzi takéto priesmyky patrili aj Derbentský prechod pri meste Derbent. Z toho vyplýva, že už v staroveku toto miesto zohrávalo dôležitú úlohu v rámci obchodného spojenia medzi Európou a Áziou (pozn. autora).

¹⁵ Strabón túto cestu opísal takto: „*Ku krajine Partov patrí Komisena a Chorena, tak ako aj všetky oblasti po Kaspickú bránu, po Rag a krajinu tapirov, ktorá predtým patrila Médii... Od Kaspickej brány do Rag, podľa slov Apollodora, 500 stadií a do hlavného mesta Partie – Hekatompila – 1260 stadií...*“ Страбон *География в 17 книгах*. Книга XI/IX [online]. М.: Ладомир, 1994, s. 514. [cit. 2013-01-04]. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267868495>. Okrem toho Strabón viackrát vo svojom diele spomína, že táto cesta sa často využívala na prepravu.

¹⁶ Страбон *География в 17 книгах*. Книга XI/V [online]. М.: Ладомир, 1994, S. 514. [cit. 2013-01-06]. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267868495>.

¹⁷ Кудрявцев А. *Древний Дербент*. М.: Наука, 1982, S. 46.

¹⁸ Пахомов Е.А. С.д., S. 30.

¹⁹ Джидди Г.А. *Средневековый город Шемаха (IX-XVII века)*. Баку: ЭЛМ, 1981, S. 70.

²⁰ Latinský nadpis znie: „*Imp Domitiano Caesare Avg Germanic L Iulius Maximus “Leg XII Ful”*“ V preklade: „*Влада Домитиана Цезаря Августа Германского, Lucius Julius Maximus, Centurión XII Bleskovej Лэгии*“ Ашурбейли С.Б. *Очерк истории средневекового Баку*. Баку: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР, 1964, S. 28.

²¹ Mesto v súčasnom Azerbajdžane na brehu rieky Kura. V minulosti táto lokalita patrila do oblasti Širvátu (pozn. autora).

²² Ашурбейли С.Б. Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана. Ин *Труды Музея истории Азербайджана*. Том II. Баку: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР, 1957, S. 163.

- ²³ Ptolemaeus Claudius *Geographia Cl. Ptolemaei Alexandrini* [online]. Venetiis : apud Vincentium Valgrisius, 1562, s. 184. [cit. 2013–03–22]. <http://amshistorica.unibo.it/184>
- ²⁴ Ашурбейли С.Б. *Экономические и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века*. Баку: ЭЛМ, 1990, S. 18.
- ²⁵ Ptolemaeus Claudius. C.d., s. 184.
- ²⁶ Мамедов И.А. *Великий шёлковый путь и Азербайджан*. Баку: ЭЛМ, 2005, s. 20.
- ²⁷ Ашурбейли С.Б. C.d., 1990, S. 20.
- ²⁸ Ruský orientalista V.V. Bartold poznamenal, že potom čo sa otvorilo obchodné spojenie medzi Čínou a Európou cez územie Partskej ríše, hlavným tovarom dovážajúcim do Európy sa stal hodváb v starovekom Ríme známy pod názvom *sericum* pravdepodobne prebraté z nejakého východného jazyka (čínsky - sy, kórejsky – sir, mongolsky – sirkek). Бартольд В.В. *История изучения Востока в Европе и России*. С. Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1911, S. 46.
- ²⁹ Бартольд В. *Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира*. Баку: 1924, S. 11.
- ³⁰ Dielo Theofana z Mytilénu sa nezachovalo, no do určitej miery z jeho diela čerpal grécky geograf Strabón, ktorý jeho meno v svojom diele geografia spomína. Pozri dielo: Страбон, c.d. [online]. [cit. 2013–01–06]. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1267868495>.
- ³¹ Бартольд В. C.d., 1924, S. 11.
- ³² Алиев К.Т.-о. C.d., S. 87.
- ³³ Za vlády Sásánovcov sa prvýkrát spomína Širván ako názov daného územia. Konkrétne za panovania šáha Husrava I. Anuširvána, ktorý vo východnom Zakaukazsku menoval takzvaných širvánšahov. Минорский В.Ф. *История Ширвана и Дербенда X-XI веков*. М.: Изд. Восточной литературы, 1963, s. 34.
- ³⁴ Ашурбейли С.Б. Ремесла и торговля раннесредневековых городов Азербайджана. Ин *Труды Музея истории Азербайджана*. Том II. Баку: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР, 1957, S. 163.
- ³⁵ K byzantsko-sásánovskému súpereniu pozri: Greatrex G. Lieu S. *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars*. Part II 363-630. London; New York : Routledge, 2002. 373 s.
- ³⁶ Алиев Ф.М. *Азербайджано-русские отношения (XV-XIX вв.)*. ч. 1. Баку: ЭЛМ, 1985. S. 3.
- ³⁷ Кудрявцев А.А. Развитие торговли в Дербенте в VI - первой половине XIII вв. Ин *Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме*. М.: Наука, 1980, S. 110.
- ³⁸ Bulgar bol založený Volžskými Bulharmi v 10. storočí a z hľadiska obchodu mal významnú úlohu ako miesto pre skladovanie tovarov (pozn. autora).
- ³⁹ Itil bolo od polovice 8. do 10. storočia hlavné mesto Chazarskej ríše. Bolo to miesto sprostredkovania obchodu medzi ruskými obchodníkmi a kupcami zo širvánskych miest ako Derbent, Šamacha, ale aj iných zakaukazských oblastí a miest. Itil bol kľúčovým centrom obchodu pre celú východnú Európu, ktorá obchodovala s Kaukazom, Perziou a Strednou Áziou. Алиев Ф.М., C.d., s. 9. Skutočnosť, že Rusi v Itile obchodovali a disponovali slobodami na obchod potvrdzuje arabský geograf Ibn Fadlan. Pozri: *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг.* [online]. пер. А. П. Ковалевского. Харьков: 1956. Bez paginácie [cit. 2013–01–06].
- ⁴⁰ Гаркави А.Я. *Сказания мусульманских писателей о славянах и русских*. М.: Книга по Требованию, 2011, с. 130. ⁴¹ Магарамов Ш.А. *Дагестан и Ширван в VI-XVI вв (экономические, политические и культурные взаимоотношения)*. Махачкала : Алеф, 2007, S. 41.
- ⁴² Ibn Churrdádbih je prvý známy arabský autor, ktorý poznal a písal o východných Slovanoch a Rusoch. Гаркави А.Я., C.d., s. 47.
- ⁴³ Džurdžan – staroveká Нуркánia, oblasť juhovýchodne od Kaspického mora. Бартольд В. В. *Ислам. Культура мусульманства. Мусульманский мир*. Вступ. ст. Е. Кузнецца. М.: Книжный Клуб Книговец, 2012, S. 130.
- ⁴⁴ ИБН Хордадбех *Книга путей и стран* [online]. пер. Н. М. Велихановой. М.: 1986. Bez paginácie [cit. 2013–01–06]. <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Hordabeh/frametext8.htm>.
- ⁴⁵ Ашурбейли С.Б., c.d., 1957, S. 160.
- ⁴⁶ Povešť vremenných let hovorí o možnosti cestovať do Kaspických oblastí: „...Z tohože lesa (Okovského) tečie rieka Volga na východ a vlieva sa sedemdesiatimi ústiami do mora Chvalisského (Kaspické more). Preto Rusi môžu plaviť sa po Volge v mesto Bolgar a Chvalisi a na východ prejsť do Simovho údolu.“ *Повесть временных лет*. Пер. Д.С. Лихачев. Bez paginácie [cit. 2013–01–07]. <http://oldrussian.chat.ru/04povest.htm>.
- ⁴⁷ Гусейнов А. *Азербайджано-русские отношения XV-XVII вв*. Баку: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР, 1963, S. 47.
- ⁴⁸ ИБН Хордадбех, c.d. Bez paginácie [cit. 2013–01–06].

⁴⁹ Магарамов Ш.А. С.д., S. 29.

⁵⁰ Бунятов З.М., *Азербайджан в VII-IX вв.* Баку: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР, 1965, С. 166-170.

⁵¹ Кудрявцев А.А. С.д., S. 115.

⁵² Машанова Л.В. *Россия и Восток: контакты, взаимодействия (IX-XVII вв.)*. М.: Гос. Ун-т Упр., 2002, С. 11.

⁵³ Алиев Ф.М., С.д., S. 11, Гусейнов А., С.д., S. 53, Ашурбейли С.Б., с.д., 1964, S. 67, Ruská historička L. V. Mašanová je toho názoru, že vojenské výpravy Rusov okrem ich želania ovládnuť obchodnú cestu do bohatých regiónov Prednej a Strednej Ázie boli spojené aj s spojeneckou povinnosťou vo vzťahu k politike Byzancii v zakaukazskom priestore. Машанова Л.В. С.д., s. 13.

⁵⁴ Гусейнов А., С.д., S. 48.

⁵⁵ Минорский В.Ф. Русь в Закавказье (Новые данные). Ин *Acta Orientalia Hungarica*. 3/1953, s. 207. Podľa historičky L. V. Mašanovej tento pochod Rusov bol vyvolaný aktivizáciou politiky Byzancie v Zakaukazsku. Pozri: Машанова Л.В. С.д., S. 13.

⁵⁶ V štúdií V.F. Minorského sa táto výprava datuje na rok 943. С.д., 1953, s. 207.

⁵⁷ Oblasť na južnom pobreží Kaspického mora (dnešný Mazandaran). Názov získalo podľa kmeňa Tapurov, ktorý obýval tieto oblasti. (perzský: Tapuristan, arabský: Tabaristan). Бартольд В.В. С.д., 2003, s. 215.

⁵⁸ Al-Mas'údí vo svojom diele poznamenal: „*Ruské lode sa rozšírili po celom mori [Kaspické], skupina z nich sa vydali na Džil, Dajlem mesta Tabaristanu, na Abaskun, ktorý sa nachádza v Džurdžanskom mori [Kaspické], do ropnej krajiny a smerom na Azerbajdžan... došli k ropným brehom v oblasti Širvānu, známeho pod názvom Baku. Pri svojom návrate z pobrežných krajín Rusi zamierili na ostrovy, neďaleko ložísk ropy vo vzdialenosti niekoľko míľ od nej.*“ Гаркави А.Я. С.д., s. 132.

⁵⁹ Al-Mas'údí toto plienenie opísal takto: „*Rusi prelievali krv, brali do zajatia ženy a deti, plienili, vysielali jazdcov a pálili. Lud žijúci v okolí moria s hrôzou nariekal, lebo sa im nestalo od dávna, žeby nepriateľ na nich takto zaútočil, keďže sem prichádzali iba lode obchodníkov a rybárov.*“ Гаркави А.Я. С.д., s. 132.

⁶⁰ O tejto výprave pojednáva vo svojom diele arabský historik Ibn Miškavajh. Pozri: Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. (943/4 г.). // *Византийский временник*. Т. 24, 1926, s. 63-92.

⁶¹ Barda alebo Partav – bolo hlavné mesto oblasti Arran (oblasť medzi riekami Kura a Araks). Bohatstvo tohto mesta bolo hlavnou príčinou jeho vyplienenia Rusmi. Бартольд В.В., С.д., 2003, s. 213.

⁶² Иноземцева Е.И. Из истории морехозяйственной деятельности народов Дагестана. // *Вестник Института ИАЭ*. Махачкала : № 4, 2005, S. 13.

⁶³ Polovci sa nachádzali na južných ruských stepiach, takže výrazne ruské obchodné spojenie s Kaukazom nemohli narušiť. Často krátko sa do obchodu zapájali. Альтман М.М. Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана. // *Труды Института истории им. Бакиханова АН АзССР*. 1947, Т. 1, S. 152.

⁶⁴ Rais – náčelník, predstaviteľ vládnucej vrstvy v mestách Východu. Sprostredkovateľ medzi administráciou (úradmi) a obyvateľstvom mesta. V niektorých prípadoch hlava mestských gild (remeselných dielni). Шихсаидов А.Р. К истории изучения Истории Ширвана и Дербенда. // *Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР*. Махачкала : Т. 20, 1970, S. 246.

⁶⁵ Минорский В.Ф. С.д., 1963, S. 152-153.

⁶⁶ Гусейнов А., С.д., S. 50, Минорский В.Ф., С.д., 1963, S. 153.

⁶⁷ Podľa azerbajdžanskej historičky S. Ašurbėjli Rusi znovu vtrhli do Širvānu v roku 1031. Následne ho v roku 1032 opäť napadli spolu s kmeňmi Sabirov a Alanov a obsadili mesto Jazidije (Šamacha). Ашурбейли С.Б. *Государство Ширваниахов*. Баку: Издательско-полиграфический Дом. "Абилов, Зейналов и сыновия", 2006, С. 84. K tejto udalosti sa viaže aj najstaršia ruská zmienka o „*Železnej bráne*“ (Derbent) v Sofijskom I. a Novgorodskom IV. letopise z rokov 1032-1033 (pod rokom 6540). Полное собрание русских летописей. Т. 5. СПб: Типография Эдуарда Праца, 1851, s. 136, V období 10.-17. storočí Rusi tento termín často používali pre označenie mesta Derbent. Штро В.А. Дербенд и Железные ворота в древнерусской литературе. Ин Труды отд. Древнерусской литературы. Л.: Институт русской литературы АН СССР, Т. 42, 1989, s. 262, 267.

⁶⁸ Pozri prameň Ибн-Мискавейх о походе Русов в Бердаа в 332 г. (943/4 г.). С.д. s. 63-92.

⁶⁹ Ruský orientalista P.P. Bušev z porovnania cien a množstva vyvázaného ruského tovaru do Perzie usúdil, že kožušina zohrávali vedúcu úlohu medzi vyvázanými tovarmi a bola cenená dosť vysoko. Бушев П.П. *История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам)*. М.: Наука, 1976, S. 31.

- ⁷⁰ Альтман М.М. С.д., S. 151, Гусейнов А., С.д, S. 52, Широкопад А.Б. *Каспий – русское озеро. Великий волжский путь. Большая нефть и большая политика.* М.: АСТ Москва, Хранитель, 2007, S. 15.
- ⁷¹ Azerbajdžanský historik A. Husejnov sa domnieva, že medzi týmito obchodníkmi boli aj azerbajdžanskí resp. širvánski kupci. Гусейнов А., С.д., S. 51.
- ⁷² Машанова Л.В. С.д., S. 10, 17.
- ⁷³ Алиев Ф.М., С.д., S. 12.
- ⁷⁴ Azerbajdžanský historik M. CH. Hejdarov problému obchodu v Azerbajdžane počas vlády Mongolov venoval svoju štúdiu. Podľa neho v tomto období obchodníci z Širvánu cez Derbent a Volžsko-kaspickú cestu udržiavali obchodné kontakty s kupcami Povolžia a Rusi. Гейдаров М.Х. О значении торговли и торговых путей Азербайджана в XIII – XIV веках. Ин *Известия Академии наук Азербайджанской ССР.* 1981, № 1, s. 49-54.
- ⁷⁵ Dôležitým obchodným centrom na tejto obchodnej ceste sa stalo mesto Saraj – hlavné mesto Zlatej Hordy. Tam sa stretávali ruskí kupci s kupcami z talianskych miest, ktorí sem prenikali prostredníctvom svojich obchodných kolónií na pobreží Čierneho mora (Kufa, Tana a iné). Альтман М.М. С.д., s. 153. Podľa S.A. Belokurova tatárski kupci preukazovali pomoc ruským kupcom, ktorí prichádzali do Zlatej Hordy iba z milosti chána. Do Zlatej Hordy sa zväzali tovary z Perzie, Indie a Číny a cháni kvôli tomu budovali obchodné cesty. Tieto cesty využívali aj ruskí obchodníci, ktorí spolu s tatárskymi obchodníkmi a tovarmi prenikali na ázijské trhy. Ruské tovary sa tak jednoduchšie dostávali na trhy do Šamachy, Tabrízu, Sultanije, Tokatu, Bagdadu a iných orientálnych centier obchodu. Белокуров С.А. *Сношения России с Кавказом. Выпуск 1-й. 1578-1613. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел.* М.: Университетская типография 1889, s. VII.
- ⁷⁶ Магарамов Ш.А., С.д., S. 69. V 14. storočí obchod s otrokmi nevedli iba Rusi a orientálni kupci. Do tohto obchodu sa zapájali aj kupci z Janova. Širván bol jedným z dôležitých zdrojov otrokov. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. Ин *Исторические записки.* М.: АН СССР Ин-т истории, 1938, т.3, S. 91.
- ⁷⁷ *Путешественники об Азербайджане.* Под ред. Э.М. Шахмалиева. Баку: Изд. Академии наук Азербайджана, 1961, Том I, S. 74.
- ⁷⁸ Derbent, Baku a Šamacha boli na hlavné obchodné cesty napojené lokálnymi karavánovými cestami, ktoré viedli cez tieto miesta smerom zo severu pozdĺž pobrežia Kaspického mora až k nížinám rieky Kura. Ďalšia cesta viedla od Baku smerom na severozápad smerom na Šamachu. Nakoniec tretia cesta sa odkláňala od druhej severozápadne smerom na sever k ceste vedúcej cez Derbent. Tieto cesty nestratili svoj význam ani v nasledujúcom období. Магарамов Ш.А., С.д., S. 74. Cesta vedúca od Astrachánu cez „Železnú bránu“ (Derbent) do Šamachy a ďalej sa spomína aj v *Povesti o železnej bráne.* Tá vznikla pravdepodobne v 15. storočí na základe slov cestovateľa, ktorý pobýval v Derbente a Šamache medzi rokmi 1436-1447. Бегунов Ю.К. Древнерусское описание Дербента и Ширвана. Ин *Труды отд. Древнерусской литературы.* Л.: Институт русской литературы АН СССР, т. 21, 1965, S. 126, 131.
- ⁷⁹ Альтман М.М. С.д., S. 152.
- ⁸⁰ Podľa A. Husejnova bol Širván v 15. storočí jednou z najrozvinutejších oblastí Zakaukazska, čo je badateľné z epigrafických pamiatok a pozostatkov karavansarajov, mostov, studní a iných stavieb z tohto obdobia. Tie svedčia o značne rozvinutom obchode v Širváne v tomto období. Гусейнов А. С.д., S. 56.
- ⁸¹ V 15. storočí prebiehalo zjednotenie ruských kniežatstiev, čo viedlo aj k rastu hospodárstva. Na čele zjednotených kniežatstiev stála Moskva, ktorá sa postupne stávala centrom obchodu v Rusku. Obchodníci z Moskvy nadviazali cez Astrachán a Kaspické more obchodné kontakty so Strednou Áziou, Dagestanom, Zakaukazskom, Iránom a aj Indiou. Алиев Ф.М. С.д., S. 13.
- ⁸² Koncom 14. storočia Derbent stratil svoj predchádzajúci význam, a jeho miesto prebralo Baku. Vďaka svojmu vhodne lokalizovanému prístavu sa v nasledujúcom 15. storočí stal hlavným prístavom Kaspického mora. Альтман М.М. С.д., S. 157.
- ⁸³ Šamacha už v 15. storočí zohrávala dôležitú úlohu v hospodárskom živote Širvánu a Zakaukazska. Sem sa snažili kupci z Európy a Ázie sústrediť obchodný kapitál. Šamachinský trh bol bohatý na rôzne tovary miestnej a zahraničnej výroby. Альтман М.М. С.д., S. 162.
- ⁸⁴ Podľa S. Ašurbeyli sa už v 13. storočí sa hodváb z Gilánu a Širvánu (Šamacha) vyvážal vo veľkom množstve do Talianska a Francúzska. Ашурбейли С.Б. С.д., 1964, S. 89. Dopyt po hodvábných látkach v Európe prudko stúpal najmä vo vyšších spoločenských vrstvách. Hodváb sa prevážal cez Damask, Aleppo a Stredozemné more do Európy. Vymieňal sa za európske tovary (strelné zbrane, súkno, luxusné predmety), po ktorých bol veľký dopyt na celom Blízkom a Strednom východe hlavne vo vyšších spoločenských kruhoch. Шахмалиев Э.М. Сообщения Итальянцев об экономическом состоянии Азербайджана в пер-

вой четверти XVI века. // *Ученые записки Азербайджанского государственного университета*. 1956, № 1, S. 90.

⁸⁵ Лапин А.М. К истории культурных связей России и Азербайджана в VIII – XVIII веках. // *Ученые записки*. Баку: Азербайджанский педагогический институт русского языка и литературы, выпуск 7, 1958, S. 40.

⁸⁶ Гусейнов А. С.д., S. 56.

⁸⁷ Podľa Nikitina existovalo medzi Moskovským kniežatstvom a Ak-Kojunlovskou ríšou obchodné spojenie cez Kaspické more (cez Širván) a ruskí kupci po tejto ceste dovážali do Moskvy (i iných ruských miest) damašek, taft, hodváb zo Šamachy, Tabrízu, Šeki a iných miest. Никитин А. *Хождение за три моря*. Пер. Л.С. Смирнов. Bez paginácie [cit. 2013–02–07]. <http://old-russian.chat.ru/16nikitin.htm>.

⁸⁸ Podľa letopisov šamachinskí kupci často cestovali za obchodom do Moskvy, kde predávali svoje tovary a vracali sa späť. Гусейнов А. С.д., S. 64.

⁸⁹ Jedno z najvýznamnejších širvánskych posolstiev do Moskvy prišlo v roku 1499, na čele ktorého stál vyslanec Šaebeddín. V tomto posolstve sa hovorilo o vzájomnej láske a priateľstve medzi oboma vládcami. Гусейнов А. С.д., S. 78, М.М. Altman túto misiu datuje na rok 1494. Альтман М.М. С.д., S. 160.

⁹⁰ Je zaujímavé, že v 15. storočí moskovské knieža Ivana III. v Širváne počestne nazývali veľký beg alebo biely chán. Бартольд В. С.д., 1924, S. 100.

⁹¹ O tejto misii sa zachovali zmienky v Sofijskom letopise, do ktorého sa zakladali správy, ktoré mali vysokú štátnu dôležitosť. Vzhľadom na historické fakty je možné predpokladať, že vyslanec širvánskeho šáha mal nadviazať oficiálne politické a obchodné kontakty. Avšak žiadne konkrétne zmienky sa o tom nedochovali. Алиев Ф.М. С.д., s. 14, Гусейнов А. С.д., S. 68.

⁹² Pravdepodobne chcel Ivan III získať širvánskeho šáha za spojenca v boji proti Zlatej Horde. Ашурбейли С.Б. С.д., 2006, S. 221.

⁹³ Praktiku odoslania obchodných karaván spolu s vyslancom bolo v tom období bežným javom. Kupci vyslancom zabezpečovali bezpečnosť a naopak časť kupeckého tovaru sa mohla previesť ako súčasť posolstva, na ktoré sa nevzťahovalo clo, čo však bolo trestné. Kupci taktiež poskytovali poslovi množstvo užitočných informácií. Алиев Ф.М. С.д., s. 17. Obchodníci často zohrávali úlohu posla ako predstaviteľa svojej krajiny bez oficiálnych listov a poverení. Гусейнов А. С.д., S. 53.

⁹⁴ Никитин А. С.д., bez paginácie.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Z Mazandaranu cez územie Perzie a Hormuz v roku 1469 odišiel do Indie, kde sa zdržal do roku 1472. *Путешественники об Азербайджане*. С.д., s. 43.

⁹⁷ Keďže celé územie Zakaukazska, Ruska, Strednej a Prednej Ázie bolo zjednotené pod jednou vládnuťou mongolskou dynastiou, vytvorili sa dobré podmienky pre rozvoj karavanového obchodu. Бартольд В. С.д., 1924, S. 65.

⁹⁸ K tomuto prispieva aj fakt, že 14.-15. storočie v západnej Európe bolo obdobím prudko rozširujúcich sa tovaro-peňažných vzťahov a vzniku prvých kapitalistických manufaktúr, ktoré sa objavili v jednotlivých mestách stredovekej Itálie a neskôr Holandska. S rozkvitajúcimi západoeurópskymi mestami sa rozvinul aj morský obchod. Адуррахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. *Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI - середина XIX в.)*. Грозный: Эльфа, 2007, S. 8.

⁹⁹ Viliam Rubruk bol vyslanec francúzskeho kráľa Ľudovíta IX., ktorý ho odoslal k mongolskému chánovi Mongkemu. Jeho cieľom bolo získať mongolského chána za spojenca v boji proti Saracénom. Jeho cesta trvala od roku 1253 do roku 1255. O ceste Viliama Rubruka k mongolskému chánovi. Pozri dielo: Rockhill W. W.. *The Journey of William of Rubruck to Eastern Parts of the World*. London : Hakluyt Society, 1900. 304 s.

¹⁰⁰ Vo svojich zápiskoch ich opísal ako veľké mestá. Mesto Derbent priamo nepomenúva, ale vo svojich zápiskoch spomína mesto, „*kde sa nachádza Železná brána, po ktorej je pomenované mesto*“. Týmto určite myslel mesto Derbent. Vykreslil ho ako veľké a dobré opevnené mesto. Pod termínom *Samaron* je pravdepodobne chápané mesto Šabran. Mesto Šamacha pomenúva ako *Samag*. O týchto mestách nezanechal bližší opis. РУБРУК, В. *Путешествия в восточные страны* [online]. Пер. А. И. Мален. М.: 1997. Bez paginácie [cit. 2013–01–12]. <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Rubruk/frameset6.htm>

¹⁰¹ Od 14. storočia začali do Zakaukazska a Perzie prenikať katolícki misionári, ktorí boli aktívnymi pomocníkmi francúzskych kupcov – cestovateľov. Snažili sa preniknúť na východ s cieľom naplniť svoje obchodné záujmy. Význam misionárov však nespočívala iba v plnení komerčných úloh, ale aj politických. Ich úlohou bolo preskúmať oblasti z hľadiska možnosti šírenia katolíckej viery. Ашурбейли С.Б. Католи-

ческие миссионеры в Азербайджане в XVII в. // *Средневековый Восток. История, Культура, Источниковедение*. М.: Наука, 1980, S. 11.

¹⁰² Mesto Tabríz bolo koncom 13. storočia významným medzinárodným obchodným centrom. Polo o obchode v Tabríze napísal, že jeho obyvatelia boli obchodníci a mnohí venovali remeslu“. Taktiež poznamenal, že sa tu vyrábali drahé látky zo zlata a hodvábu, vyvážali ich do rôznych krajín Ázie. Do mesta prichádzalo veľa kupcov, ktorí tu mali veľké zisky z obchodu. *Путешественники об Азербайджане*. С.д., s. 34.

¹⁰³ Marco Polo pomenovanie Širván priamo nespomína, ale z opisu a poznatkov o krajine je jasné, že sa jednalo o túto oblasť.

¹⁰⁴ Поло М. Книга о разнообразии мира. М.: *Эксмо*, 2005, S. 13.

¹⁰⁵ Kaspické more je v Polových zápiskoch označované ako more „Glevešelan“. Поло М. С.д., S. 13.

¹⁰⁶ Aj keď z tohto obdobia je málo správ o prítomnosti janovských (alebo benátskych) lodí v Kaspickom mori, Polové slová nemožno spochybniť. Janovčania svoje lode mohli do Kaspického mora dostať cez Čierne a Azovské more, Nižný Don a ďalej po spodnom toku Volgy. Поло М. С.д., S. 13, pozn. 46.

¹⁰⁷ Pod týmto názvom mal Polo na mysli gilánsky hodváb (pomenovaný podľa oblasti na južnom pobreží Kaspického mora - Gilán). K oblasti Gilán pozri dielo: Бартольд В.В. С.д., 2003, S. 215.

¹⁰⁸ „...на грузинской границе са находятъ язъны (ropy), .. стовкы тиав је мождне наложитъ тымто олежом. (Olej) nie je jedlý, možno ho zapáliť alebo ním natierajú távy, ktorých postihol svrab Z ďaleka prichádzajú za týmto olejom , v celej krajine je ho mnoho a horí“. Поло М. С.д., S. 12.

¹⁰⁹ Jordan Catalani de Sevérac bol francúzsky dominikánsky mních, ktorý v rokoch 1302 – 1330 sa zúčastnil rôznych misionárskych ciest na východ. Je autorom diela *Mirabilia descripta* (1330). [cit. 2013–01–12]. Dostupné na internete: <http://ricci.rt.usfca.edu/biography/view.aspx?biographyID=1415>.

¹¹⁰ *После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий* [online]. Пер. Я. М. Света. М.: Наука, 1968. Bez paginácie [cit. 2013–01–12].

¹¹¹ Ruy Gonzáles de Clavijo bol kastílsky dvoran, ktorého kastílsky kráľ Frederik III. v roku 1403 vyslal k Timurovi. O svojej ceste zanechal zápisky pod názvom *Denník ciest do Samarkandu*. Zo svojej cesty sa vrátil do Kastílie v roku 1406 s posolstvom od Timura. *Путешественники об Азербайджане*. С.д., s. 47.

¹¹² Клавихо Р. Г. *Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403 - 1406)* [online]. Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И. С. Мироковой. М.: Наука, 1990, S. 80. [cit. 2013–02–08]. <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Klavicho/frametext2.htm>.

¹¹³ Takto nazýva Clavijo Kaspické more v svojich zápiskoch. To svedčí o tom, že mesto Baku malo v tej dobe významné obchodné postavenie, keďže podľa neho mnohí cestovatelia nazývali Kaspické more. Význam mesta Baku ako dôležitého prístavu dosvedčuje aj stará mapa (Atlas) z roku 1375 napísaná v katalánskom jazyku. V ňom sa Kaspické more taktiež nazýva Bakinské more alebo more Sarra. Na mape je vyznačené mesto Baku (Bacu). V Kaspickom mori sa teda plavili aj katalánski moreplavci, ktorým bolo pobrežie Kaspického mora dobré známe. Ашурбейли С.Б. С.д., 1964, S. 89.

¹¹⁴ Okrem hodvábu sa do mesta Sultanije privážalo množstvo iných orientálnych tovarov. V tej dobe to bolo jedno z dôležitých obchodných centier v severozápadnom Iráne, o čom svedčia aj slová Clavija. Клавихо Р. Г. С.д., S. 81-82 [cit. 2013–02–08]. <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Klavicho/frametext2.htm>.

¹¹⁵ Клавихо Р. Г. С.д., S. 101 [cit. 2013–02–08].

¹¹⁶ Johann Schiltberger bol dostal do osmanského zajatia a neskôr ho sultán Bajazid I. vzal do služby ako posla. Spolu s ním sa zúčastnil bitky pri Ankare proti Timurovi v roku 1402. Pozri dielo: Бартольд В.В. С.д., 1911, S. 78-79.

¹¹⁷ Шильтбергер И. *Путешествие по Европе, Азии и Африке. С 1394 года до 1427 год*. Пер. со старонемецкого Ф.К. Бруна. Баку: ЭЛМ, 1984, S. 33.

¹¹⁸ Шильтбергер И. С.д., S. 33.

¹¹⁹ Širván označil ako kraj, kde je veľmi nezdravé ovzdušie, ale kde sa produkuje najlepší hodváb. Шильтбергер И. С.д., S. 41.

¹²⁰ Podľa ruského orientalistu V.V. Bartolda znalosti talianskych cestovateľov o týchto krajoch získavali zo starých antických a gréckych diel. Badateľné je to z ich používania gréckej terminológie, ktorými označovali blízkovýchodné mestá (napr. Bagdad – Babylon, Tabríz – Ekbatana, Širáz – Persopolis) Бартольд В.В. С.д., 1911, S. 80.

¹²¹ V tom čase sa v dôsledku protikladných záujmov zhoršili vzťahy medzi Ak-kojunlovskou a Osmanskou ríšou. Preto v prvej polovici 15. storočia Benátky nadviazali úzke diplomatické kontakty s ak-kojunlovským vládcom Uzun Hasanom (1453-1478) s cieľom popudíť ho proti Osmanskej ríši. Гейдаров М.Х. *Торговля и торговые связи Азербайджана в позднем средневековье*. Баку: ЭЛМ, 1999, S. 8.

¹²² Prítomnosť benátskeho konzula v Tabríze je doložená už z roku 1318. Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV веке. Ин *Сборник статей по истории Азербайджана. Выпуск 1*. М.: Изд. Академии наук Азербайджанской ССР, 1949, S. 197.

¹²³ Барбаро И. Путешествие в Тану [online]. Пер. Е.Ч. Скржинская. М.: Наука, 1971, s. 138. [cit. 2013-04-11]. Dostupné na internete: <http://открытая-библиотека.рф/book/15005.html>., Петрушевский И.П. C.d., S. 197.

¹²⁴ Giosafat Barbaro (začiatok 15. storočia – 1493) bol benátsky dvoran a diplomat. V rokoch 1471-1473 sa zúčastnil misie na dvor ak-kojunlovského vládcu Uzun Hasana v Tabríze. Na svojej spiatocnej ceste prechádzal cez územie Šírvánu cez mestá Šamacha a Derbent do Moskvy a odtiaľ cez Poľsko a Nemecko späť do Benátok. Jeho denník je plný osobitých porovnaní a správ, v niektoré informácie sú prebraté z druhej ruky. Preto nie je vždy ľahké určiť, či Barbaro bol svedkom opisovaných udalostí a krajov, alebo nie. *Путешественники об Азербайджане*. C.d., s. 72-73.

¹²⁵ Барбаро и Контарини о России. Пер. Е. Ч. Скржинской. Москва : Наука, 1971, s. 215. / *Библиотека иностранных писателей о России*. Пер. М. Михайловский. Т 1. СПб. 1836 [cit. 2013-02-10]. <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Kontarini/frameset1.htm>.

¹²⁶ Pod týmto termínom myslí zrejme talyšský podľa názvu pohoria Talyš nachádzajúceho sa na západnom pobreží Kaspického mora. Pozri poznámku 42 v diele: Барбаро и Контарини о России. C.d., s. 215.

¹²⁷ Барбаро и Контарини о России, s. 215. V Šamache žilo vtedy pravdepodobne 30-50 tisíc obyvateľov. Centrum výroby a tkania hodvábných látok bol Tabriz. *История Азербайджана. С древнейших времен до 70-х гг. XIX в.* Под ред. С. Алиярлы. Баку: Сігаq, 2008, s. 282.

¹²⁸ Karavansaraj - miesto, kde sa zastavovali karavány v nielen v Perzii ale aj v Rusku a mnohých krajinách Blízkeho a Stredného východu. Nachádzali sa prevažne vo veľkých mestách alebo na hlavných obchodných cestách. Európski (v tomto prípade anglickí) obchodníci a cestovatelia ich často využívali a často krátko si zakladali aj vlastné karavansaraje. Pozn. autora.

¹²⁹ Contariny Derbent nazval ako železná brána. Барбаро и Контарини о России. C.d., s. 216.

¹³⁰ Contariny je jeden z viacerých talianskych cestovateľov, ktorý nazýva Kaspické more Bakinským. Okrem neho ho takto nazývali aj iní talianski cestovatelia ako Caterino Zeno či Mario Angiolo, Pozri diela: *Путешественники об Азербайджане*. C.d., s. 92. *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. Trans and ed. by Ch. Grey. London. Printed for the Hakluyt society, 1873, s. 1-138.

¹³¹ Podľa jeho slov väčšinu kupcov, ktorí sa plavili do Astracháne boli Saracéni, ktorí s Rusmi a Tatármi vymieňali hodvábné a iné tkaniny za kožušinu a iné predmety, ktoré boli v Derbente vysoko žiadané. V Astracháni bol veľký trh, ktorý sa rozšíril aj do Šírvánu. Prichádzali sem aj kupci zo Šamachy. Využíval sa sem šírvánsky hodváb a odtiaľ do ďalších krajín. Гусейнов А. C.d., s. 81-82, *Путешественники об Азербайджане*. C.d., S. 93.

¹³² *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 44.

¹³³ Zeno poznamenal, že Derbent bolo najmocnejšie mesto východu, ktoré malo dvoje hradieb. *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 45.

¹³⁴ V súvislosti v Kaspickom morom spomína neznámu pevnosť Marmurlagi, ktorá mala význam ako prístav. Okrem Zena túto pevnosť spomenul aj M. Angiolo a neznámy taliansky cestovateľ obchodník (označil ju ako Maumataga). Z tejto pevnosti sa potom tovary presúvali do Šamachy, ktorá bola od nej vzdialená 2 dni pochodu. *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 48-49, 112, 188-189.

¹³⁵ *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 113.

¹³⁶ *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 114.

¹³⁷ *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 112, Шахмалиев Э.М. C.d., S. 90.

¹³⁸ *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 112-113, Шахмалиев Э.М. C.d., S. 91.

¹³⁹ *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 113.

¹⁴⁰ *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. C.d., s. 203-204.

¹⁴¹ Шахмалиев Э.М. C.d., S. 89.

¹⁴² Aj keď väčšina korenia z Indie sa do Európy dovážalo po južnej morskej ceste, časť z nich sa do Európy dovážalo severnou Volžsko-Kaspickou cestou. Problém bol v tom, že Portugalci monopolizovali obchod na morskej ceste z Indie a následne dovezené korenie predávali na európskych trhoch za vysoké ceny. V porovnaní s 15. storočím boli v 16. storočí ceny za korenie značne vyššie. Každoročne do Európy

privážali korenie nie viac než 5 – 6 lodí, čo bolo 2-3 krát menej než privážali Benátčania pred otvorením južnej morskej cesty. No dopyt po korení bol aj napriek tomu v Európe veľký. Шахмалиев Э.М. С.д., S. 89.

¹⁴³ Okrem Širvānu boli podľa jeho slov ďalšími dôležitými producentmi hodvábu provincie Gilán, Mázandarán a Veramine. Membré M. *Mision to the Lord Sophy of Persia (1539-1542)*. London : School of Oriental and African Studies, University of London, 1993, s. 77.

¹⁴⁴ *A Narrative of Italian Travels in Persia in the Fifteenth and Sixteenth Centuries*. С.д., s. 225.

¹⁴⁵ K problému anglického obchodu v Širvāne v 16. storočí pozri štúdiu: Rybár L. Úloha Širvānu v kontexte anglicko-perzskej obchodnej politiky v 16. storočí. In *Acta Historica Posoniensia*. XXI, 2013, v tlači.

L. Rybár

A DESCRIPTION OF THE SHIVRAN TERRITORY IN WRITINGS OF EUROPEAN TRAVELERS AND GEOGRAPHERS AND ITS ROLE IN THE TRADE BETWEEN EUROPE AND ASIA FROM ANCIENT TIMES TO THE XVI CENTURY

Key words: *Shivran; Caucasian Albania; trade between Europe and Asia; Herodotus; Strabo; Pliny the Elder; William of Rubruck; Marco Polo; Afanasy Nikitin.*

The role of Shivran territory (Caucasian Albania) is investigated as crossways of trade routes in the context of the trade between Europe and Asia from ancient times to the XVI century. The basic documents are writings of European travelers and geographers - Herodotus, Strabo, Pliny the Elder, William of Rubruck, Ruy González de Clavijo, Marco Polo, Ambrogio Contarini, and Afanasy Nikitin. There are also writings of Arabian authors - Al-Masudi, Abu'l Qasim Ubaid'Allah ibn Khordadbeh and others. From the XII century Shivran was very attractive not only for Russian, but also for European merchants, as is evidenced by messages of travelers, who had visited this territory.

M. Daniš

VÝRAZNÉ AUTORITY V DEJINÁCH PRÁVNEHO MYSLENIA

Статья посвящена известным корифеям в истории правовой мысли. Их идеи звучат особенно актуально в период современного кризиса морали. В историческом контексте рассматриваются взгляды Сократа, Цицерона, Вольтера, Канта, а также современных ученых Р. Дворкина и Л. Фуллера.

Ключевые слова: *история права; кризис морали; Сократ; Цицерон; Вольтер; Кант.*

Žijeme v dobe, keď je takmer každá oblasť nášho života poznačená krízou. Hľadáme príčiny kde sa len dá, avšak málokto si uvedomí, že skutočnou príčinou situácie, v ktorej sa naša spoločnosť nachádza je kríza našej morálky. Kríza spočíva v úpadku mravných hodnôt, absencii autorít, strate tradícií, prehlbujúcom sa relativizme, znižovaní nárokov na verejnú i súkromnú morálku.

Je nanajvýš aktuálne začať hovoriť o morálnych autoritách. Predovšetkým v oblasti práva, kde sa tento úpadok odzrkadľuje takmer vo všetkých stránkach, či už v zákonodarných kompetenciách, súdnom aparáte, alebo samotnom prístupe k dodržiavaniu právnych noriem. Prevláda tendencia nazerať na dobré a správne, len ako na vec súkromnej záľuby a individuálnej mienky. V priebehu vývoja spoločnosti sa morálka podstatne privatizovala – stala sa predmetom vôle jednotlivca, jeho preferencií, emócií a osobného prospechu. práve tento „pohyb od morálnej autority k morálnej autonómii mal za následok relativizáciu morálky a jej poníženie na stupeň „osobnej preferencie“¹. Je načase začať uvažovať o liečbe, ktorá si vyžaduje práve existenciu morálnej autority, ktorá by svojimi mimoriadnymi osobnými vlastnosťami a charizmou dokázala zvrátiť alebo aspoň zmierniť krízovú situáciu v spoločnosti, v oblasti práva predovšetkým. Je dôležité nájsť a disponovať práve takou morálnou autoritou, ktorá sa teší vážnosti a uznaniu do takej miery, že sa jej v danej spoločnosti neformálne priznáva viac alebo menej rozsiahla kompetencia určovať alebo iným spôsobom modifikovať právne normy.

História nás učí. Na to, aby sa človek vedel v istých okamihoch správne rozhodnúť potrebuje poznať svoju históriu. Potrebuje sa poučiť z chýb a omylov svojich predkov, potrebuje sa zamyslieť nad múdrosťou myšlienok uznávaných, inšpirovať sa názormi skúsených, vytvoriť si svoj vlastný názor a následne sa rozhodnúť. To platí aj pre rozhodovanie sa v oblasti práva, či už je človek na strane zákonodarnej, súdnej, alebo tej, ktorej postavenie, činnosť a vzťahy sú právnymi normami upravované.

Autority, ako Sokrates, Cicero, Voltaire, Grotius či Kant nie sú vybrané náhodne. Majú spoločné jedno – všetci mali dar spôsobiť akúsi revolúciu v právnom myslení. ide o výnimočných ľudí, ktorých spôsob nazerania na právo bol niečím novým a priekopníckym. Nielenže boli schopní obohatiť celosvetové kultúrne dedičstvo, ale pričínili sa nemalým podielom o to, v akej podobe máme a vnímame právo dnes.

Prínos Sokrata je v jeho neobyčajnom presvedčení o spravodlivosti zákonov a rešpekte k ich záväznosti. Dokázal to svojim podriadením sa rozsudku, ktorý znel na trest smrti. Absolútne nebral do úvahy fakt, že verdikt je nespravodlivý. Odovzdával sa „spravodlivosti“ s obdivuhodnou dôverou v celý právny systém. Principiálne odmietal akékoľvek porušenie práva. Úlohou v tomto prípade nie je kritizovať nespravodlivosť, ktorá sa mu udiala alebo zaujímať benevolentný postoj k nespravodlivým verdiktom súdu, ale poukázať na poslanstvo Sokrata, spočívajúce vo viere v správnosť a potrebnosť právneho systému, ako jedného zo základných pilierov a prostriedkov na udržanie poriadku, mieru a spravodlivosti v spoločnosti. Úcta k zákonu, typická pre celé antické právne myslenie².

Vlastnosti známeho mysliteľa rímskej antiky M. T. Cicera sa podpísali na veľkolepej prezentácii úcty a obdivu k rímskemu právu. Poukazujúc na hrozbu bezprávia vo vtedajšom režime vládnutia a úvahami o spravodlivosti, čestnosti

a slušnosti Cicero ako morálna autorita prezieravo využíva na upresnenie podstaty a významu práva.

Huga Grotiusa, skvelého právnika, s brilantným intelektom možno tiež pokladať za výnimočnú osobnosť – jeho myšlienky a názory týkajúce sa medzinárodného práva (*ius gentium*) boli plne akceptované a všeobecne uznávané. Ako zakladateľovi medzinárodného práva mu patrí čestné miesto medzi morálnymi autoritami v dejinách práva.

Obhajca spravodlivosti, slobody a ľudskej cti. Morálna autorita svojej doby, ktorej sa dostalo obdivu, rešpektu a cti ešte za jej života. Ostro vystupujúca proti bezpráviu, fanatizmu, resp. legálnemu zločinu v podobe bezduchého súdnictva, krutého vyšetovania a mučenia. Cieľavedomo a vytrvalo bojujúca za poľudštenie právneho systému. To je Francois Marie Aroute – Voltaire, morálna autorita z obdobia francúzskeho osvietenstva.

A konečne Immanuel Kant, autorita, ktorá dáva myšlienkam o práve, najmä prístupu k nemu nový rozmer. Prináša hlboké a obsírne úvahy, ktoré tak výrazne zasahujú do myslenia iných, že dejiny nasledujúcich storočí sú charakteristické najmä „receptiou, šírením, potieraním, pretváraním a znovuprijatím Kantových ideí“³. Jeho kategorický imperatív, prihovárajúci sa nášmu vnútornému svetu, svedomiu slovami „*konaj tak, akoby sa maxima tvojho konania mala prostredníctvom tvojej vôle stať všeobecným zákonom*“ nenechá ľahostajnú a chladnú žiadnu myseľ, ktorá príde akýmkoľvek spôsobom do kontaktu s právom. V tomto smere je potrebné spomenúť i R. Dworkina a L. Fullera.

Pohľadom naspäť do histórie je zaujímavé a pomerne obohacujúce pozastaviť sa pri niektorých názoroch významných mysliteľov a zamyslieť sa nad teóriami. Už v Antike zistíme, „že oblasť práva nebola oddelená od oblasti morálky tak jasne, ako je tomu v súčasných diskusiách, v ktorých sa prísne pojmovo rozlišuje medzi právom a morálkou. Výrazmi „mrav“, „zvyk“, „zákon“ sa označuje nielen to, čo je morálne správne, ale i čo právne vymožitelné. Morálnou autoritou bol svojou existenciou už samotný zákon.“

Sokrates zaraďujúci sa k špičke svetových filozofov vôbec, sa stal morálnou autoritou ochraňujúcou právo najmä post mortem. Počas svojho života obhajoval tézu, „že konať bezprávie je za všetkých okolností nesprávne“⁴. Hlboká viera a presvedčenie v toto tvrdenie sa naplnila jeho rozhodnutím, že nevyužije ponúknutú možnosť k úteku z väzenia, keď bol obvinený, že „neuznáva bohov, ktoré uznáva štát, a zavádza iné, nové božstvá a ďalej tým, že kazí mládež“⁵. Bol presvedčený, že princíp nestrácajú svoju platnosť len preto, že sa stala táto príhoda“⁶. Na svoju obranu vo svojej obhajobe s oduševnením vyhlásil: „... radšej musím na strane zákona a práva podstúpiť všetky nebezpečenstvá, než sa zo strachu pred väzením, alebo smrťou pridať k vám, keď sa uznášate o veciach nespravodlivých“⁷. S hrdosťou vyhlasoval, že „*nikdy nikomu v ničom nepovolil proti právu*“⁸. „Človek nikdy nesmie jednat nespravodlivo a je nevyhnutné dodržiavať dohody, pokiaľ sú spravodlivé“⁹. Dohodu chápal za kúsi mlčanlivú zhadu so zákonmi.

Sokratovo uvažovanie je nasledovné: „a) štát (rovnako ako rodičia) umožňuje svojim občanom užívať určité dobrodenia, b) pokiaľ tieto dobrodenia prijímame, zaväzujeme sa k rešpektu k zákonom, ako k protislužbe, c) bolo by morálne nesprávne

prijímať len výhody, ktoré poskytuje život v štáte a nepočítať i s možnými nevýhodami, ktoré odtiaľ plynú, alebo môžu plynúť, d) pokiaľ súhlasíme s tým, že sa budeme riadiť zákonmi, zaväzujeme sa rovnako k tomu, že budeme pokladať súdne rozhodnutie za záväzné a definitívne¹⁰. „Dobrý občan musí zachovávať aj zlé zákony, aby nepovzbudzoval zlého občana k porušovaniu dobrých zákonov. Tak vlastne stotožňuje zákonné so spravodlivým: spravodlivosť znamená žiť podľa zákonov štátu“¹¹. Vzdával sa kompetencie posudzovať spravodlivosť súdnych rozhodnutí. Zároveň približuje svoju neochvejnú vieru v spravodlivý verdikt slovami, že sudca nesedí na súde preto, aby robil právo predmetom milosti, ale aby ho rozsudzoval; a je pod prísahou, že nebude prejavovať priazeň podľa svojho osobného zdania, ale že bude súdiť podľa zákonov¹².

Obdivuhodným spôsobom poukázal spoluobčanom na svoj morálny záväzok, vnímajúc ako neochvejný rešpekt voči zákonom a právnemu systému štátu. V konečnom dôsledku to boli práve oni, spoluobčania, ktorí následne umožnili blahodarné pôsobenie zákonov tým, že ich rešpektovali, čím im poskytli uznanie a účinnosť. A tak sa v konečnom dôsledku naplnilo Sokratovo poslanstvo, zvyšujúce prirodzenú úctu k právu.

Morálnu autoritu, ktorá nemalým prínosom prispela k ochrane práva a k jeho správne nasmerovaniu bola významná osobnosť – rétor, filozof a právnik Rímskeho štátu **Marcus Tullius Cicero**. Niet pochyb, že tento neobyčajný, mimoriadne nadaný človek je „predstaviteľom a hovorcom jednej z hlavných zložiek civilizácie európskej a dnes i svetovej. Vystupoval i ako úspešný advokát a rečník. K zákonom a rímskej jurisdikcii vôbec prechovával neuveriteľný obdiv a úctu, čo dokazuje slovami vo svojom spise O rečníkovi: „na môj veru knižnice všetkých filozofov prekoná podľa môjho názoru jediná knižka obsahujúca zákony dvanástich dosiek¹³, ako váhou svojej autority, tak bohatosťou úžitku, ak máme na mysli pramene a základy zákonov. ... Z nich totiž vidíme, že práve tu máme hľadať mravnú silu¹⁴. Ctil si a vzdával chválu rímskemu právu zvýrazňovaním, ako je dôležité sa „dokonale naučiť právo občianske, zoznámiť sa so zákonmi, obsiahnuť celú minulosť, spoznať procesný poriadok senátu, štátnu ústavu a práva spojenecké ...“¹⁵. Sám neskôr vo svojej knihe O povinnostiach napísal, že „ľudia si vždy žiadali rovné právo. Dokiaľ ho dostávali od spravodlivého a poctivého jednotlivca, boli s ním spokojní. Keď tomu prestalo tak byť, boli vynájdené zákony, aby so všetkými ľuďmi vždy hovorili jednou a tou istou rečou. ... Skrátka, je treba všemožne pestovať a zachovávať spravodlivosť“¹⁶. Poukazoval tiež na bezprávie, ktorého pôvod videl predovšetkým v existujúcom režime „popierajúceho veškeré predstavy o morálke“.

Pojmy ako spravodlivosť, čestnosť a statočnosť predstavovali základné piliere slušnosti v jeho živote. Jeho princíp slušnosti (*decorum*) „nemôže byť odlúčený od čestnosti, lebo čo sa sluší je čestné, a čo je čestné to sa sluší“. Silne vnímal potrebu morálky ako v súkromnom, tak i vo verejnom živote.

Dôkladnejším a jasnejším výkladom práva prispel, analogicky, aj k jeho ochrane. Vypovedá o tom najmä jeho dielo O povinnostiach, ktoré je štúdiou o práve, spravodlivosti a čestnosti. Cicero vnímal právo ako určité spoločenské puto, bez ktorého nie je v spoločnosti ani poriadku, ani kázne. Svojim postojom teda obhajoval dôsledné dodržiavanie právnych noriem, ktoré spravodlivo modifikovali vzťahy nimi upravené.

Právo vnímal ako „podstatný prvok združovania, bez ktorého nemôže žiadna spoločnosť existovať. Je to spoločenské puto – *vinculum societatis* – a len vďaka nemu môže v medziľudských vzťahoch existovať poriadok – *vivendi disciplina*.

Spravodlivosť chápal ako všeobecný základ ľudskosti a spoločenstva života. Cicerovým „prvým príkazom spravodlivosti je, aby človek človeku neškodil, ibaže by bol nespravodlivo napadnutý a aby spoločné statky užíval, ako spoločné a súkromné, ako súkromné. ... základom spravodlivosti bola podľa Cicera vernosť, to je stálosť a opravdivosť v sľuboch a dohodách¹⁷. Svoj obdiv a úctu k právu prezentuje tiež myšlienku: „*hlavnou zásadou, ak chceš niekomu preukázať službu je, aby si v jeho prospech nepresadzoval nič, čo by odporovalo slušnosti a právu. ... A nie len právom prirodzeným, to jest právom spoločným všetkých národov, no i zákonmi jednotlivých národov, na ktorých v jednotlivých štátoch spočíva ústavné zriadenie, bolo zhodne stanovené, že nesmie jeden druhému škodiť pre svoj vlastný prospech*. Svoje úvahy o spravodlivosti, čestnosti a slušnosti Cicero prezieravo využil na upresnenie podstaty a významu práva, čo v konečnom dôsledku opäť v nemalej miere prispelo k jeho ochrane.

Ďalšou zaujímavou osobnosťou bol holandský diplomat a tvorca medzinárodného práva **Hugo Grotius**. Snažil sa vyriešiť praktický problém, ktorý spočíval v nájdení záväzného práva pre všetky zvrchované národy, kde neexistovala všeobecne prijímaná autorita, či už svetská alebo duchovná. Geniálny intelekt tak umožnil Grotiovi formovať nový právny systém. Začal teda utvárať medzinárodné právo, ktoré bolo aplikovateľné na medzinárodné vzťahy prostredníctvom prijateľného prirodzeného práva, založeného na ľudskej skúsenosti a overenej tradícii. Jeho pravidlo *‘Pacta sunt servanda’* (požiadavka dodržiavania daných sľubov, teda uzavretých zmlúv) sa stalo základom právneho i spoločenského života na národnej i medzinárodnej úrovni!

Grotius nielen ako advokát mieru a humanizácie vojny, analogicky aj ako morálna autorita najmä pre právnickú a filozofickú obec sa pokúsil z „vojny urobiť usporiadanú právnu skutočnosť, a tým ju do určitej miery skrotiť. ... jeho naliehanie nesmeruje k zamedzeniu vojen, ale k ich humanizácii právnymi prostriedkami“¹⁸.

Z Grotiových prínosov pre právnu vedu bolo, že zracionalnil prirodzené právo stotožnením morálneho zákona s imperatívmi rozumu. Takáto laicizácia, teda zosvetštenie, znamenala v spôsobe uvažovania o práve doslova intelektuálnu revolúciu. Právo prestalo byť chápané ako jeden z aspektov spravodlivosti, ale ako nástroj slobodnou vôľou obdareného človeka, ktorý s jeho pomocou organizuje spoločnosť a vzťahy v nej. Grotius naznačil „základy akejsi všeobecne platnej sociálnej etiky, ktoré však mali obrovský význam pre ďalší vývoj práva. Po prvýkrát v histórii nadobúda právo podobu systému všeobecne záväzných pravidiel. Obsah práva teda začína byť logicky usporiadaným systémom noriem.

Dôležitým gestom vo vývoji práva, ktoré ho navigovalo do podoby, v akej ho máme dnes je Grotiovo definovanie práva, ako „*kvalitu osoby, ktorá osobu oprávňuje niečo vlastniť, alebo určitým spôsobom jednať, bez toho, že by sa previnila proti morálke*. Ide teda o morálnu kvalitu subjektu, odvodenú z povahy človeka a založenú na zákone, kvalitu, ktorá sa prejavuje v jeho moci nad sebou (sloboda), v jeho moci nad iným človekom (otcovská moc, suverénna moc panovníka), v jeho moci nad vecami

(vlastníctvo) a v jeho možnosti jednat¹⁸. Jeho prioritnou úlohou bolo prispieť k odstráneniu násilia a neporiadku a chrániť osobnú bezpečnosť a vlastníctvo.

Do dejín európskeho právneho myslenia sa ako „nekorunovaný kráľ verejnej mienky“, filozof, historik, osvietenec, humanista a v neposlednom rade i právnik zapísal **Francois Marie Arouet – Voltaire**.

Bol morálnou autoritou svojej doby, bojovníkom za spravodlivosť, slobodu a ľudskúnosť, ktorý ostro vystupoval proti fanatizmu, bezpráviu a pokryteckému vierovyznávaniu. Po celý svoj život hľadal odpovede na otázky morálky: „aké je poslanie človeka na svete a jeho zodpovednosť pred spoločnosťou, akým spôsobom dosiahnuť harmóniu medzi úsilím človeka uskutočniť svoje prirodzené túžby s nevyhnutnosťou dodržiavania všeobecných noriem správania sa“. Preslávil sa i obhajobami a rôznymi záslužnými činmi na obranu a rehabilitáciu nespravodlivo odsúdených, ktorých mená sú napokon uvedené aj na jeho náhrobku. Hlásal potrebu ochrany práva a spravodlivosti.

„Vykonal mnoho aj pre reformu trestného práva, pre prijatie humánnejšieho trestnoprávneho zákonodarstva, odsudzoval trest smrti a mučenie ako metódu vyšetrovania, ... zdôrazňoval, aby zo sféry trestného práva boli odstránené tresty tzv. náboženských priestupkov: bohorúhačstvo, kacírstvo a pod. ... opravdivé súdnicstvo dokazoval Voltaire, musí vychádzať z prezumpcie nevinoty obžalovaného“. V ňom nachádzame zmysluplný odkaz: „nech žiadny kňaz nemôže odňať žiadnemu občanovi ani najmenej právo pod zámenkou, že tento občan je hriešnik, pretože kňaz, sám hriešnik, sa má za hriechy modliť a nie ich súdiť. ... nech je len jedna váha, jedna miera a jedno právo, ... nech všetky zákony sú jasné, rovnaké a presné“¹⁹.

Voltaire už len tým, že „dokázal zbúrať verejnú mienku širokých mas občanov“ možno právom považovať za morálnu autoritu, ktorá nemalým prínosom prispela k ochrane práva, resp. k prestavbe justičného a právneho systému Francúzska. K Voltairovej sláve nemalo prispieť i jeho rázny postoj k pokroku v myslení, charakteristického odmietaním zastaralých dogiem a predsudkov. Veľkosť jeho osobnosti spočíva v tom, že „sa preslávil ako živý symbol spravodlivosti pre všetkých“, ktorého hlas počúvala celá Európa. Prostredníctvom rozsiahleho písania o prirodzenom práve, o spravodlivom usporiadaní spoločnosti a v obhajobe rovnosti medzi ľuďmi.

Immanuel Kant sa taktiež javí v hĺbke duše ako skvelý právnik. Hľadajúci, okrem iného, odpovede na otázky v čom tkvie legitimita práva a akým spôsobom je možné právo ochrániť. Dáva myšlienkam o práve nový rozmer. Hovorí, že „právo sa zaoberá vonkajším a vynútitelným aspektom dokonalých morálnych povinností voči druhým. ... náuka o práve, aj keď s morálkou nevyhnutne súvisí sa odlišuje od nauky o cnosti“²⁰. Morálka ako forma cnosti kladie požiadavky na vôľu a vnútornú motiváciu. Zákon kladie požiadavky na navonok prejavené konanie, nie na motiváciu²¹. Podľa Kanta právo upravuje správne používanie slobody vo vonkajších vzájomných vzťahoch medzi ľuďmi, a aby nedochádzalo ku kolízii slobôd, obmedzuje sféru slobody každého. „Preto všeobecný právny zákon znie: *konaj navonok tak, aby slobodné používanie tvojej ľubovôle bolo zlučiteľné so slobodou každého podľa všeobecného zákona*“.

Kant rozlišuje medzi „mravným činom, kedy mravný zákon bezprostredne určuje vôľu osoby takýto čin uskutočniť a legálnym činom, kedy sa čin síce uskutočňuje v súlade s mravným zákonom, ale subjekt má k svojmu jednaniu iné pohnútky (strach

z trestu, ziskuchtivosť). právo je pre neho teda sférou legálneho zachovania požiadavky kategorického imperatívu²², ktorá sa týka vzájomných vzťahov medzi ľuďmi. ... Právo, ako tvrdí Kant, je poriadok. Definuje ho ako: súhrn podmienok, za ktorých môže byť ľubovôľa jedného zlúčená s ľubovôľou druhého podľa všeobecného zákona slobody. Úlohou práva je pripustiť len takú činnosť jednotlivých osôb, ktorá by bola objektívne zlučiteľná s požiadavkami mravného zákona. ... Oprávnený je teda každý čin, pri ktorom prejav slobodnej ľubovôle každého môže koexistovať so slobodou všetkých ostatných.

Zaujímavé na Kantovej morálke je, že nie je závislá od záujmov jednotlivca ani od jeho šťastia. Dokonca ani „morálna hodnota činu nezávisí od jeho účinkov či dôsledkov. ... Morálne správny čin musí mať morálne správny motív a aby bol čin morálny, musíme ho vykonať preto, že je to tá správna vec, ktorú treba urobiť, alebo z úcty k morálnym hodnotám ako takým“²³. Kant vysvetľuje ďalej. „Keď teda niečo konám, musím si byť istý, že chcem, aby každý konal to isté, pokiaľ sa dostane do tej istej situácie. Tu nám v prenesenom význame Kant pripomína Ježišove slová: *chovajte sa k ľuďom tak, ako chcete, aby sa ľudia chovali k vám*. Ak chcem teda určitým spôsobom jednať, mám si položiť otázku, čo by zostalo z ľudstva, keby každý konal ako ja.

Kant požaduje: „*konaj tak, aby si ľudstvo tak vo svojej osobe, ako aj v osobe každého druhého, používal vždy zároveň ako účel, a nikdy nie iba ako prostriedok*“²⁴. Tu teda Kant požaduje v prvom rade úctu k človeku. Vysvetľuje, že „viera spočíva na vôli a sama zo seba vyvodzuje praktické idey o tom, čo má byť. ... Kategorický imperatív je vlastne nepodmienečný príkaz rozumu, adresovaný vôli. Platí absolútne a rovnako pre všetky rozumné bytosti. Jeho dôkladná formulácia znie: „*konaj tak, akoby sa maxima tvojho konania mala prostredníctvom tvojej vôle stať všeobecným zákonom*“²⁵.

Čitateľa prirodzene naviguje týmito myšlienkami k sebareflexii a ku kritickému zhodnoteniu svojho správania. Sila Kantovho posolstva spočíva v preventívnej sebaregulácii, ku ktorej čitateľ zákonite dospeje pri posudzovaní svojho aktuálneho správania a konania. V konečnom dôsledku sa to prejaví v rešpekte a úcte k právnym normám, či už z pohľadu zákonodarcu, alebo subjektu, ktorého postavenie a vzťahy právna norma upravuje.

R. Dworkin²⁶ kritizuje pozitivizmus pre jeho jednostrannosť, ale i preto, že ignoruje dôležitú úlohu iných hodnôt, ktoré nie sú normami. Napríklad sudca musí aplikovať právne princípy, aby dospel k stanovisku, ktoré sa zakladá na práve. Nemôže brať zreteľ na správu verejných záležitostí, a konať ako zákonodarca. Podľa Dworkina pod pojem právo môžeme zahrnúť nielen normy, ale aj princípy. Pozitivizmus nepovažuje princípy za dôležité. Právne normy sa aplikujú spôsobom „všetko alebo nič“ (all or nothing way).

Dworkin si kladie otázky ako má sudca rozhodnúť, ktoré princípy sú obsiahnuté v systéme práva, v rámci ktorého sudca koná.

Dworkin v osobe sudcu „vytvára“ model právnika nadľudsky šikovného, učeného, rozhodného a trpezlivého. Tomuto ideálnemu sudcovi dáva meno Herkules, ktorý vo svojej činnosti akceptuje hlavné, neprotirečivé a regulatívne právne normy.

Dworkin zdôrazňuje význam integrity, ktorá zahrňuje slušnosť (fairness) a spravodlivosť (justice) a prísne zachovávanie ustanovených postupov.

Slušnosť sa týka zaobchádzania s jednotlivcom v rámci spoločnosti a spravodlivosť sa používa v zmysle morálneho kódexu spoločnosti. V neposlednom rade zdôrazňuje maximálnu mieru rovnosti medzi občanmi Iba vtedy, ak sa bude právo zakladať na takto chápanej integrite môžeme podľa Dworkina zdôvodniť uplatnenie kolektívneho donútenia prostredníctvom práva.

L. L. Fuller v snahe formulovať minimálne požiadavky „právneho systému“ vytvoril teóriu procedurálneho naturalizmu²⁷.

V diele Morálka práva vysvetľuje aké znaky musí spĺňať spoločenský systém, aby bol schopný vytvoriť právny systém.

Zdôrazňuje niekoľko vlastností zákona:

1. všeobecnosť,
2. verejnosť,
3. prospektívnosť, a nie retroaktívnosť,
4. zrozumiteľnosť,
5. dôslednosť,
6. schopnosť prispôsobenia,
7. stabilitu,
8. používanie pri správe spoločnosti.

Toto sú vlastnosti, ktoré tvoria vnútornú morálku práva, vnútorná povaha právneho systému.

Vernosť právu (fidelity to law) je odrazom predstavy, že občan je povinný zachovávať zákon iba vtedy, ak sú dané znaky, ktoré tvoria vnútornú morálku práva.

V historickom kontexte Fullerov prístup významne prispel ku kritike formálnych pozitivistických analýz práva. Jeho teória je skôr post-pozitivistickou analýzou ako prirodzenoprávnou.



Примечания

¹ Zošity humanistov. Číslo 71, júl 2008. Vydáva Rastislav Škoda, Bratislava, s. 18.

² Chovancová, J. Liberalizmus vs. komunitarizmus. Bratislava: VOPFUK, 2006, s. 17.

³ Chovancová, J. Antológia z politickej a právnej filozofie. Bratislava: VO BVŠP, 2009, s. 125.

⁴ Graeser, A. Řecká filozofie klasického období. Praha: Oykomenh, 2000, s. 137.

⁵ Toman, J. – Tomanová, M. Sokrates. Praha: Československý spisovatel, 1975, s. 321.

⁶ Graeser, A. Řecká filozofie klasického období. Praha: Oykomenh, 2000, s. 138.

⁷ Platón Spisy I., Euthyfrón, Obrana Sokrata, Kritón, Faidón, Kratylos, Theaitétos, Sofistés, Politikos. Preklad František Novotný. Praha: Oykomenh, 2003, s. 50.

⁸ Platón Spisy I., Euthyfrón, Obrana Sokrata, Kritón, Faidón, Kratylos, Theaitétos, Sofistés, Politikos. Preklad František Novotný. Praha: Oykomenh, 2003, s. 51.

⁹ Graeser, A. Řecká filozofie klasického období. Praha: Oykomenh, 2000, s. 138.

¹⁰ Graeser, A. Řecká filozofie klasického období. Praha: Oykomenh, 2000, s. 142.

¹¹ Brösl, A. Dejiny politického a právneho myslenia. Bratislava: Iura Edition, 1999, s. 25.

¹² Platón Spisy I., Euthyfrón, Obrana Sokrata, Kritón, Faidón, Kratylos, Theaitétos, Sofistés, Politikos. Preklad František Novotný. Praha: Oykomenh, 2003, s. 54.

¹³ Ide o najstaršiu rímsku kodifikáciu obyčajových noriem. „Zákon 12 tabúl“ sa od samého počiatku tešil nebývalej autorite. Považoval sa za prameň všetkého verejného i súkromného práva ... každý inteligentný Riman poznal jeho text spamäti. Cicero sa ho učil ako povinnú školskú básničku. Zachovali sa len jed-

notlivé vety, rôzne príkazy a zákazy, ako ich s obľubou citovali rímski právnici, historici a rečníci z konca republiky i prvých storočí cisárstva“. KINCL, J. – URFUS, V. Římské právo. Praha: Panorama, 1990, s. 33.

¹⁴ Cicero, M. T. O Řečníku, preložil Václav Prach. Praha: Hendrich, 1940, s. 34-35.

¹⁵ Cicero, M. T. O Řečníku, preložil Václav Prach. Praha: Hendrich, 1940, s. 28.

¹⁶ Cicero, M. T. O povinnostech, z lat. originálu preložil Jaroslav Ludvíkovská. Praha: Svoboda, 1970, s. 104.

¹⁷ Cicero, M. T. O povinnostech, z lat. originálu preložil Jaroslav Ludvíkovská. Praha: Svoboda, 1970, s. 33-34.

¹⁸ Brösl, A. Dejiny politického a právneho myslenia. Bratislava: Iura Edition, 1999, s. 112.

¹⁹ Voltaire, F. M. Filozofický slovník. Preložila Emma Horská, Jan Laichter. Praha, 1925, s. 370-371.

²⁰ „Uzrieť cnosť v jej skutočnej podobe nie je nič iné, než predstaviť mravnosť zbavenú všetkých prímiesi zmyslovosti a všetkých nepravých ozdôb odmeny alebo sebalásky“. KANT, I. Základy metafyziky mravov. Bratislava: Kalligram, 2004, s. 54.

²¹ Thomson, G. Kant, preložila Ľubica Hábová. Bratislava: Albert Marenčin – Vydavateľstvo PT, 2004, s. 93-94.

²² Kategorický imperatív opisuje, ako by konala dokonale racionálna bytosť. Pre nedokonalé racionálne bytosti, ako sme my ľudia, je to „to čo by malo byť“, ktoré nám diktuje ako by sme mali konať. Thomson, G. Kant, preložila Ľubica Hábová. Bratislava, Albert Marečin Vydavateľstvo PT, 2004, s. 84.

²³ Thomson, G. Kant, preložila Ľubica Hábová. Bratislava, Albert Marečin Vydavateľstvo PT, 2004, s. 82-83.

²⁴ Chovancová, J.: Kant filozof a právnik In: Acta univeritas Masarykianae Brunensis, Brno 2004, s.160-164.

²⁵ Kant, I. Základy metafyziky mravov. Bratislava: Kalligram, 2004, s. 48.

²⁶ Chovancová, J., Valent, T. Filozofia pre právnicka. Bratislava: VO PraF UK, 2008, s. 227.

²⁷ Chovancová, J. Filozofia a politická filozofia 20. storočia. In: Acta Facultatis Iuridicae UK, roč. 19, Bratislava 2000. s. 87

M. Danish

THE IMPORTANT AUTHORITY IN THE HISTORY OF THE LAW DEALS

Key words: *history of the law; crisis of morality; Socrates; Cicero; Voltaire; Kant.*

Article entitled important authority in the history of the law deals with the need for moral authority, as participating sponsor in the protection of the law. Especially today – in time of economic crisis, respectively, in crisis of morality. Through important personalities in the history of humanity, as Socrates, M. T. Cicero, H. Grotius, F. M. Voltaire or Kant, causing with their life work a revolution in legal thinking the author points to the need of existence and activity of moral authority. Especially in the field of law. However, not all authorities can be considered as morally. In the 20th century are very important to talking about so important theists such as R. Dworkin, L. L. Fuller. An important message is that history is rich, so that we learn from it and inspired by these authorities, created your own court and then correctly decided that we avoid mistakes with our ancestors have solved.

Г.В. Рокина

ПУТЕШЕСТВИЯ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье на архивных материалах дана характеристика путешествий российских славистов в первой половине XIX века в славянские земли Австрийской империи. Показаны особенности формирования первого, романтического, этапа отечественного славяноведения. Акцентируется внимание на роли славянского вопроса в период формирования государственной доктрины «самодержавие, православие, народность».

Ключевые слова: *российское славяноведение; слависты; путешествия в славянские земли; кафедры славянских наречий и литератур.*

Славяноведение как наука зародилось на рубеже XVIII – XIX веков и в славянских землях вскоре стало выразителем и пропагандистом патриотических идей национального возрождения, а затем, после всеобщего воодушевления поэмой словацкого поэта и мыслителя Яна Коллара «Дочь Славы» и его трактатом «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836), - и славянской идеей¹. На характер представлений российских ученых о славянах, на пробуждение научного и государственного интереса к ним большое влияние оказали путешествия по славянским землям. Само понятие «славянские земли» широко входит в научный оборот после путешествий славистов в Европу в первой половине XIX века. Выделение этого ареала научных изысканий означало оформление славянской идентичности России, пока лишь в области нового направления науки – славяноведения. В тот период оно не имело политической окраски и не отражало каких-либо гео- или этнополитических устремлений, как это стало позднее.

Первым, кто посетил земли славян Австрийской империи с научными целями, был известный Санкт-Петербургский библиограф П.И. Кеппен. Оценивая его поездку, другой российский ученый, А. Кочубинский, писал в конце XIX века: «Путешествие энергичного Кеппена по Австрии, по славянским землям, составило известного рода эпоху в развитии славяноведения у нас, с многообразными последствиями в ближайшем и более отдаленном будущем. Но оно было со значением и для них, самих славян Австрии. Кеппен тощ не возвратился уже по одному тому, что открыл личные знакомства с выдающимися деятелями того времени среди австрийских славян; он стал, верный себе, энергичным посредником между молодую наукою России и славянскими учеными силами Австрии...»².

Путешествия Кеппена можно восстановить по его пока не опубликованному путевому дневнику³. Как свидетельствуют записи, во время своей поездки Кеппен встретился с представителями самых различных славянских наречий и собрал материалы для своего будущего издания – «Библиографические листы».

В славянских землях он также собрал одну из первых в России библиотек по славянской истории и литературе.

После возвращения Кеппена из-за границы его связи со славянскими учеными становятся оживленными и регулярными. Это – переписка, обмен книгами, научной информацией и т.п. В 1820-е годы в кругах российских преподавателей возникает мысль о создании славянских кафедр в высших учебных заведениях. В литературе существует точка зрения, что эта идея впервые появилась у Кеппена, и возникла она в результате его общения с зарубежными славистами, в частности под влиянием трактата Яна Коллара «О славянской взаимности». Так, А. Сиротинин полагал, что точно во исполнение указанной Колларом программы «изучается в университетах славяноведение, возникают общеславянские литературные журналы, издаются грамматики и словари всех славянских наречий, собираются народные песни, пословицы, созываются славянские съезды»⁴. Оценки российского слависта, на наш взгляд, не совсем точно определяли характер сотрудничества Коллара и Кеппена в области славяноведения и публицистики. Даже хронологическое несовпадение даты возможного влияния программы Коллара и деятельность русского ученого подтверждает ее самостоятельность. Идея создания кафедр славянских языков и конкретная программа культурного сотрудничества славян была сформулирована Колларом в его трактате, впервые опубликованном в журнале «Гронка» лишь в 1834 году. Более реально было бы говорить об обратном влиянии российского слависта на формирование идеи славянской взаимности Коллара.

В письме к министру народного просвещения А.С. Шишкову в декабре 1826 г. Кеппен указывал на необходимость основать кафедру славянской литературы при филологическом отделении Главного педагогического института. При этом основным его аргументом было то, что «самое основательное знание отечественного языка и постепенное усовершенствование оного не может иметь места без знания древнего коренного языка и без понятий (хотя предварительных) о свойствах и литературе всех его многозначительных отраслей»⁵. Позже Кеппен развернул широкую деятельность по приглашению славянских ученых в Россию для преподавания новой дисциплины в высших учебных заведениях⁶.

Славянский вопрос обострился после подавления польского восстания 1830 г., расколовшего западных славистов на сторонников и противников русофильства. В первое десятилетие правления Николая I начинается оформление принципов государственной доктрины – теории официальной народности. В середине 1820-х годов император должен был не только провозгласить самодержавие неотъемлемым элементом сильной Российской империи, но и определить его роль в истории. Необходимо было объяснить отсутствие представительных учреждений в России. В обнародованном после суда над декабристами манифесте самодержавие провозглашалось той силой, которая способна самостоятельно реализовать все общественные потребности⁷. Некоторый присущий правлению Александра I религиозный космополитизм остался в прошлом. Это проявилось в закрытии Библейских обществ и ликвидации Министерства духовных дел и народного просвещения⁸. Православие было провозглашено основной религиозной составляющей новой доктрины. Этот постулат поддержали церковные

иерархии и представители ведущего национально-консервативного политического направления.

Центральным элементом названной теории стало понятие «народность», именно в ней нашло свое выражение противопоставление России Европе, и вместе с тем, смелое утверждение, что Россия могла идти не позади, а, по крайней мере, рядом с прочими европейскими национальностями. Включение элемента «народности» в официальную доктрину государства имело далеко идущие последствия, проявившиеся, в частности, в борьбе славянофилов и западников и особом пути развития русского либерализма.

Исключительную роль в складывании либеральной традиции в России играли некоторые государственные деятели. Особенностью русского либерализма было то, что главными инициаторами модернизации выступали представители правительственных кругов. При этом не исключается роль помещного дворянства, интеллигенции и выдающихся деятелей просвещения и общественной мысли. В этом смысле славянский вопрос несомненно можно отнести к содержанию либеральной программы российской властвующей элиты. Наиболее наглядно это демонстрируют взгляды министра народного просвещения С. Уварова.

Первоначально С.С. Уваров находил аргументы в пользу теории официальной народности во внешнем факторе – в движении славян Австрийской и Османской империй. В историографии существует мнение, что на содержание соответствующих записок графа С. Уварова к императору и главе внешневедомства России графу К.В. Нессельроде повлияли донесения М. Погодина о результатах его путешествий по славянским землям⁹. В письме к канцлеру (1842 г.) С. Уваров пишет о назревшей необходимости обратить внимание на австрийских славян: «...Иностранные кабинеты пытаются подорвать остатки нашего влияния на наших единоверцев, чтобы денационализировать славянское население: они сговорились лишить его религиозной веры и веры в нас. Это средство эффективно и не ново; со своей обычной осмотрительностью Австрия использует его издавна». В противовес этим антиславянским устремлениям русский министр предлагает не бездействовать в данной области, а усилить преподавание славистических дисциплин в России, устанавливая дружеские контакты с зарубежными славянами в целях содействия российскому внешнеполитическому курсу, вопреки тому, что «европейской политике выгодно держать нас в бездействии в указанной области, в то время как сама эта политика не дремлет и открыто маневрирует, дабы полностью изгнать нас оттуда»¹⁰.

Об этих маневрах во внешнеполитической сфере свидетельствует включение славянского вопроса в русско-австрийские переговоры начала 1840-х годов. В ноябре 1842 года посол Российской империи в Вене граф Медем доносил в Петербург Нессельроде, что австрийское правительство «откровенно» высказало ему свои опасения по поводу славянского движения (в частности иллирийского), считая, что содействие этому движению оказывают «выходцы из России». В ответ на сообщение Медема император Николай собственноручно написал на его депеше, что никогда русское правительство не опустилось бы до того, чтобы поддерживать революционную агитацию в соседнем дружественном государстве.

Важную роль в формировании государственного интереса к славянскому вопросу и в организации изучения славянства в российских университетах играл М.П. Погодин.

Михаил Петрович Погодин (1800–1875), известный историк, профессор Московского университета, не был славистом-профессионалом. Основное внимание в своей преподавательской и научной деятельности он уделял российской истории и в течение девяти лет возглавлял кафедру российской истории в Московском университете (1835–1844). Эта кафедра была основана в соответствии с новым университетским уставом 1835 г., как и кафедра славянских наречий. Во главе них были поставлены заслуживающие доверия правительства профессора. Легитимность М. Погодина и доверительные отношения с правительственными кругами чаще всего ставились ему в вину как западнически настроенными современниками, так и впоследствии – и марксистской историографией. В современной литературе до сих пор сохранились самые противоречивые оценки деятельности М. Погодина как ученого и общественного деятеля¹¹.

Занимаясь российской историей, Погодин живо интересовался прошлым славянских народов¹². Этот интерес возник у него еще в 1820-е гг., однако в свои университетские курсы по всеобщей и российской истории он включает славянский материал лишь с 1830-х годов. В ответ на польское восстание 1830–1831 гг. Погодиным был начат курс лекций «История Царства Польского», который он не успел завершить из-за запрета администрации¹³. По мнению М. Досталь, «М. Погодин, стремясь представить славянские народы в качестве равноправных участников европейской истории и глубже обосновать свою концепцию русской истории, вводит славянский материал в свои курсы»¹⁴. Именно этот интерес московского профессора к славянству и его истории побудил его предпринять ставшие впоследствии знаменитыми «путешествия в славянские земли».

Известны четыре его путешествия М. Погодина (1835, 1839, 1842 и 1846 гг.), во время которых и произошло знакомство с лидерами славянских движений, в том числе и с автором теории славянской взаимности - Яном Колларом. Первая командировка имела целью побывать в лучших учебных и научных заведениях Западной Европы, и в первую очередь в Берлинском университете. Здесь он познакомился с лекциями Л. Ранке, Ф. Савиньи, Ф. Шлоссера и вынес твердое убеждение о необходимости тщательной проверки по первоисточникам всех их исторических трудов, а также более узкой специализации в преподавании и изучении исторических дисциплин.

Непосредственные встречи со славянскими деятелями произошло во время второго путешествия 1839 года. Общение с ними для Погодина было намного свободнее, так как он мог представить, какое образование получили эти деятели, прослушавшие университетские курсы, главным образом в Германии. Как показал анализ корреспонденции Погодина со славянскими учеными, это была переписка профессионалов, одинаково полезная для обеих сторон, проходившая на современном им уровне исторической и славистической науки. Кроме академических интересов обсуждались и практические вопросы: как лучше обменять и переслать книги, подписаться на научные журналы, кому необходима материальная поддержка¹⁵.

Но была и другая сторона этих отношений, которая может быть и сегодня раскрыта лишь с помощью архивных изысканий. Ссылки современных исследователей на изданные еще при его жизни «Политические письма М. Погодина», на наш взгляд, неточно трактуют истинную подоплеку его славянских контактов. Конечно, именно с М. Погодина начинается использование в политических целях чисто научных российско-славянских контактов. Материальная поддержка, которая оказывалась официальными ведомствами, не была только благотворительной помощью. В российском архиве хранятся адресованные С.С. Уварову донесения Погодина о результатах путешествий по землям австрийских славян. В них он указывал на русофильство славян, и даже на их стремление отделиться от Австрийской империи и образовать славянское федеративное государство во главе с Россией¹⁶. Эти донесения были подготовлены М. Погодиным после второго путешествия в славянские земли, во время которого он познакомился с автором теории славянской взаимности – словацким ученым Я. Колларом.

Следует заметить, что публикации донесений московского профессора в Министерство народного просвещения и его писем к графине Блудовой от 1874 г.¹⁷ не совпадают полностью с секретными материалами, хранящимися в архиве Министерства народного просвещения. Из этих архивных материалов явно следует, что донесения М. Погодина нашли поддержку у министра и императора, о которой он умалчивает в своих опубликованных письмах.

В научной литературе о путешествиях российских ученых в славянские земли остался также незамеченным факт, что хорошо известному вояжу Погодина 1839 г. предшествовала командировка в славянские земли двух студентов Главного педагогического института М. Касторского и Н. Иванишева. После своих поездок они составили записки в Министерство народного просвещения «о состоянии богемских ученых и венгерских сербов». Документы были переданы С. Уваровым президенту Императорской российской академии и в канцелярию самого императора¹⁸. В сопроводительной записке С. Уваров замечает, что «сведения, полученные в результате путешествия молодых наших ученых в славянские земли, кроме положительных результатов для нашей филологии, доставили ... ближайшие сведения о настоящем положении славянского мира». Здесь же он просил оказать материальную поддержку славянским ученым.

В итоге он получил согласие президента академии А. Шишкова и такую же резолюцию императора. Выделенная значительная сумма денег могла быть передана славянским ученым через М.П. Погодина. В докладной записке к императору от 6 декабря 1838 г. С. Уваров писал: «Для доставления же оной суммы... представляется удобный случай в путешествии в славянские земли профессора Московского университета Погодина, который, отправляясь в начале будущего года и находясь в литературных сношениях с сими учеными, может доставить им щедротами Вашего Величества дарованное пособие, равно как и прочие пожертвования, без обращения на то особенного внимания со стороны Австрийского правительства»¹⁹. А в январе 1839 г. Погодин получил секретное послание из министерства, в котором за подписью Уварова ему поручалось «доставить Шафарику и Ганке каждому по пяти тыс. рублей согласно с данными мною (С. Уваровым. – Г.Р.) вам словесно наставлениями по сему предмету»²⁰.

Обнаруженные документы дают возможность несколько иначе представить историю организации субсидирования славянских ученых со стороны российского правительства. Традиционно в литературе эти акции воспринимались как ответ на личную инициативу профессора М. Погодина. Однако есть основание утверждать, что оказание материальной поддержки лидерам славянского движения в Австрийской империи началось по инициативе российского правительства и лично министра народного просвещения С. Уварова.

С другой стороны, бесспорным является тот факт, что дружеские отношения Уварова и Погодина на протяжении многих лет способствовали выработке у них общих взглядов на славянский вопрос²¹. Спорной представляется точка зрения Ф.А. Петрова о том, что «вторая докладная записка Погодина (1844 г. – Г.Р.) вызвала нарекания Уварова, который заметил, что тот как профессор университета превышает поставленные перед ним задачи, и его вторжение в современную политику, основанную на принципах “Священного Союза”, нежелательно»²². Эти оценки появляются у министра народного просвещения намного позже, в 1847 г. в знаменитом циркуляре вслед за разгромом Кирилло-Мефодиевского общества. Даже после ухода с кафедры Московского университета М. Погодин пользовался особой поддержкой правительства²³.

После путешествия Погодина 1839 г. С. Уваров сообщал императору: «Я получил ныне от профессора Погодина донесение об исполнении возложенного на него поручения... он исполнил его с должной осмотрительностью и можно полагать, что оно не сделалось никому известным и не возбудило внимания Австрийского правительства»²⁴. Позже за свои труды и риск М. Погодин был награжден орденом Св. Владимира четвертой степени и денежным вознаграждением в три тысячи рублей серебром²⁵. Таким образом, все донесения М. Погодина нашли поддержку в правительстве. Иначе не могло и быть, так как изначально инициатива оказания поддержки славянских деятелей исходила из министерства.

После личной встречи с идеологами славянских движений в Австрии М. Погодин увидел в них лидеров, за которыми могли бы пойти австрийские славяне. В донесениях министру С. Уварову от 1840 и 1843 гг. Погодин писал: «...Влияние их (Коллара и Шафарика. – Г.Р.) во всех славянских странах бесконечное. Все славянские языки и литературы как будто ожили, проснулись от долговременного тяжелого сна прикосновением их волшебного жезла...»²⁶. Далее, сообщая о тяжелом положении славян в Австрийской империи, Погодин замечает: «...Дикая грубость и жестокость их непосредственных угнетателей, венгерцев, вместе со стихотворениями их барда Коляра, возбудили новое поколение до невероятности». Эта внутренняя ситуация, по мнению М. Погодина, могла способствовать усилению влияния России среди славян, которые рассматривались как будущие союзники в этом регионе. М. Погодин предлагает российскому правительству всячески поддерживать славянских лидеров, и в первую очередь материально. По его мнению, «протестантский проповедник Коляр, первый двигатель славянской приверженности к России, имеет полное право на содействие его ученым трудам». Погодин даже называет сумму пособия тем австрийским славянам, кто бы мог в дальнейшем содействовать распространению славянской взаимности, – «25 тыс. руб. асс. ежегодного пособия удовлетворили бы оныя в из-

бытке; 10 тыс. отчасти. Пособие должно быть подаваемо, разумеется, самым тайным образом». В следующем донесении о путешествии 1842 г. Погодин еще более настойчиво пишет о необходимости материальной поддержки австрийских славян: «Теперь могу сказать, что эту помощь считаю необходимою, если Россия не решилась оставить славян совершенно на произвол судьбы и европейских интересов. Я берусь доставить ее еще более тайно, нежели англичане доставляют порох черкесам или пруссаки запрещенные книги полякам. Большую часть этой помощи можно даже делать публично, от имени Российской академии и исторических обществ...»²⁷.

Как свидетельствуют материалы российского архива, первое донесение было представлено С. Уваровым императору. На его докладной записке от 23 февраля 1840 г. сохранились карандашные пометы, сделанные рукой Николая I: «Очень любопытно, но требует большой осторожности. 2 тысячи серебром выдать можно»²⁸. Интерпретация М. Погодиным стремлений австрийских славян, в том числе и словаков, к культурному и духовному сближению как предпосылки к политическому объединению нашла поддержку у императора, которая выразилась в его кратком «очень любопытно» и выделении материальной помощи лидерам славянских движений.

После принятия устава 1835 года в славянские земли для изучения истории, литературы и языка народов, их населявших, были посланы кандидаты на занятие этих кафедр из четырех российских университетов – О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский и В.И. Григорович. Свои знания, опыт, методику научных исследований молодые ученые получили прежде всего в Праге, которая в тот период являлась центром славистических изысканий. Вернувшись после путешествий по славянским землям, именно они заложили основы русского научного славяноведения²⁹.

Все четверо ученых, занявших впоследствии кафедры славистики в Московском, Петербургском, Харьковском и Казанском университетах, лично познакомились во время поездок с многими славянскими учеными, их сочинениями, завязали с ними переписку, стали пропагандистами творчества в своей последующей научной и общественной деятельности. Однако эти встречи не произошли спонтанно, а были обязательной частью программы их зарубежных стажировок, которые утверждались в Министерстве народного просвещения, что свидетельствует о наличии государственных интересов в контактах российских профессоров со славянскими учеными.

Одним из первых в славянские земли выехал Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), будущий профессор Харьковского, а позднее (после смерти П.И. Прейса) Петербургского университета. В отечественной историографии подробно изучена его роль в становлении и развитии славяноведения и российско-славянских научных связей³⁰.

Как в свое время М.П. Погодин И. Срезневский обратился в Министерство народного просвещения за поддержкой, чтобы получить содействие в издании сочинений славянских ученых, в том числе и Я. Коллара. Благодаря этому ходатайству все высшие учебные заведения России должны были подписаться на сочинение словацкого поэта «Старо-Италия славянская»³¹. Кроме того Срезнев-

ский стал одним из активных популяризаторов и защитников идеи славянской взаимности в России. Вместе с П. Прейсом он планирует издание в России все-славянского журнала «Новости словесности русской и иностранной», который, по их мнению, мог бы стать практическим воплощением литературной взаимности славян. Общение Срезневского с австрийскими славянами сказалось и на его педагогической деятельности. Во вступительной лекции 1842 г. в Харьковском университете он дал восторженную оценку идеям славянской взаимности. Один из воспитанников Харьковского университета Де-Пуле вспоминал: «И.И. Срезневский открыл чтение славянский наречий... Успех был громадный!.. Новость предмета, бойкость изложения, то восторженного и приправленного цитатами из Коляра, Пушкина и Мицкевича, то строго-критического, не лишённого юмора и иронии, все это действовало на учащуюся молодежь самым возбужденным образом»³².

С 1846 года Срезневский начал читать свои лекции по истории и литературе славянских наречий в Петербургском университете. Они вызвали в столице интерес не только студенческой, но и более широкой аудитории. На лекциях бывали граф С. Уваров, попечитель университета граф А.И. Мусин-Пушкин, ректор П.А. Плетнев и другие сановники. Один из учеников Срезневского, в будущем талантливый публицист и литератор, А.Н. Пыпин вспоминал: «Первое впечатление уже несколько охладилось, но в первой половине 60-х годов мы бывали слушателями его одушевленных лекций, какие в это время редки были в нашем университете»³³.

В Казанском университете В.И. Григорович по итогам своих поездок в славянские земли подготовил для университетских студентов курс «Славянские древности» на основании лингвистических, археологических, этнографических данных и письменных источников, которые он собрал за границей. Среди наиболее знаменитых учеников В. Григоровича, впоследствии ставших учеными-славистами, был профессор славянской филологии Казанского университета М.П. Петровский.

Еще одним кандидатом на занятие кафедры истории и литератур славянских наречий в Московском университете был Осип Максимович Бодянский (1808–1877). Его командировка в славянские земли продолжалась в течение 1837–1842 годов. В 1837 году Бодянский защитил диссертацию «О народной поэзии славянских племен», став первым в России магистром славянских наречий. В «Записке», представленной министру просвещения, он излагал план своего путешествия и отмечал: «...Из Вены через Пресбург отправиться в Пест и Буду (Офен), где Коллар, отличный знаток словацкого языка может служить своими наставлениями в нем, и для путешествия по Венгрии, особенно по Словакии...»³⁴.

Научные и личные связи славянских лидеров с первыми университетскими славистами России, несомненно, имели широкое практическое значение и повлияли на характер российского славяноведения начального периода его развития. Интерес к славянству был во многом усилен распространением сведений о творчестве славянских литераторов, филологов и историков в российской периодической печати, публикациями их сочинений, университетскими лекциями профессоров-славистов.

В первой половине XIX в. русские ученые - слависты открыли для России теорию славянской взаимности, сформулированную славянами Австрийской империи, а их ученики отнеслись к этой теории как руководству к действию. В среде интеллигенции началась мода на изучение славянских и древних языков, приглашения учителей и гувернеров из австрийских славян Труды Добровского, Шафарика, Ганки, Коллара изучались не только специалистами, отрывки из них публиковались в так любимых российской публикой «толстых» журналах. Наши соотечественники охотно ехали в славянские земли, выделяя этот регион как особый маршрут в своих европейских путешествиях. В то же время просьбы ученых-славистов и общественных деятелей поддержать братьев-славян в Австрийской империи были вызваны искренним чувством и желанием помочь им в их подвижнической деятельности.

Основание кафедр истории и литературы славянских наречий по новому университетскому уставу 1835 года в четырех российских университетах также являлось своеобразным ответом властей на славянское возрождение в Европе. При этом министр народного просвещения С.С. Уваров стремился обратить новый предмет в русло теории официальной народности.

Общий итог поездок российских ученых в славянские земли – становление первого, романтического, этапа российского славяноведения как науки³⁵.



Примечания

¹ Досталь М.Ю. Как Феникс из пепла...: Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М.: Индрик, 2009. С.35.

² Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888. С. 99.

³ Путевые записки П.Кеппена хранятся в ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1.

⁴ Сиротинин А. Коллар и Хомяков // Россия и славяне. СПб., 1913. С. 228, 230, 235, 243.

⁵ Ягич В.И. Новые письма Добровского, Копитара и других западных славян // Сборник ОРЯС. 1897. Т. 62. С. 373–374.

⁶ По мнению С.В. Смирнова, мысль о создании славянских кафедр в высших учебных заведениях России могла возникнуть у Кеппена под влиянием В. Ганки. См.: Смирнов С.В. Первые русские слависты и Чехия // Труды по русской и славянской филологии. Т. XXII. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1973. С. 47–175.

⁷ См. об этом подробно: Бахтурина А.Ю. Государственная доктрина российского самодержавия в XIX – начале XX вв. (к вопросу о возникновении и развитии «теории официальной народности») // Россия и Европа: поиск единства или апология самобытности.– М.: РГГУ, 1995. С. 19–37.

⁸ См. об этом подробно: Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск: Наука, 1978.

⁹ Dostaľová M. “Slovanská otázka” v názoroch grofa S.S.Uvarova // Slovánské štúdie. Bratislava, 1993. Sv. 1–2. S. 68. Автором статьи в ОПИ ГИМ было обнаружено и впервые опубликовано ранее не вводимое в научный оборот письмо С.С. Уварова к К.В. Нессельроде от 26 декабря 1842 г. В статье допущена неточность, когда утверждается, что первая Записка Погодина 1839 г. не была представлена императору, так как Уваров считал ее преждевременной. Как показали архивные изыскания автора данной статьи, именно по инициативе Уварова Погодин передает материальное пособие императора и академии идеологам славянского движения в Австрии - Шафарику и Ганке. Записка (письмо) Погодина 1840 года о путешествии 1839 г. было передано императору вместе с докладной запиской Уварова (РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. Е. х. 1. Л. 18–53).

¹⁰ Цитируется по: Dostaľová M. Op.cit. S. 73.

- ¹¹ Сравним оценку деятельности М. Погодина в работах: Левандовский А.А. Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989. С. 42–46, 180 и др.; Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедр российской истории в Московском университете. М., 1995.
- ¹² По мнению историка Н. Попова, одно из первых мест в ряду российских представителей, посетивших славянские земли и вступивших в личное общение с вождями славянского движения на западе и юге, бесспорно, принадлежит Погодину. См.: Попов Н. Погодин М.П. как славянский публицист // Родное племя. 1877.
- ¹³ См. об этом: Петров Ф.А. Указ. соч. С. 70–71.
- ¹⁴ Досталь М.Ю. Славистика в университетских курсах Погодина // Славянская филология. Вып. VI. Л., 1988. С. 30.
- ¹⁵ См.: Письма к Погодину из славянских земель. – М., 1880.
- ¹⁶ «Письма» М.П. Погодина // РГИА. Ф.1108. Оп. 2. Е. х. 1. Л. 28–46.
- ¹⁷ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки. М., 1874; Письмо Погодина к графине Блудовой о начавшейся войне (1853) // Там же. С. 70.
- ¹⁸ Дело канцелярии министра народного просвещения о пособии чешским ученым Шафарику и Ганке // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 60. 42 л.
- ¹⁹ Дело канцелярии министра народного просвещения о пособии чешским ученым Шафарику и Ганке // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 60. Л. 21–22.
- ²⁰ Там же. Л. 31.
- ²¹ Доверительные отношения Погодина с Уваровым установились в начале 1830-х гг. и сохранились на протяжении всех 1840-х, о чем свидетельствует их переписка, хранящаяся в фонде М. Погодина в ОР РГБ и фонде Уварова в ОПИ ГИМ.
- ²² Петров Ф.А. Указ. соч. С. 76.
- ²³ В ноябре 1848 г. М. Погодину по ходатайству С. Уварова Министерством народного просвещения «из сумм, назначенных для вознаграждения академиков» было определено ежегодное пособие. См. дело «О назначении г. академику статскому советнику Погодину пособия в 1000 рублей серебром в продолжении трех лет» // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 712. 2 л.
- ²⁴ Там же. Л. 38–39.
- ²⁵ Дело о выдаче профессору Погодину 3 тысячи рублей из хозяйственных сумм Московского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Е. х. 127. 55 л.
- ²⁶ Оба донесения хранятся в РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. № 1. В 1859 г. отрывки из них были опубликованы в «Русской беседе», а в 1874 г. письма полностью изданы в «Историко-политических письмах и заметках М.П. Погодина».
- ²⁷ РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. № 1. Л. 86 об.
- ²⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 2. № 127.
- ²⁹ Подробно о путешествиях русских славистов см.: Францев В.А. Очерки по истории Чешского Возрождения: русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902; Смирнов С.В. Указ. соч.
- ³⁰ Францев В.А. И.И. Срезневский и славянство. Пг., 1914; Сборник «Памяти И.И. Срезневского». Пг., 1916; Досталь М.Ю. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.
- ³¹ Материалы по истории этой подписки и ходатайствах Срезневского в министерство хранятся в РГИА (Ф.735).
- ³² Де-Пуле М. Харьковский университет и Д.И. Каченовский // Вестник Европы. 1897. Т. I. Кн. I. С. 105.
- ³³ Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX в. С. 719.
- ³⁴ Дело о разрешении кандидату О.М. Бодянскому поездки за границу с научной целью // РГИА. Ф. 733. Оп. 30. № 293 (97 листов).
- ³⁵ О романтическом характере славяноведения в России в 1830–1850-х годах см.: Славяноведение в дореволюционной России. С. 67 и др.

G. V. Rokina

**THE RUSSIAN SLAVISTS' TRAVELS TO SLAVIC LANDS AND
ITS ROLE IN THE CREATING OF RUSSIAN SLAVISTICS AT THE
FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY**

Key words: Russian slavistics, slavists; travels to Slavic lands; the Department of World history; departments of Slavic languages and literatures.

The article is based on the archival materials characterized some travels of Russian slavists to Slavic lands at the first half of the nineteenth century. It shows the peculiarities of the first romantic period in the history of Russian slavistics. It stresses the role of «slavic question» when the doctrine named «orthodoxy, autocracy and nationality» was forming.

Е.В. Колесова

**ФОРМЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
МИССИОНЕРСКОГО ПРОТИВОБУДДИЙСКОГО
(МОНГОЛЬСКОГО) ОТДЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – 1917 ГОД)**

Прослежено формирование системы подготовки квалифицированных преподавателей на миссионерском монгольском отделении Казанской духовной академии. Рассмотренные формы подготовки преподавательских кадров дают представление о контактах академии с востоковедными учебными заведениями России и уровне практической и научной подготовки преподавателей.

Ключевые слова: Казанская духовная академия; миссионерское противобуддистское отделение; миссионерское монголоведение; формы подготовки монголоведов-миссионеров.

Зарождение отечественного монголоведения связано с Казанью. В первой половине XIX века в Казанском университете преподавались и изучались языки, история, этнография и культурное наследие монгольских народов России и Центральной Азии. Формирование российской научной монголоведной школы связано с именем О.М. Ковалевского (1801-1878), более двадцати лет возглавлявшего в Казанском императорском университете первую в России и Европе кафедру монгольской словесности (1833-1854). Ликвидация восточного разряда Казанского университета в 1854 году фактически уничтожила успешно развивавшееся здесь университетское монголоведение.

Во второй половине XIX – начале XX века монголоведение в Казани сосредоточилось в Казанской духовной академии, где с 1846 года в миссионерских целях велось преподавание монгольского и калмыцкого языков. В 1854 году указом Синода в академии открылось специальное противобуддистское (монгольское) отделение, которое должно было готовить преподавателей миссионерских

предметов для академии и семинарий, а также практикующих миссионеров. Наряду с монгольским и калмыцким языками вводилось преподавание религии, истории, этнографии монгольских народов¹.

Первым преподавателем монгольского и калмыцкого языков в Казанской духовной академии был Алексей Александрович Бобровников, выпускник академии 1846 года. Как отмечают исследователи А.А. Бобровников (1822-1865) имел природные лингвистические данные. Его отец, иркутский протоиерей, в совершенстве владел литературным и разговорным монгольским языком, а также бурятским. Сам А.А. Бобровников, заканчивая курс духовной академии, писал: «...Ныне могу без затруднения читать книги на семи языках...»².

Практическое знание языков, приобретенное А.А. Бобровниковым еще в Иркутске, было дополнено теоретической подготовкой, которую он прошел у ведущих монголоведов Казанского университета - О.М. Ковалевского и А.В. Попова. В 1843 году студент первого курса А.А. Бобровников с разрешения академического начальства посещал университетские лекции по монгольскому языку профессора О.М. Ковалевского. В 1844-1846 годах, в связи с решением правления академии «через слушание университетских лекций из способных академистов подготовить ... наставников» для особых миссионерских кафедр, А.А. Бобровников уже официально занимался калмыцким языком с профессором А.В. Поповым и получал частные консультации О.М. Ковалевского³.

Краткий курс подготовки с университетскими профессорами и общение с ними сыграли важную роль в становлении А.А. Бобровникова как монголовед-языковеда – преподавателя и исследователя. В своей преподавательской деятельности он руководствовался филологическими, а не миссионерскими целями. Применяемые им методы в изучении языков были традиционно академическими и представляли чтение и перевод монгольских и калмыцких текстов с грамматическим и филологическим разбором по ходу занятия. Основными учебными пособиями являлись «Монгольская хрестоматия» и «Монгольско-русско-французский словарь» О.М. Ковалевского, а с 1850 года - «Грамматика монгольско-калмыцкого языка», написанная самим А.А. Бобровниковым⁴.

Не без влияния университетских профессоров научные интересы А.А. Бобровникова сформировались в области восточного языкознания, для которого язык был не средством, а целью изучения, и которое базировалось на глубоком знании восточных источников. А.А. Бобровникову принадлежит приоритет в изучении и издании калмыцкой поэмы «Джангар», перевод которой на русский язык с предисловием и примечаниями он сделал по поручению Русского географического общества в 1854 году. Важным явлением в изучении монгольских источников стали две статьи «О монгольских надписях на русских актах» (1861) и «Памятники монгольского квадратного письма» (1870)⁵, позволившие охарактеризовать А.А. Бобровникова «без сомнения даровитейшим из всех бывших у нас монголистов»⁶.

Признавая влияние, которое оказали на А.А. Бобровникова университетские профессора, в то же время неверно рассматривать его только как ученика А.В. Попова. А.А. Бобровников – самостоятельный оригинальный исследователь. Применяемые им методы в изучении монгольского и калмыцкого языков отли-

чаются от методов А.В. Попова, а сделанные выводы порой противоположны. Это наглядно показала «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (1849). Изданная через два года после «Грамматики калмыцкого языка» А.В. Попова (1847), она отличалась новизной, оригинальностью и методикой. В отличие от А.В. Попова, который отказался от сравнительно-сопоставительного метода и рассматривал калмыцкий язык изолированно от монгольского, (за что его критиковал О.М. Ковалевский⁷), А.А. Бобровников считал, что между этими языками существует внутренняя логическая связь, поэтому их следует изучать совместно. Изучение монгольского языка должно, по его мнению, предшествовать изучению калмыцкого, так как «из-за отсутствия отдельного калмыцкого словаря используется монгольский словарь, что требует знания особенностей монгольского письма и его отличий от калмыцкого»⁸.

Монгольско-калмыцкая грамматика А.А. Бобровникова имела еще одну особенность. В то время как калмыцкая грамматика А.В. Попова и учебные пособия по монгольскому языку, написанные Я.И. Шмидтом и О.М. Ковалевским, излагали книжный литературный язык, А.А. Бобровников положил в основу своего труда живой разговорный монгольский язык.

Грамматика А.А. Бобровникова, предназначенная для академии и семинарий с преподаванием монгольского и калмыцкого языков и практикующих миссионеров, продемонстрировала высокий уровень теоретической и практической подготовки молодого лингвиста. Стремление выявить и изложить внутреннюю логику монгольского языка потребовало от А.А. Бобровникова не только его хорошего знания, но также серьезной аналитической работы и нового подхода к исследуемому материалу. В последствии идеи и методы А.А. Бобровникова были развиты применительно к тюркским языкам⁹.

Уход А.А. Бобровникова из Казанской духовной академии в 1855 году и отсутствие у него учеников не обеспечили преемственности в преподавании здесь монгольского и калмыцкого языка. После перевода восточного разряда Казанского университета в Санкт-Петербург (1854) университетские профессора-монголоеды уже не могли оказывать помощь в подготовке преподавателей и влиять на развитие миссионерского монголоведения как в 1840-е годы. Первые тридцать лет своей деятельности (1855-1884) противобуддистское отделение из-за отсутствия преподавателей и студентов не выполняло основную задачу: обеспечивать себя преподавателями и готовить кадры со знанием языков для семинарий и миссионерской работы. Но даже в это трудное время для отделения в отдельные периоды на нем работали преподаватели, получившие специальное востоковедное образование.

В 1863 году в Казанскую духовную академию был направлен молодой выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Василий Васильевич Миrotворцев (1838-1891). Обучаясь в духовной академии, он одновременно посещал занятия на восточном факультете Санкт-Петербургского университета у известных монголоедов А.В. Попова и К.Ф. Голстунского. По окончании университетского курса В.В. Миrotворцев выдержал экзамен «по предметам монголо-калмыцкого разряда восточного факультета: по монгольскому языку, истории монголов, калмыцкому языку, истории калмыков, татаро-джагатайскому наре-

чию, практическим занятиям в означенных языках»¹⁰. В 1869 году Совет Санкт-Петербургского университета утвердил его в степени кандидата монголо-калмыцкой словесности. В Казанской духовной академии В.В. Миротворцев преподавал монгольский и калмыцкий языки, метафизику буддизма¹¹. В.В. Миротворцев сформулировал основные направления и проблематику изучения буддизма, которые получили отражение в буддологических работах монголоведов академии: происхождение и историческая эволюция буддизма, история буддизма в Тибете, Монголии и среди российских калмыков и бурят. Главным предметом изучения, как считал В.В. Миротворцев, «должна быть внутренняя сторона буддизма – его онтологические, нравственные, космологические и обрядовые положения»¹². В 1872 году по причине кризисного состояния противобуддийского отделения и прекращения преподавания миссионерских предметов В.В. Миротворцев перешел на кафедру русской гражданской истории.

Возрождение монголоведения в Казанской духовной академии было связано с академическими уставами 1884 и 1910 годов, которые официально ввели в программу Казанской духовной академии миссионерские предметы, расширили круг их преподавания, определив, тем самым, важность миссионерского образования. Противобуддийское отделение заменялось монгольским отделом. В программу монгольского отдела входило изучение языков (монгольского, калмыцкого, бурятского, с 1911 года - тибетского), истории буддизма, монгольской и калмыцкой литературы, истории и этнографии монгольских народов, главным образом калмыков¹³.

В соответствии с уставом 1884 года на монгольском отделении были открыты две кафедры. Кафедру истории и обличения ламаизма, монгольского языка с бурятским наречием занимали В.В. Миротворцев (1884-1891), И.В. Попов (1892-1908), иеромонах Амфилохий (А.Я. Скворцов) (1911-1919). Вторая кафедра специализировалась на этнографии монгольских народов и распространения между ними христианства, калмыцкого наречия с общим филологическим обзором. Здесь работали М.С. Нефедьев (1886-1893), И.И. Ястребов (1898-1905), архимандрит Гурий (А.И. Степанов) (1906-1919). За исключением В.В. Миротворцева, все преподаватели монгольского отделения были выпускниками Казанской духовной академии.

Новые условия деятельности монгольского отделения потребовали наличия преподавательских кадров со специальным востоковедным образованием. В последней четверти XIX – начале XX века основной формой профессиональной подготовки преподавателей монгольского отдела стали командировки с образовательной и научной целью в столичные учебные заведения, в регионы проживания калмыцкого населения и на зарубежный Восток.

В соответствии с уставами 1884 и 1910 годов на монгольском отделении Казанской духовной академии был учрежден институт профессорских стипендиатов. Он позволял по окончании курса оставлять до двух человек наиболее способных студентов и готовить их к преподавательской деятельности. Руководство занятиями профессорского стипендиата поручалось преподавателю кафедры, при которой стипендиат оставлялся. Руководитель составлял план занятий, который затем рассматривался и утверждался Советом академии. Для приготовления к

преподавательской должности и написания магистерской диссертации разрешились научные командировки в российские и заграничные высшие учебные заведения¹⁴.

Первым профессорским стипендиатом монгольского отделения по кафедре калмыцкого наречия с общим филологическим обзором, этнографии монгольских народов и распространения между ними христианства стал Михаил Семенович Нефедьев (1859-1910). Его академическим руководителем был назначен В.В. Миротворцев. Выбор на М.С. Нефедьева пал не случайно. Родом из Астраханской губернии он закончил местную семинарию, где занимался монгольским языком. В период учебы в Казанской духовной академии М.С. Нефедьев изучал татарский язык.

Так как к монгольскому отделу были причислены языки и этнография народов Сибири, Приамурья и Забайкалья¹⁵, то преподавателю необходимо было иметь хотя бы самые общие представления об этих языках и народах. В дополнение Казанская переводческая комиссия в 1880-е годы занялась переводами православной литературы на корейский язык, для чего требовалось знание китайских иероглифов. Поэтому Совет академии направил М.С. Нефедьева на два года (1884/5 и 1886/7) в качестве вольнослушателя на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета для занятий китайским, маньчжурским, монголо-калмыцким и татарским языками. Но главным занятием М.С. Нефедьева в университете должно было стать изучение монгольско-калмыцкого языка и этнографии монгольских народов. Он должен был ознакомиться с «пособиями для изучения наречий племен северо-восточной Сибири», изучить историю распространения христианства и переводов церковной литературы на калмыцкий язык¹⁶.

В Петербурге М.С. Нефедьев занимался монгольским и калмыцким языком с ведущими монголооведами того времени А.М. Позднеевым и К.Ф. Голстунским. Помимо официальных занятий в университете они давали М.С. Нефедьеву особые уроки на дому. На занятиях изучались монгольские переводы священных тибетских текстов и памятники калмыцкой исторической литературы¹⁷. В дополнение к монгольскому и калмыцкому языкам М.С. Нефедьев посещал занятия по бурятскому языку, которые вели И.И. Захаров и А. Доржиев, а также самостоятельно изучал якутский и алеутский языки¹⁸.

Через институт профессорских стипендиатов прошли все преподаватели монгольского отделения (за исключением И.В. Попова), вследствие чего они получили хорошую теоретическую и практическую языковую подготовку в специализированных учебных заведениях. На факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета под руководством профессора А.М. Позднеева в монгольском и калмыцком языках совершенствовались И.И. Ястребов (1892-1893), архимандрит Гурий (А.И. Степанов) (1906-1907), иеромонах Амфилохий (А.Я. Скворцов) (1910-1911). Гурий и Амфилохий помимо монгольского и калмыцкого занимались еще тибетским языком.

Профессорские стипендиаты монгольского отделения Казанской духовной академии получали языковую подготовку не только в Санкт-Петербургском университете, но и в Практической Восточной Академии. Практическая Восточная

Академия была создана в 1909 году при Императорском Обществе Востоковедения с целью подготовки лиц с «практическим знанием восточных языков и восточных стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности на восточных окраинах России и сопредельных с ней стран»¹⁹.

В 1912 году ее руководство предложило Синоду готовить для ведомства православного исповедания миссионеров, предназначенных «для руководства делом духовного просвещения в восточных епархиях»²⁰. Уже иеромонах Амфилохий во время научной стажировки в Санкт-Петербург в 1910-1911 году посещал занятия одновременно в университете и в Практической Восточной Академии. Рассмотрев предложение руководства Восточной академии, Совет академии признал «полезным ежегодно командировать в Практическую Восточную академию наиболее способных и прилежных студентов» и просил Синод выделить на это средства²¹. Совет академии принял решение направить с 1913-1914 учебного года в Практическую Восточную академию иеромонаха Гервасия (Малинина Г.В.) сроком на три года.

Последним профессорским стипендиатом монгольского отделения по кафедре калмыцкого языка, этнографии монгольских племен и истории распространения христианства был Василий Васильевич Машков, выпускник 1916 года.

Для овладения разговорным калмыцким языком, знакомства с религией и кочевым бытом калмыков профессорские стипендиаты проводили летние каникулы в калмыцких улусах Астраханской и Ставропольской губерний. Первым такую поездку в калмыцкие степи в 1846 году совершил А.А. Бобровников. Инструкция, которой он должен был руководствоваться в научных занятиях во время поездки, была составлена профессором кафедры монгольского языка Казанского университета А.В. Поповым. Он поставил перед А.А. Бобровниковым задачу из сравнительного языкознания: изучить разговорный калмыцкий язык, выявить различия между литературной и разговорной формами калмыцкого языка, выявить различия между калмыцким и монгольским языками. Кроме этого А.А. Бобровникову следовало ознакомиться с религией, обычаями и нравами калмыков²². Результаты трехмесячной поездки были изложены в отчете правлению академии от 20 декабря 1846 года. В первой части отчета А.А. Бобровников осветил вопросы, связанные с религиозным состоянием калмыков, их верования и суеверия, охарактеризовал положение калмыков, принявших христианство. Религиоведческая часть отчета о поездке в калмыцкие степи была напечатана в виде отдельной статьи уже после смерти А.А. Бобровникова в 1865 году²³. Вторая часть отчета представляла обзор филологических особенностей калмыцкого языка в сравнении с монгольским. В ней отразились научные интересы А.А. Бобровникова как лингвиста-монголиста.

Практика посылать профессорских стипендиатов и студентов в калмыцкие степи для практического овладения языком была продолжена в конце XIX – начале XX века. Отчеты М.С. Нефедьева за 1884/5 и 1886/7 учебные годы содержат материал о его пребывании в астраханских степях, в частности, в Багахуруловском хуруле Малодербетовского улуса. Желая изучить чисто народный калмыцкий язык, он никогда не брал проводниками русских или казаков, селился

в местах наиболее удаленных от русских поселений. Общаясь с местным духовенством, наблюдая его повседневную жизнь, М.С. Нефедьев составил описание религиозных обрядов калмыков. В дальнейшем его наблюдения были положены в основу лекции «Религиозное состояние современных калмыков», которую он читал студентам монгольского отделения²⁴.

Отчеты профессорских стипендиатов о поездках в калмыцкие степи свидетельствуют, что они изучали не только разговорный калмыцкий язык и религиозный быт калмыков. Ими был собран значительный этнографический и фольклорный материал. Фольклором астраханских калмыков занимался И.И. Ястребов. Народные песни, пословицы и сказки поволжских калмыков собирал М.С. Нефедьев. Амфилохием был собран этнографический материал о забайкальских бурятах.

Роль командировок в профессиональной подготовке преподавателей миссионерского монгольского отделения хорошо осознавалась руководством академии. В январе 1910 года архимандрит Гурий высказал мысль, что «...стоять в преподавании на уровне современности могут только те, кто ежегодно бывает в центрах процветания ламаизма и в местах, где слышится живая речь инородца. Если же не делать этого, то по необходимости придется самому и снабжать своих слушателей сведениями, имеющими свою свежесть десяти и двадцати лет назад»²⁵.

В 1911 году в программу предметов монгольского отделения академии был внесен тибетский язык. Необходимость его преподавания была связана с изучением ламаизма – религии российских калмыков и бурят. Основная каноническая литература этой формы буддизма была написана на тибетском языке. Она ввозилась из Тибета и Монголии и была доступна немногим. Преподаватели монгольского отделения пользовались популярными монгольскими и калмыцкими текстами, распространенными среди мирян. Вопрос о необходимости изучать ламаизм по тибетским, а не только монгольским и калмыцким источникам был поднят иеромонахом Амфилохием.

Амфилохий (Скворцов Александр Яковлевич) (1885-1937) – сын псаломщика из села Норваши Цивильского уезда Казанской губернии. После окончания академического курса в 1910 году он был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре монгольского языка, истории и обличения ламаизма. Рекомендую Амфилохия на кафедру, архимандрит Гурий отмечал не только «его редкое стремление к изучению языков и миссионерских предметов», но и подчеркнул его «способность к самостоятельному научному труду»²⁶.

С первого курса Амфилохий упорно занимался монгольским и калмыцким языком. На втором курсе он самостоятельно составил монгольско-калмыцкий словарь, который был гектографирован в качестве учебного пособия. В 1910-1911 годах, как профессорский стипендиат, Амфилохий прошел языковую подготовку под руководством профессора Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеева. Когда встал вопрос о подготовке преподавателя тибетского языка, Амфилохий подал прошение о командировке в Монголию для его изучения. Отметив отсутствие российских и зарубежных научных трудов, в которых бы ламаизм исследовался полно и всесторонне, Амфилохий заключал: «не зная тибетско-

го языка и поставленный, таким образом, в затруднительное положение при изучении ламаизма, я считаю своим долгом донести...что...изучение ламаизма только тогда будет возможно, когда мною будет изучен кроме монгольского языка еще и тибетский язык»²⁷.

Совет Казанской духовной академии поддержал прошение Амфилохия. С разрешения Синода он был командирован «с ученой целью в Монголию». Основным местом пребывания Амфилохия стала Урга. Сохранившиеся отчеты Амфилохия о командировки в Монголию (1912-1914) позволяют представить, в каком направлении проходили его занятия. С помощью монгольского ламы он занялся изучением тибетского языка и метафизики буддизма на основе религиозной тибетской литературы, используемой в высших конфессиональных школах Монголии. Чтение тибетских религиозных текстов заставляло «вникать во все оттенки тибетской конструкции, усиливаясь понять трудные мысли, вдумываться в самые способы выражения мысли на тибетском языке...»²⁸. Кроме метафизики буддизма Амфилохий изучал космологию и этику ламаизма. Изучая тибетский язык и тибетскую религиозную литературу, Амфилохий продолжал совершенствоваться в монгольском языке. Особое внимание он уделил современному литературному языку, находя его «легче, изящнее и проще в выражениях и ближе к современному разговорному языку и потому понятнее»²⁹. Чтобы выяснить влияние ламаизма на монгольские массы, Амфилохий поселился в долине по реке Харе. Наняв юрту, он жил среди монголов, наблюдая их обычаи, нравы и быт. Желая познакомиться с обрядовой стороной монгольского буддизма, Амфилохий в течение месяца жил в монастырях Халхи, а на обратном пути в Россию посетил дацаны забайкальских бурят.

Применяемые в Казанской духовной академии формы профессиональной подготовки преподавателей монгольского отделения дают основание считать, что в начале XX века здесь были созданы предпосылки для дальнейшего развития миссионерского монголоведения. Успешная деятельность монгольского отделения побудила Синод расширить число духовных заведений с преподаванием восточных языков. По примеру Казанской духовной академии предполагалось открыть Сибирскую духовную академию с изучением китайского, японского, монгольского и тибетского языков. Однако в результате октябрьских событий 1917 года эти планы не были реализованы. Сама Казанская духовная академия была закрыта в 1919-1920 учебном году.



Примечания

¹ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.1324. Л.89, 94.

² Цит. по: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во КГУ, 1998. С.117.

³ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д. 243. Л. 6-а, 17.

⁴ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.464. Л.46; Д. 1018. Л.6.

⁵ Джангар (народная калмыцкая сказка). Б.м., 1854. 30 с.; А.А. Бобровников. О монгольских надписях на русских актах. (Письмо к Вельяминову-Зернову) // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1861. Т.4. 17 с.; Памятники монгольского квадратного письма, объясненные А.А. Бобровниковым с дополнением В.В. Григорьева. СПб.: Тип. АН, 1870. С. 90.

⁶ Памятники монгольского квадратного письма. С. 89-90.

⁷ См.: Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Изд-во КГУ, 1983. С.79.

⁸ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.450. Л. 39.

⁹ Р.М. Валеев приводит письмо Н.И. Ильминского к В.В. Григорьеву (1854): «Саблуков предложил татарский синтаксис, принявший в основание порядок Бобровникова...». См.: Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения. С.27.; А.Н.Кононов отмечал, что «Грамматика алтайского языка», одним из авторов которой был Н.И. Ильминский, «в главных линиях своей структуры и истолкования основных положений зависела от идей и методов А. Бобровникова». См.: Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: дооктябрьский период. 2-е изд. М., 1982, С.307.

¹⁰ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.2581. Л. без №.

¹¹ Василий Васильевич Миротворцев (некролог). Казань, 1869, С. 9, 15.

¹² НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.6178. Л.13.

¹³ Устав и штат православных духовных академий 1884 г. Казань, 1884, с.26; Устав и штат православных духовных академий 1910 г. Казань, 1910, С.35-36.

¹⁴ Устав и штат православных духовных академий 1884 г. С.26-27; Устав православных духовных академий 1910 г. С.16-17.

¹⁵ Устав и штат православных академий 1884 г. Казань, 1884. С.25-26.

¹⁶ НАРТ. Ф.10. Оп. 1. Д.8004. Л. 1, 2 об.

¹⁷ Там же. Л.13.

¹⁸ Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1885 год. Казань, 1885. С.342-343.

¹⁹ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11099. Л. 2.

²⁰ Там же. Л.1.

²¹ Там же. Л.3.

²² НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д. 450. Л. 3-6.

²³ Бобровников А.А. Очерк религиозного состояния калмыков // Православное обозрение. – СПб., 1865. Т.17, №7-8, С.335-352, 495-510.

²⁴ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.8004. Л.19-20.

²⁵ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11042. Л.8 об.-9.

²⁶ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.1142. Л.8.

²⁷ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11095. Л.2.

²⁸ НАРТ. Ф.10. Оп.1. Д.11095. Л. 21.

²⁹ Там же. Л.22.

E.V. Kolesova

THE FORMS OF SPECIAL TRAINING OF THE TEACHERS AT THE MISSIONARY ANTI-BUDDHISTIC (MONGOLIAN) DEPARTMENT IN THE KAZAN ECCLESIASTICAL ACADEMY (THE MIDDLE OF XIX CENTURY – 1917)

Key words: Kazan ecclesiastical academy; the missionary anti-buddhistic department; missionary study of Mongolian peoples; forms of training.

It is examined the system of special training of the teachers-mongolists missionary Mongolian department in the Kazan ecclesiastical academy. The selected forms of teachers-training give an idea about contacts Kazan ecclesiastical academy with leading oriental educational centers of Russia and high level of preparation of the academy teachers.

О. М. Гильмутдинова

**КАЗАНСКИЙ ВЕТЕРИНАРНЫЙ ИНСТИТУТ КАК ФЕНОМЕН
СОДРУЖЕСТВА РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

На архивных материалах реконструирована история взаимных контактов Казанского ветеринарного института, Казанского государственного университета и Варшавского ветеринарного института в конце XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: образование в России; подготовка ветеринаров; Казанский ветеринарный институт; русско-польские научные связи.

Ветеринарное образование в России начало формироваться в начале XIX века. В его основу было положено научное направление, предусматривающее подготовку ветеринара как высококвалифицированного специалиста и образованного человека. В программу обучения ветеринарного лекаря, помимо специальных дисциплин, входил широкий спектр естественнонаучных предметов. Неотъемлемой частью его образования являлось знание русского и иностранных языков, литературы. По этой системе готовили ветеринарных специалистов в академиях, обеспечить такой уровень подготовки могли и университеты. Азиатская часть России, будучи важнейшим скотоводческим регионом империи, остро нуждалась в ветеринарной системе обслуживания. Именно ее отсутствие являлось причиной многочисленных бедствий в результате эпизоотий и больших убытков, которые несла экономика. Большая заслуга в создании отечественной ветеринарии принадлежит Казанскому ветеринарному институту, ныне Казанской академии ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана. В 2013 году вуз отмечает свое 140-летие.

Создание института на востоке России в 1874 году (учрежден в 1873 году) отражало объективную необходимость в формировании центра по подготовке высококвалифицированных ветеринарных специалистов, способных не только вести успешную борьбу с губительными заболеваниями животных, но и владеть современными методами диагностики и лечения. Неизмеримо важно было подготовить специалиста, который бы обладал практическими навыками в проведении профилактических мер по охране здоровья и жизни людей, мог качественно влиять на улучшение структуры животноводства. Чтобы готовить специалистов такого уровня, нужно было дать им глубокую теоретическую подготовку, основанную на достижениях естествознания, в сочетании с основательной клинической практикой. Эти задачи поставил перед собой первый директор института, польский ученый, магистр ветеринарных наук и доктор медицины П.Т. Зейфман¹ (1823-1903). П. Зейфман был командирован за границу для ознакомления с постановкой ветеринарного дела. Состояние ветеринарного образования в этот период в России и Европе не отвечало требованиям экономики. При университетах и академиях (как, например, в России) существовали кафедры ветеринарных наук и самостоятельные школы.

Отсутствовала преемственность в подготовке ветеринарных специалистов. Несмотря на многообразие программ в этих учебных заведениях, наметилась тенденция подготовки специалистов-практиков, научное направление отходило на второй план. Уровень требований, предъявляемый к будущим специалистам, был невысоким. Знакомство с постановкой ветеринарного образования в Германии, Франции, Бельгии убедило Зейфмана в необходимости коренных изменений в этой области. Изучая документы казанского периода деятельности Зейфмана, мы приходим к выводу о том, что он являлся не только крупным ученым, но и реформатором ветеринарного образования. В своей деятельности ученый ориентировался на университеты, «эти храмы науки, в которых с таким успехом разрабатывались естественные науки и медицина, научная связь с ними оказывала благотворное влияние на ветеринарию»². По глубокому убеждению Зейфмана, необходимо было создавать самостоятельные высшие ветеринарные учебные заведения научного направления. Для достижения этой цели содержание программ следовало расширить и углубить. Они должны были соответствовать программам медицинских факультетов университетов. Обязательных дисциплин должно было насчитываться не менее 20, вспомогательных – не менее 10. Серьезное изучение латинского, иностранных языков, общеобразовательных дисциплин, литературы в том числе, являлось обязательным условием подготовки ученых ветеринаров (так в дипломе обозначалась специальность ветеринарного врача). Развитие новых направлений в ветеринарной науке подсказало П. Зейфману необходимость подготовки будущих талантливых ученых уже с первых лет их учебы в вузе. Эти идеи реформы высшего ветеринарного образования, сформировавшиеся у него в ходе ознакомления с деятельностью высшей школы в Европе, Зейфман считал основой своей деятельности. Он ввел ежегодные научные стажировки преподавателей в европейские высшие учебные заведения. Эта традиция тесного взаимодействия казанского ветеринарного института с высшей европейской школой неукоснительно поддерживалась впоследствии руководителями вуза, крупными учеными: И. Н. Ланге (1845-1912), К. М. Гольцманом (1854-1922), К. Г. Болеем (1871-1959).

Важной составляющей деятельности ветеринарного института было тесное взаимодействие с Казанским университетом. Весомый вклад в подготовку ветеринарных специалистов внес выдающийся физиолог Н.О. Ковалевский³, плодотворно трудившийся в университете. По приглашению П.Т. Зейфмана он приступил к чтению курса лекций по физиологии, основал кафедру и физиолого-гистологический кабинет. Постановка преподавания такой ведущей дисциплины, как физиология, имела важное значение для дальнейшего развития учебного процесса. Н. О. Ковалевский сумел привить будущим ветеринарам интерес к физиологии настолько, что некоторые из них (Г. Чуловский и Г. Гумилевский) прослушали снова весь курс совместно со студентами медицинского факультета.

Одной из первых в институте создавалась кафедра анатомии. У истоков ее создания стоял талантливый ученый и организатор, А.О. Стржединский (1825-1882г.г.). Этот ученый был хорошо знаком с уровнем преподавания анатомии в

вузах России и Европы. Учебную программу он составлял, опираясь на новейшие достижения в этой области. Им был написан один из первых отечественных учебников «Анатомия домашних животных и дворовых птиц. Часть первая. 1862 г.». По отзывам его коллег, именно благодаря усилиям ученого, преподавание анатомии было поставлено на высокий уровень⁴. Его лекции вызывали интерес у студентов, а экзамены и занятия проходили настолько демонстративно, что привлекали слушателей всех курсов. А.О. Стржедзинским был основан анатомический музей, экспонаты которого изготавливал он сам, привлекая к этой деятельности и студентов. Этот музей и поныне является действующим в учебном процессе. Помимо кабинета на кафедре были созданы музей физиологической анатомии, собрание зубных препаратов, кабинет моделей домашних животных. Вокруг А.О. Стржедзинского сформировалась целая плеяда талантливых ученых, внесших весомый вклад в науку и образование. Им принадлежит заслуга в развитии ветеринарии. К их числу принадлежит и проф. Г.А. Чуловский, ученик А.О. Стржедзинского (к сожалению, годы жизни ученого не удалось установить – О. Г.). Его труды заложили основу нового научного направления в анатомии – изучения нервной системы животных. Впоследствии это направление вылилось в крупную научную школу, сформировавшуюся в институте. По рекомендации своего учителя Г.А. Чуловский возглавил кафедру анатомии в 1881 году, где и трудился до 1890 года – вплоть до назначения директором Варшавского ветеринарного института. Так было положено начало тесным научным связям Казанского и Варшавского ветеринарных институтов. Эти контакты получили еще большее развитие, когда в 1905 году Варшавский ветеринарный институт возглавил опытный руководитель и организатор, проф. И. Н. Ланге, проработавший в институте до 1912 года (до своей кончины).

Прочные нити, связывающие традиционно российскую и польскую культуры, тесно переплелись в деятельности двух высших учебных заведений – Казанского и Варшавского ветеринарных институтов. Дальнейшее плодотворное взаимодействие вузов связано с деятельностью Ивана (Яна) Михайловича Догеля. В течение почти четырех десятилетий выдающийся ученый-фармаколог, анатом И. М. Догель трудился в стенах Казанского ветеринарного института⁵.

С 1876 года ординарному профессору Догелю было поручено чтение лекций в Казанском ветеринарном институте по теоретической части фармакологии с рецептурой⁶. Кафедра фармакологии с приходом И. М. Догеля значительно активизировала свою научную деятельность. Впервые в практику учебного процесса им был введен научный эксперимент. У студентов это вызывало большой интерес. Так начиналось их приобщение к науке. Большое внимание ученый уделял подготовке научных кадров. В научной лаборатории И. М. Догеля работали студенты и молодые преподаватели. Глубокие знания и широкая эрудиция позволяли ученому успешно руководить научными изысканиями исследователей по различным научным направлениям. Примером тому служат работы терапевта К. М. Гольцмана, магистра ветеринарных наук, впоследствии – основоположника Казанской школы ветеринарных терапевтов,

гистолога Г. И. Гумилевского. Еще студентом Г. И. Гумилевский занялся научными исследованиями под руководством И. М. Догеля, успешно защитил диссертацию на степень магистра ветеринарных наук. Работу своего ученика И. М. Догель оценил достаточно высоко. Пройдя школу И. М. Догеля, Гумилевский, став директором Харьковского ветеринарного института, ввел гистологию в программу обучения и поставил преподавание этой дисциплины на высокий по тем временам уровень⁸.

Профессор Догель был не только талантливым, плодотворно трудившимся ученым (им было выполнено более 80 научных работ, многие из которых были общепризнаны)⁹, много сил и энергии он отдавал просветительской работе. Неоднократно он выступал с публичными лекциями в пользу своей научной лаборатории. Примечательна тематика этих выступлений: «О влиянии музыки на человека и животных», «Ум и сердце»¹⁰. Его лекции неизменно собирали многочисленную аудиторию.

Будучи членом различных научных обществ и почетным членом академий, Догель был, вместе с тем, активно действующим лицом в Обществе вспомоществования нуждающимся студентам Казанского ветеринарного института, горячо и заинтересованно откликался на нужды студенчества. Он пользовался большим авторитетом у учащейся молодежи. Плодотворное содружество российских и польских ученых связано также с деятельностью известного ученого Д. М. Автократова (1866-1953г.г.)¹¹. Проработав ряд лет в ветеринарном институте в Казани, с 1908 по 1915 год, он возглавлял кафедру анатомии домашних животных в Варшавском ветеринарном институте. Здесь он написал учебник, выдержавший несколько изданий и принесший ему известность; всего же им было в этот период написано 24 научные работы, литографическим путем издана для студентов почти вся анатомия домашних животных¹². Д.М. Автократов много сделал для оборудования музея кафедры. Впоследствии этому музею было присвоено имя ученого.

В 1915 году институт был переведен в Москву и Д.М. Автократов исполнял обязанности его директора¹³. Впоследствии при переводе этого института в Новочеркасск Д.М. Автократов приложил много усилий для формирования высококвалифицированного состава преподавателей кафедры анатомии¹⁴.

Деятельность выдающихся российских и польских ученых в Казанском и Варшавском ветеринарном институтах оставила глубокий след в истории науки и образования. Их плодотворное сотрудничество способствовало взаимообогащению и развитию науки и образования России.

— — Примечания

¹ Гильмутдинова О.М. П.Т Зейфман – первый директор Казанского ветеринарного института / Квартальник истории науки и техники. Польская Академия наук. Варшава, 1994. С. 39-44.

² Зейфман П. Т. Краткий обзор учебно-ветеринарных заведений в России. Казань: Университетская типография, 1878. С. 20.

³ НАРТ. Ф. 534. Оп. 5 л. Д. 14. Л. 3.

⁴ Там же. Д. 29, Л. 13; Д. 122. Л. 3.

⁵ См.: Гильмутдинова О.М. Указ. соч.

⁶ Волжский вестник, 1892. 26 сентября (8 октября). С. 2.

⁷ Отчет по Казанскому ветеринарному институту за 1880 год. Казань, 1881. С. 18.

⁸ Гильмутдинова О. М. Роль руководителей Казанского ветеринарного института в развитии вуза и подготовке кадров // Труды первого съезда ветеринарных врачей Республики Татарстан. Казань, 1996. С. 89.

⁹ НАРТ. Ф. 534. Оп. 5 Д. 17. Л. 35.

¹⁰ НАРТ. Ф. 534. Оп. 1. Д. 13. Л. 176 а.

¹¹ НАРТ. Ф. 534. Оп. 5 л. Д. 17. Л. 36.

¹² НАРТ. Ф. 534. Оп. 5 л. Д. 122. Л. 5.

¹³ Краткий отчет о состоянии Казанского ветеринарного института за четырехгодичный период его существования. Казань, 1878. С. 69.

¹⁴ НАРТ. Ф. 534. Оп. 5. Д. 29. Л. 13.

O.M. Gilmutdinova

**THE KAZAN VETERINARY INSTITUTE AS A PHENOMENON OF
RUSSIAN AND POLISH SCIENTISTS' COLLABORATION IN THE
LAST THIRD OF THE XIX CENTURY**

Key words: education in Russia; veterinarian training; the Kazan Veterinary Institute; Russian-Polish scientific ties.

A history of mutual contracts between the Kazan Veterinary Institute, the Kazan State University, and the Warsaw State Institute in the XIX – beginning of the XX centuries was reconstructed on the base of archival materials.

A.A. Ярыгин

**ПЕРВЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ ОБМЕНИ МАРИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1994-1997 ГОДАХ**

Статья посвящена организации российско-американских образовательных обменов и созданию Российско-американского центра в Марийском государственном университете, а также личным впечатлениям автора об американской системе высшей школы.

Ключевые слова: Российско-американские образовательные обмены; высшая школа; Университет Боулинг Грин; Российско-американский центр.

В 1993 году правительством Соединенных Штатов Америки были выделены средства для финансирования довольно широкого круга обменных программ для российских ученых с американскими вузами и научными центрами. Одной из таких программ стала Junior Faculty Development Program (JFDP), которая была предназначена для годичной стажировки в американских вузах молодых российских ученых и университетских преподавателей. Участие в программе предпола-

гало знание английского языка, наличие у соискателя ученой степени, опыта преподавательской работы, определенные достижения в научной сфере и желание расширить свои профессиональные знания по различным направлениям научной и профессиональной деятельности. Кроме того, предполагалось, что знакомство с американской системой образования и установление личных контактов между американскими и российскими учеными и преподавателями будет способствовать установлению и развитию единого образовательного и научного пространства между двумя странами. Забегая вперед, мне хотелось бы отметить, что это была одна из лучших российско-американских академических обменных программ, которая оказала большое влияние на профессиональный и карьерный рост её участников.

В 1994 году мне посчастливилось выиграть три гранта для научных и ознакомительных поездок в США, но по некоторому размышлению я выбрал JFDP, и ни разу не пожалел об этом. 15 августа в составе группы молодых ученых я прилетел в штат Огайо в небольшой американский городок Боулинг Грин. Здесь расположен довольно известный на Среднем Западе США университет, который на целый год стал для меня родным. В нашей группе из восьми человек из различных российских вузов были философы, юристы, экономисты и историки. Каждый из нас был прикреплен для стажировки по профильным кафедрам университета. Мне повезло работать на двух кафедрах: истории и управления университетами. Кроме того, я стажировался и в международном отделе университета. Куратором нашей группы стала замечательная сотрудница университета госпожа Синтия Кроу, которая стала нашим - ангелом хранителем и наставницей в незнакомой американской жизни.

Государственный университет Боулинг Грин был основан в 1884 году и по американским меркам считался средним по числу преподавателей и студентов. В 1994 году здесь насчитывалось примерно 18 000 студентов и аспирантов. Для сравнения, все неуниверситетское население города было больше всего на полторы тысячи человек. Однако, его отличительной особенностью был динамизм развития. Уже в 2002 году, когда я был здесь в последний раз, количество студентов и аспирантов увеличилось до 22 тысяч, а сейчас оно еще больше. Правда, тогда большинству моих коллег университет показался маленьким и провинциальным, и в нашей группе всерьез обсуждался вопрос о смене места стажировки. К счастью, мне удалось убедить своих коллег не начинать свою практику в США с преувеличенных амбиций. Мы все остались в нашем (как позже мы стали его называть) университете. Мы поняли свою основную ошибку – делить по российской традиции все вузы на «центральные» и «провинциальные». В американской системе высшего образования нет подобного деления, хотя и присутствует внутренний патриотизм к альма-матер. Более того, многие прославленные научные и учебные центры находятся за пределами крупнейших американских городов, но это не мешает им быть всемирно известными, как, например, университет Беркли, Стэнфордский университет, Массачусетский технологический и другие.

Для университета Боулинг Грин, как и для многих других американских университетов, характерны высокий культ познания и работы. Но он отличается еще и определенной «домашностью» и уютом, помноженными на очень вниматель-

ное и доброжелательное к тебе отношение. Очень красивый и небольшой, по сравнению с другими университетами, кампус, замечательная библиотека, прекрасный спортивный комплекс, - идеальные условия для научной и учебной работы. Я довольно быстро «вписался» в повседневную жизнь университета (помогло хорошее знание английского языка и определенный административный опыт) и могу сказать, что главными фигурами университета являются преподаватель и студенты. Все остальные, включая и высшую администрацию – это обслуживающий персонал, который работает на обеспечение наиболее благоприятных условий для этих двух столпов американских вузов. Его цель и назначение – избавить преподавателей от ненужных административных забот, а студентам создать наиболее комфортные условия для учебы и приобретения навыков научной работы. Конечно, нельзя приуменьшать роль администрации в жизни университета, особенно в финансовом обеспечении, организации учебного и научного процесса и повседневном управлении жизнью вуза. Но факт остается фактом.

У каждого преподавателя - отдельный кабинет, оборудованный всем необходимым: мебель, средства связи, офисные принадлежности, аппараты для приготовления кофе и чая. Причем, вы можете оборудовать свой кабинет по своему вкусу так, чтобы сделать работу наиболее комфортной и продуктивной. Для нас, привыкших к тому, что все члены кафедры сидят в одном помещении, часто имея один стол на двоих, это казалось настоящим университетским раем, в то время, как американские коллеги рассматривали это как обыденную университетскую реальность. Они часто были недовольны размерами своих кабинетов. Причем прийти в свой кабинет можно в любое время суток, даже ночью. У каждого есть ключ от кабинета и факультета. Это часто выручало на первых порах, пока не прошли адаптация к разнице во времени между Россией и США. В своем кабинете я собрал хорошую библиотеку по истории США, которую позже передал в Марийский государственный университет и которая стала основой «американской коллекции» кабинета всеобщей истории историко-филологического факультета.

В своем кабинете каждый преподаватель встречается со студентами для проверки выполнения заданий и для необходимых консультаций. Причем, дурным тоном считается приходиться просто так - поболтать или попить кофе. Отношения между преподавателями и студентами, а тем более, аспирантами, демократичны и неформальны. Причем, часто они становятся дружескими, но никогда панибратскими. Всегда существует незримая грань, которую студенты не переступают, даже уже много лет по окончании университета. Это своеобразное наследие средневекового университетского социума бережно поддерживается обеими сторонами, хотя и не исключает порой скрытого взаимного недовольства друг другом. Преподаватель выступает часто не просто как учитель, но как ментор, а иногда как советчик и даже психолог. Эти отношения часто сохраняются на долгие годы и становятся одним из компонентов университетского патриотизма для выпускников, порой сохраняющих ностальгические чувства к своей альма-матер, факультету, кафедре. Очень часто это принимает и материальное выражение, но не по отношению к любимому преподавателю, а к вузу в целом. Так, выпускники университета Боулинг Грин разных годов выпуска помогают оборудовать раз-

личные лаборатории и учебные аудитории, строить новые корпуса и пополнять великолепную библиотеку, следить за благоустройством университетского парка и спортивных сооружений.

Лекции и практические занятия не произвели на меня особого впечатления. Мне кажется, что в американской методике образования не хватает двух компонентов, которые были долгое время отличительной особенностью отечественной высшей школы. Это последовательность и фундаментализм. Но в американской системе этого, возможно, и не требуется. Зато очень поощряется способность вести дискуссию, отстаивать собственное мнение, даже если оно противоречит мнению преподавателя. Причем, начатое обсуждение не завершается со звонком с занятий. Оно может быть продолжено в студенческом кафетерии, на скамейках парка, в преподавательском кабинете, в переписке по электронной почте. Мне посчастливилось принять участие в работе спецсеминара, которым руководили профессора Н. Макленнан и Д. Роуни. Нед Макленнан, крупный американский политолог и философ, позже приглашенный профессором в Лондонскую школу экономики, пользовался популярностью у американских студентов за умение объяснять сложные процессы политических коллизий XX века и большую требовательность. Дон Роуни, который был моим куратором по кафедре истории, дополнял своего коллегу очень хорошими знаниями русской истории.

Уважение к труду преподавателей в американском, во всяком случае связанном с образованием обществе, - это и осознание того факта, что стать профессором в университете, можно в результате лишь долгого и кропотливого труда. К нему идут долго и упорно, во многом отказывая себе, особенно в начале карьеры. Причем, традиционно начинающий ученый не должен получать все свои промежуточные должности и звание в одном университете. Почти обязательно бакалавриат он должен завершить в одном университете или колледже, звание магистра получить в другом, доктора - в третьем; профессорские регалии - в четвертом. При этом, очень приветствуется и зарубежный опыт или знания иностранных языков, если они не являются родными. Например, профессор Д. Роуни, о котором я уже упоминал выше, проходил стажировку в школе известного российского историка И.Д. Ковальченко и прекрасно знал русский язык. Такая «географическая» традиция, идущая из наследия средневековых университетов, имеет огромный плюс. Молодой ученый получает возможность на практике познакомиться с различными научными школами, приобрести широкий круг связей и знакомств, войти в профессиональное сообщество.

Защита докторской диссертации - очень важный этап в жизни американского историка, да и любого американского ученого. Но, как правило, это продолжение пути в науку, а не её завершение, как зачастую происходит в нашей отечественной практике. Молодому доктору предстоит еще пройти через целый ряд промежуточных академических званий и должностей, прежде чем он получит звание «полного», а затем и «заслуженного» профессора. Последнее звание, кроме прочего, позволяет работать без регулярного переизбрания и защищает от возможного увольнения и преследования со стороны администрации. Но в начале нужно создать свое имя и профессиональную репутацию, заявить о себе несколькими солидными монографиями и статьями, которые имеют высокий индекс цитиро-

вания, стать членом профессиональных ассоциаций и сообществ. Иначе невозможно победить в довольно высокой конкурентной борьбе, которая характерна для американского «интеллектуального и преподавательского рынка» труда.

К чести американских университетских администраций они очень помогают преподавателям в их карьерном росте, хотя и понимают, что рано или поздно те могут покинуть вуз ради работы в другом месте. Университет предоставляет оплачиваемый годичный отпуск для подготовки монографий или освоения новых технологий; покрывает затраты на научные командировки, в том числе и молодым преподавателям, правда не так щедро, как состоявшимся ученым. При этом, не требуется сопровождать свой отчет огромным количеством сопровождающих документов, подтверждающими понесенные расходы или мучительно размышлять, хватит или не хватит тебе средств на оплату гостиницы или пропитание. Высокая степень доверия в деликатном финансовом вопросе базируется не только на стремлении администрации освободить ученого от ненужной мелочной регламентации и дополнительных расходов из личного бюджета, но и на его понимании ответственности перед университетом, академическим сообществом и перед самим собой за результаты труда. Такое отношение дает свои плоды, порой достаточно быстро. Так, например, профессор П. Бергерон, начавший работать на кафедре истории университета Боулинг Грин в 1997 году, уже через 3 года подарил мне свою книгу об истории высшего общества штата Пенсильвания в XVIII – начале XIX веков.

В американских университетах приветствуется участие профессоров и преподавателей в региональных, национальных и международных исследовательских и научных проектах. Очень поощряется привлечение дополнительных финансовых средств за счет грантов многочисленных местных или национальных фондов. Количество грантодающих организаций в США поражает воображение. Увесистый том различных фондов, жертвующих средства на проведение научных исследований и разработку новых технологий, состоит из нескольких тысяч страниц с подробными выходными данными. Конечно, средства не предоставляются автоматически. Чтобы их получить, необходимо представить проекты, отличающиеся практической значимостью, оригинальностью подхода и будущей перспективой. Но, в конечном счете, деньги, вложенные, в том числе и частным капиталом, в науку и образование, дают наиболее высокий эффект в развитии национальной экономики и общества. Это очень прагматичный подход – это новые нестандартные подходы, новые мысли и изобретения, новые книги и технологии. Это вклад в будущее, который определяет поступательное развитие нации и государства. К сожалению, трудно ожидать схожей ситуации в отечественной действительности, даже сейчас, когда по количеству миллиардеров и миллионеров Россия уверенно находится на лидирующих позициях в мире. Отечественный капитал, в основном олигархический и компрадорский по своему характеру, не ориентирован на социальные потребности страны и нации и, соответственно не видит смысла в поддержке отечественной науки и образования. Отдельные, очень немногочисленные фонды, созданы либо для узко профильных целей, либо по приказу сверху и часто малоэффективны. Немного спасает ситуацию государственное финансирование научных разработок, но этого явно недостаточно.

Неверно будет сказать, что финансовый и социальный статус американской профессуры идеален. Как и везде, здесь есть свои сложности и проблемы. Внутри сообщества существуют и внутренние трения, на результаты научных исследований влияют и требования «политической и расовой корректности», ставшей одним из важнейших составляющей менталитета либерального общества, есть и зависть к результатам коллег. Но это объяснимо и понятно. Все мы люди. Но факт остается фактом - сравнение в положении американских и российских гуманитариев явно не в пользу последних.

Нельзя не сказать о библиотеке университета Боулинг Грин, да и вообще о библиотечной системе американских вузов. Начало 1990-ых годов было тяжелейшим периодом существования российской библиотечной системы, в том числе и университетской. Знакомство с библиотекой американского университета представляло разительный контраст с российской вузовской библиотекой. Это поистине центр университетской учебной и научной жизни, объект первостепенного внимания со стороны руководства вуза и спонсоров университета. Огромное четырехэтажное здание открыто для посетителей практически круглосуточно, особенно в период сессии. Электронные каталоги, современные стеллажи, свободный доступ к интересующей тебя литературе, к интернету и современной технике, удобные читальные рекреации, свободный абонемент и прекрасное обслуживание, всего не перечислишь. Организованная по принципу регионального пула, библиотека позволяла пользоваться фондами практически всех крупных библиотечных собраний Среднего Запада США, а также ряда национальных фондов и архивов. Правда, каталог университетской библиотеки имелся и в привычной для нас форме карточек. Но электронные каталоги и базы данных, конечно, гораздо удобнее для научной и учебной работы. Очень быстро вы можете найти, классифицировать и получить в распечатанном виде то, на что дома вы должны потратить уйму времени и монотонной работы. Производительность вашего труда многократно возрастает. Но не следует переоценивать универсальность и возможности работы с электронными базами данных и интернетом. Как ни странно, увеличивая многократно поток информации, мы часто сужаем качество получаемой информации, лишаемся возможности видеть «нюансы» источников, пометки и замечания тех, кто работал с источником до вас. Особенно, если это были современники или, например, историки XIX века, когда делать пометки на страницах книг не возбранялось. Кроме того, не все источники, картографические коллекции или редкие издания переведены в электронный вид. Например, во время своей командировки в Президентский центр в Теннесси, о чем я скажу ниже, мне удалось познакомиться с планом дома, который планировал построить для себя одиннадцатый президент США Дж. Полк, после того, как он уйдет в отставку. Несмотря на то, что в американистике за ним закрепилась слава «пуританского» президента, запретившего проводить балы и праздничные вечера в Белом Доме в период своего президентства, в плане своего будущего дома им предусматривалось строительство и убранство бального помещения. Таким образом, ничто человеческое ему было не чуждо.

Несколько слов и о статусе библиотечного работника. Конечно, зарплата библиотекаря невелика и текучесть кадров весьма высока. Но эти минусы рази-

тельно отличаются по своему внутреннему смыслу от ситуации в отечественных университетских библиотеках. Текучесть во многом объясняется тем, что младший библиотечный персонал почти сплошь состоит из студентов, которые только получают возможность подработать, что очень важно при достаточно высоком уровне платного высшего образования в США. Они также имеют возможность расширить и углубить свои знания и практические навыки, что очень важно для их резюме при дальнейшем самостоятельном трудоустройстве или решении продолжить свое образование. Я думаю, что эта практика должна быть заимствована и в наших университетах.

Что же касается статуса основного ядра библиотечных работников, то у них есть гораздо больше карьерных перспектив и путей своей самореализации, чем у их российских коллег. В США есть научные степени по библиотечному делу, аналогичные степеням по технике, математике, физике, праву и т.д. Кроме того, библиотекари имеют свои профессиональные ассоциации и общества, как на региональном, так и национальном уровнях, серьезные научные издания и альманахи. Библиотечный работник в США - это равноправный ученый и участник образовательного и научного процесса. Я считаю, что это также должно быть принято в нашей университетской практике.

В рамках нашей стажировки были предусмотрены возможность участия в работе профессиональных организаций и посещение других университетских центров. Наиболее интересным для меня стало участие и выступление на конференциях Ассоциации американских историков в Чикаго и Вашингтоне. Я не только смог пообщаться со своими американскими коллегами, но и завести необходимые связи для пополнения библиотечного фонда нашего университета. Так, после моей стажировки кафедра всеобщей истории в течении нескольких лет получала публикации документов по истории «холодной войны», которые издавал «Институт холодной войны» в Калифорнии. Посещение Университета Сиракузы и Государственного университета Нью-Йорка, которые являлись центрами по развитию дистанционного образования в США, помогли через несколько лет развить эту технологию в Марийском государственном университете. Пионером здесь стал профессор А.А. Косов, который был участником программы GFDP в 1997 – 1998 годах, и чья программа предусматривала знакомство с американской системой дистанционного образования, в том числе и в указанных университетах.

За время стажировки мне удалось посетить 14 американских университетов - от Нью Джерси до Висконсина, от Пенсильвании до Теннесси. В ряде университетов я читал лекции по истории «джексоновской демократии» в США для аспирантов и магистров исторических кафедр как приглашенный профессор. В университете Теннесси я, благодаря гранту, полученному от частного фонда «XX Century Foundation», занимался в архиве Центра президента Дж. Полка при университете. Прием в центре был прекрасно организован профессором В. Катлером, руководителем Центра. Он стал моим другом и соавтором статьи по истории президентов США, выходцев штата Теннесси, опубликованной в одном из сборников кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета. Я смог не только позаниматься в фондах Центра, но и посетил мемориал

Дж. Полка в Теннесси, а также поместье седьмого президента США Э. Джексона «Эрмитаж», посетил Конгресс штата.

Поездка в Теннесси очень много дала для становления меня как историка-американиста, помогла избавиться от некоторых стереотипов во взглядах на историю США XIX века. В Конгрессе штата Теннесси я вдруг с удивлением обнаружил в галерее выдающихся сынов штата бюст полковника Форреста, знаменитого конфедерата, а также основателя и первого руководителя Ку-Клукс-Клана. Воспитанный на однозначно отрицательном подходе к южанам, защищавшим систему рабства в года Гражданской войны в США и уже испытавший влияние подхода «политической корректности в Америке, я был очень удивлен. Я осторожно поинтересовался у профессора Катлера, как бюст основателя КKK смог попасть в здание Конгресс штата Теннесси. Рассказ моего коллеги во многом дополнил мои знания о Гражданской войне в США, её действующих лицах и героях. Нечто похожее я испытал, когда недавнее освещение Гражданской войны, но уже в России, заполнило страницы наших исторических журналов и публицистики. Полковник Форрест был одним из наиболее известных военных героев Конфедерации, стоявшем в одном ряду с генералом Ли, Стоунвол Джексоном и другими. Он не был профессиональным военным, но, вступив рядовым в армию Юга, сделал головокружительную карьеру, закончив войну генералом и лучшим кавалеристом и партизаном по обе стороны фронта. Здесь его биография чем-то перекликается с историей нашего Дениса Давыдова, хотя фронт его действий был гораздо шире, да и стихов он, видимо, не писал. За всю свою военную карьеру он не проиграл ни одного сражения, хотя его противник всегда имел численное преимущество. Одно время он командовал всей кавалерией конфедератов и пользовался на Юге непререкаемой авторитетом. Его противники-северяне, такие как генерал Шерман и генерал Грант, ставший позже президентом США, всегда отзывались о нем с уважением и, даже, восхищением. Став одним из основателей Ку-Клукс-Клана и его главой в 1867 году, он распустил организацию в 1869, посчитав ее цели выполненными. По мнению многих историков в США, КKK образца 1867-1869 годов (они выделяют этот период в отдельный этап) был реальным выражением духа всеобщей на белом Юге неприязни, с которой белые южане относились к навязанной политике Реконструкции, утере политических и экономических привилегий, символом борьбы, с их точки зрения, с политикой либералов-завоевателей. Несмотря на то, что действия клана были нередко жестоки и связаны с насилием, на первом этапе своего существования они отличались и определенными благородными чертами. Так, за эти два года, что Форрест руководил кланом, не было ни одного нападения или акта насилия над женщинами, независимо от цвета её кожи. Особое внимание уделялось защите вдов и сирот, которые чаще всего становились жертвами банд мародеров, рыскавшими по Югу в поисках мифического золота плантаторов. Я далек от мысли идеализировать деятельность клана, но следует признать, что система рабства, просуществовавшая в южной части страны более двухсот лет, породила специфическое для американской истории доктринерское закрытое общество Юга, чей менталитет не мог измениться сразу же по окончании военных действий. И Форрест стал ярким примером уходящей эпохи и людей, «унесенных ветром».

Год стажировки в американском университете прошел очень быстро. Результатом моей поездки в Теннесси стали ряд статей, опубликованных в университетских сборниках МарГУ и ЧувГУ¹, новые курсы по истории США на историко-филологическом университете, коллекция «Американа» кабинета всеобщей истории. Но, пожалуй, самое главное - создание в Марийском государственном университете при поддержке ректора, профессора В.П. Ившина Российско-Американского центра. Целью РАЦ стало развитие научного, педагогического и учебного сотрудничества между МарГУ и американскими вузами. РАЦ просуществовал с 1996 по 2011 годы, пока я был проректором по международному сотрудничеству нашего вуза. Центром были проведены три российско-американских конференции, изданы совместные сборники научных статей, приняты на стажировку ряд ученых, аспирантов и студентов из США, получены многочисленные гранты на развитие образования (в том числе и в сфере электронных технологий) в Республике Марий Эл и многое другое. Но самое главное, с помощью центра многие ученые, преподаватели и бизнесмены из Марий Эл смогли пройти стажировку в США, что способствовало их росту в профессиональной карьере. В 1996 году на годичную стажировку в США поехал уже целый отряд преподавателей университета в составе четырех человек, которые вернулись из поездки обогащенные новыми знаниями и идеями. Профессор А.А. Косов стал пионером в создании и развитии в Марий Эл системы дистанционного образования. К сожалению, этот яркий ученый и деятель образования рано ушел из жизни. Доцент Н.А. Бирюкова стала автором собственной школы педагогики в МарГУ. Доцент Т.М. Гусакова защитила кандидатскую диссертацию, она развивала электронные системы образования в вузе и сейчас работает первым заместителем министра образования и науки Республики Марий Эл. Профессор Е.И. Царегородцев по возвращению со стажировки в университете Боулинг Грин защитил в 1998 году докторскую диссертацию. Он создал первую в университете кафедру моделирования экономических процессов. Он также создал научную школу моделирования экономики, где под его руководством были подготовлены и успешно защищены 38 кандидатских и три докторские диссертации. Выпускник университета О.А. Сидоров успешно окончил магистратуру университета Боулинг Грин; Ohio. Затем он защитил кандидатскую диссертацию по юриспруденции и сейчас работает первым проректором Марийского государственного университета.

В последующие годы на стажировки и обучение выезжали и другие преподаватели, сотрудники и студенты Марийского государственного университета, а также технического университета и педагогического института. Таким образом, первые академические обмены, деятельность Российско-Американского центра стали важной основой для развития научно-педагогического потенциала Республики Марий Эл.



Примечания

¹ См. например: В. Катлер, А.А. Ярыгин. Политика вето президентов Джексона, Полка и Джонсона и джексонская концепция развития экономики США. // Политика и культура стран Европы и Америки. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1996. С.15-29 (В соавторстве с В. Катлером); Д. Роуни. Политический центр и периферия: взгляд на государственное управление в России в историческом контексте (пе-

ревод и ред. А.А. Ярыгин). // Политика и культура стран Европы и Америки. Ч. 2. Йошкар-Ола, 1996. С. 97 – 113.; А. Yarigin. The Russian-American Center at Mari State University. // Alrtacts. Western Social Science Association. 39 Annual Conference. April 23-26, 1997. Altuguergue, 1997. P.132-135.; А.А. Ярыгин. Роль и значение международных обменов. // Российско-американское сотрудничество. Образование и перспективы развития. Материалы I Российско-американской региональной конференции 9-11 декабря 1997. Йошкар-Ола, 1997. С. 3 – 7; А.А. Ярыгин. Актуальные проблемы «джексоновской» демократии в США в первой половине XIX века // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе. I Арсентьевские чтения. Чебоксары, 2008. С. 428–436; А.А. Ярыгин. Образ России в преподавании истории в американских университетах. // Полиэтничность России контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX–XXI вв. III Арсентьевские чтения. Чебоксары, 2010. С. 20–29.

A.A. Yarygin

THE BEGINNING OF THE ACADEMICAL RUSSIAN-AMERICAN EXCHANGE PROGRAMMES OF THE MARI STATE UNIVERSITY IN 1994-1997

Key words: Junior Faculty Development Program (JFDP); Russian-American exchange programmes; Mari State University, Bowling Green State University (Ohio); high education.

The article is devoted to the history of the foundation of Russian-American exchange programmes at Mari State University.

И.Р. Чикалова

ЖЕНЩИНЫ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (1991–2012 ГГ.)

На значительном статистическом и фактическом материале показана динамика женского участия в органах представительной власти Беларуси; выделены этапы данного процесса, для которых в 1991-2000 гг. было характерно резкое снижение представленности женщин в советах всех уровней и позитивный перелом в 2001-2012 гг., связанный с приведением в соответствие с международными стандартами законодательства Беларуси. Подчеркивается тенденция формирования гендерного баланса внутри белорусских общественно-политических структур Беларуси.

Ключевые слова: женщины во власти; Беларусь; парламент; гендерный баланс.

В научных дискуссиях по поводу обеспечения справедливого баланса между мужчинами и женщинами в национальных и местных представительных и исполнительных органах власти регулярно поднимаются вопросы, почему для отдельных групп населения, в частности женщин, становится важным быть представленными большим числом и каковы последствия заполнения мужчинами и женщинами позиций политической власти в равной пропорции. В связи с этим одни исследователи полагают, что должен быть обеспечен принцип естественной справедливости: равноправный доступ женщин во властные сферы пропорционально их количеству в общей массе населения в законотворчестве и при принятии управленческих решений обеспечит отражение точек зрения всех общественных групп. Другие обращают внимание на то обстоятельство, что современные женщины способны занимать ответственные государственные и общественные посты в силу их высокого образовательного и профессионального уровня, который во многих странах, и в Беларуси в частности, даже опережает уровень мужчин. В такой ситуации не использовать в полном объеме их творческий потенциал означает существенную потерю для общества. Наконец, высказывается убеждение, что в силу отличия жизненного опыта женщины склонны больше внимания уделять таким вопросам, как защита окружающей среды, благосостояние и здоровье граждан, забота о детях. Следовательно, большее присутствие женщин в представительных органах будет стимулировать последние активнее принимать решения по этим вопросам в интересах общества.

Не вступая в дискуссию по поводу сильных и слабых сторон приведенных аргументов, отметим лишь, что интеграция в политическую жизнь недостаточно представленных в ней групп населения (в нашем случае женщин) требует специальных усилий как со стороны государства и неправительственного сектора, так и самих членов группы. В свою очередь, исторический опыт независимой Беларуси, неотъемлемо связанный с предшествующим периодом жизни БССР в составе СССР демонстрирует то, что интеграция в политическую жизнь недостаточно представленных в ней групп населения (в нашем случае женщин) требует специальных усилий как со стороны государства и неправительственного сектора, так и самих членов группы.

В системе управления СССР, а также БССР в качестве составной части советской федерации, фактическая власть принадлежала Коммунистической партии как руководящей силе общества и ее разветвленной территориальной и отраслевой партийной структуре. Заметную прослойку в числе рядовых членов партии, делегатов партийных съездов и конференций, низовых партийных комитетов составляли женщины, однако их почти не было там, где концентрировалась реальная власть – среди первых секретарей обкомов и горкомов и никогда – среди членов политбюро и секретарей ЦК КПСС (*Е.А. Фурцева* – редчайшее исключение). То же относится и к практике замещения секретариата ЦК КПБ.

От центрального и местного руководства партии зависело решение всех ключевых вопросов, в том числе и такого важного, как квоты представительства от различных групп населения и рекомендация конкретных кандидатур на выдвижение в состав депутатов. В то же время конституционно не КПСС и ее структу-

ры, а Советы народных депутатов, олицетворяли государственную власть, делегированную им народом. Высшим органом федеральной власти являлся избираемый на 4 года Верховный Совет СССР, а в союзной республике соответственно – Верховный Совет республики. Широкое участие женщин в работе Советов народных депутатов всех уровней являлось результатом государственного проекта пропорционального и сбалансированного представительства в них разных социальных групп (ведь, как провозглашала ст. 2 Конституции 1977 г., «Вся власть в СССР принадлежит народу») – рабочих, тружеников села, женщин. Для последних оно обеспечивалось путем негласного резервирования трети мест в Верховном Совете СССР и в Верховных Советах союзных республик, а также половины мест в местных советах. На практике, в условиях безальтернативных выборов, число женщин в советах оказывалось еще выше: по результатам выборов 1985 г. в Верховном Совете БССР они составляли 37%, в местных советах – 50%.

В силу декоративного характера самого института советского парламентаризма выдвижение на безальтернативной основе депутатов «из народа», в том числе женщин, в созывавшийся дважды в год на сессии продолжительностью всего в несколько дней главный представительный орган было своеобразным признанием профессиональных заслуг в одной из сфер трудовой деятельности – промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании, и не более того. Так была выдвинута и избрана депутатом Верховного Совета СССР 9-го созыва (1974–1979), а уже в нем стала заместителем Председателя Совета Союза заведующая молочно-товарной фермой одного из колхозов Новогрудского района *А.Л. Давидчик*. Естественно, и для нее, и для многих иных выходцев из гуши народа исполнение подобной ответственной работы не становилось стартовой площадкой для продолжения карьеры на высоких общественных или государственных должностях, на которых женщины крайне редко, но, все же, иногда появлялись.

В высших органах исполнительной власти БССР отдельные женщины занимали ответственные должности. Продолжительное время на посту заместителя Председателя Совета Министров БССР находились *Е.И. Уралова* (1950–1958), *Н.Л. Снежкова* (1970–1984) и *Н.Н. Мазай* (1985–1991). Министром просвещения БССР работала *Е.И. Уралова* (1938–1947), первым заместителем министра просвещения БССР – *А.И. Концевая* (1968–1982), заместителем министра социального обеспечения БССР – *У.Ф. Кришталевич* (1974–1984). Но эти примеры, скорее, являлись исключением из общего правила недопущения женщин в высшие эшелоны исполнительной власти: «стеклянный потолок», несмотря на то, что сам термин был придуман на Западе, для советских женщин тоже существовал. Для этого имелись как объективные, так и субъективные причины. С одной стороны, несмотря на общую тенденцию роста высокообразованных женщин (из 1000 женщин, занятых в народном хозяйстве Беларуси к 1985 г., 779 имели высшее и среднее образование по сравнению с 142 в 1939 г.; у мужчин эти цифры равны соответственно 748 и 78¹), двойная занятость женщин – на производстве и по обслуживанию семьи – не позволяла им серьезно концентрироваться на карьере. С

другой стороны, сказывалась устойчивость культурного стереотипа об управленческой работе как о преимущественно мужском занятии.

Тем временем выдвинутый в середине 1930-х гг. и повторяемый в течение десятков лет тезис о «решённости женского вопроса в СССР» и достигнутом равенстве женщин с мужчинами поддерживал общество в состоянии твердой уверенности в том, что дискриминация женщин в стране в принципе отсутствует. Действительно, уже первые законодательные акты Советской власти, официально провозгласившие равные избирательные, гражданские и социально-экономические права женщин и мужчин, представляли в совокупности долгосрочную юридическую базу отхода от консервативно-патриархатной государственной политики предшествующего периода и подрыва культурной системы, легитимировавшей неизменно неравное положение женщин. Конституция БССР 1927 г. объявляла о политическом равноправии всех добывающих средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, т.е. *работающих* женщин и мужчин, а также лиц, *занятых домашним хозяйством, обеспечивающих для первых возможность производительного труда*. Тем самым конституция, с одной стороны, не указывая прямо на женщин, фиксировала сложившееся в обществе и семье разделение труда по гендерному признаку, а, с другой, – признавала домашний обслуживающий труд в качестве критерия женской «полезности» для общества.

Равноправие полов вслед за новыми союзными конституциями 1936 и 1977 гг. закрепляли Конституции БССР 1937 и 1978 гг. Первая из них гарантировала: «Женщине в БССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов»². Конституция БССР 1978 года преемственно сохраняла принцип равноправия полов («Женщина и мужчина имеют в Белорусской ССР равные права»), но делала шаг вперед: концепт *«равенство»* в ней толкуется несколько шире – не только как равенство прав мужчин и женщин, но и как равенство *возможностей* их реализации: «Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами *возможностей* в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности». В то же время она продолжала разделять взгляд на *естественную природу* женщины – обеспечивать уход и обслуживание семей, в связи с чем она еще более расширяла привилегии женщинам, гарантировав им специальные меры «по охране труда и здоровья», создание условий, позволяющих «сочетать труд с материнством», правовую защиту, материальную и моральную поддержку «материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих мало-

летних детей»³. Таким образом, из конституционного дискурса полностью исключался концепт *отцовство*.

К моменту разработки Конституции уже независимой Беларуси международное сообщество окончательно стало понимать концепт «*равенство*» как равенство *возможностей* реализации прав мужчин и женщин⁴. Это было учтено ее разработчиками. Так, Конституция 1994 года гарантировала женщинам предоставление равных с мужчинами *возможностей* в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности⁵, тем самым отразив в своем тексте новое, современное видение концепта «*равенство*» полов. Более того, в отличие от советских конституций, полностью игнорировавших институт *отцовства*, впервые Конституция 1994 г. отказалась от редукции концепта *родительство* к *материнству*, поставив институт *отцовства* также под защиту государства («Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства»). На первый взгляд незначительный лингвистический «поворот», на практике обещает вылиться в важный социокультурный сдвиг. В условиях сохранения патронирующей роли государства женщина-мать в отдаленной перспективе более не только не рассматривается как обязательная (и вынужденная) клиентка социальных служб, но и правомочна делегировать часть обязанностей по уходу за детьми мужчине, что нашло отражение вслед за Конституцией в Трудовом кодексе (1999).

Но путь от формально-юридического к действительному равенству оказался значительно сложнее и драматичней. Поэтому вместе с распадом СССР и демонстрацией прежней политической системы, повлекшим отказ от идеи пропорционального представительства разных социальных групп, в том числе обязательного женского представительства в Советах, рухнул и декоративный фасад женского участия в управлении государством. Более того, оказалась скомпрометированной сама идея этого участия, а вместе с ней – и идея женской эмансипации, которую стали выдавать за составную часть даже не левой, а большевистской политической культуры, с наследием которой развернулась настоящая борьба. Компартия Беларуси (КПБ), патронировавшая советское женское движение, стремительно утрачивала влияние, в 1991 г. после провала путча ГКЧП ее деятельность и вовсе была приостановлена; после снятия в 1993 г. запрета она оставалась в тени новых политических партий разных идеологических направлений. Маловлиятельной была и образованная в 1991 г. Партия коммунистов Беларуси (ПКБ), к тому же перешедшая впоследствии в лагерь оппозиции. Все политические партии (в 1994 г. и 1999 г. их было 17)⁶, за исключением женской партии «Надзея», вопрос о представленности женщин в самих партийных структурах и продвижения их в парламент просто выбросили из практической повестки как «анахронизм» уходящей эпохи.

В новых обстоятельствах меры по поддержанию пропорционального представительства в органах представительной власти сошли на нет, а структуры, обеспечивавшие возможность совмещения женщинами материнской и профессиональной функций, – подорванными: закрывались детские сады, внешкольные учреждения, оказалась в кризисе система социальной помощи и социальной ра-

боты. Новые политические и социальные условия стали вызовом и для женщин, и для мужчин, но по отличающимся основаниям – абсолютное большинство мужчин и в прежние времена не сталкивалось с трудностями совмещения родительских и профессиональных функций. Что касается политического пространства, то изменившаяся обстановка и упразднение квот наглядно продемонстрировали, что женщины не являлись на нем «своими игроками». Их участие в представительных органах власти на всех уровнях – национальном, областном, городском, районном, сельском – резко снизилось. Уже в результате выборов 1990 г. доля женщин в Верховном Совете народных депутатов упала до 3,9%, в районных – до 23%. Результат выглядел особенно удручающим в силу того, что именно в этот год Комиссия ООН по статусу женщин признала 30-процентный рубеж представленности женщин в парламентах в качестве приемлемого минимума, начиная с которого они получают возможность влиять на политическую повестку и принимаемые решения. В Беларуси этому требованию удовлетворяла только доля женщин в сельских Советах, хотя и значительно снизившаяся по сравнению с еще недавним прошлым, но все еще составлявшая довольно внушительные 34%⁷.

В условиях строительства в Беларуси новой политической системы, трансформации парламента в представительный орган, работающий на постоянной основе, сохранение системы Советов народных депутатов на всех уровнях (областном, городском, районном и поселковом/сельском) достижение международно признанного рубежа становилось серьезной задачей.

Верховный Совет 12-го и 13-го созывов, Палата представителей Национального Собрания 1-го – 4-го созывов

В первое десятилетие существования независимой Беларуси законодательная власть в ней претерпела серьезное реформирование. До 1996 года она продолжала осуществляться однопалатным Верховным Советом, выборы в 12-й созыв которого состоялись в 1990 г. еще в условиях существования СССР. С трудом сформированный в 1995 г. из-за низкой явки избирателей Верховный совет 13-го созыва проработал неполный срок: он был распущен через несколько месяцев после начала работы. Конституционная реформа 1996 года трансформировала парламент страны. Он был переименован в Национальное собрание Республики Беларусь, состоящее из Палаты представителей и Совета Республики. В рамках рассматриваемого периода в Палату представителей состоялось четыре цикла выборов – в 1996, 2000, 2004 и 2008 гг. В ходе тех же избирательных циклов формировался и состав Совета Республики.

По итогам выборов 1990 и 1995 гг. законодательный орган страны приобрел исключительно мужской облик: 14 женщин⁸ против 350 и 9 женщин⁹ на фоне 190 мужчин составили соответственно лишь 3,9% и 4,5% среди депутатов однопалатного Верховного Совета 12-го (1990–1995) и 13-го (1995–1996) созывов.

Не изменили картину и первые парламентские выборы после конституционной реформы 1996 г. В Палату представителей Национального собрания 1-го созыва (1996–2000) было избрано всего 5 женщин-депутатов (4,5% от общего числа), растворившихся в мужской – 105 человек – депутатской массе. Все они

(*М.М. Винокурова, В.М. Самусева, Н.П. Телебук, Т.Н. Ходневич, М.Н. Худая*) уже имели опыт работы в парламенте, придя в Национальное собрание из депутатского корпуса последнего состава Верховного Совета. В новом парламенте три из них были задействованы в качестве заместителей председателей постоянных Комиссий, еще одна (*М.М. Винокурова*) была включена в состав постоянной Комиссии по международным делам и национальной безопасности. Делегирование 4 из 5 имевшихся в парламенте депутатов в состав постоянных Комиссий сглаживало бросающееся в глаза крайне малочисленное присутствие женщин в Палате представителей.

Представленность женщин в Комиссиях в относительном исчислении (то есть по формальному критерию) в сложившихся обстоятельствах может быть расценена как максимально благоприятная. Фактически же уровень женского участия в парламенте был недопустимо низким. Тем не менее, женщины были заметны в работе законодательного органа, чему способствовали их личные качества: это были опытные, занимавшие разные ступени государственного и партийного управления еще в СССР деятельницы – упрекнуть их в некомпетентности, в том, что «кухарка управляет государством», было нельзя. *М.Н. Худая*, утвержденная заместителем председателя комиссии по проблемам чернобыльской катастрофы, экологии и природопользованию, до избрания в Палату представителей работала первым секретарем Несвижского райкома КПБ, избиралась депутатом Верховного Совета БССР 8-го и 13-го созывов, была членом Президиума Верховного Совета БССР. *Т.Н. Ходневич*, ставшая заместителем комиссии по национальной безопасности, была полковником милиции, работала в органах МВД. *В.М. Самусева*, занявшая пост заместителя председателя комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу, в прошлом работала директором средней школы. *М.М. Винокурова* до избрания в парламент работала директором завода крупнопанельного домостроения в Бобруйске.

На выборах 2000 года из 63 женщин, зарегистрированных в качестве кандидатов, депутатский мандат получили 14 (12,6%) против 97 (87,4%) мужчин. Женщины, хотя и прибавили в представительстве, вновь получили абсолютное меньшинство мест. Тем не менее, итоги уже этих выборов обнаружили обнадеживающую особенность. По подсчетам автора, в своей гендерной группе мужчин-кандидатов попало в парламент 19,4% – даже чуть меньше, чем женщин – 20,6%¹⁰.

В депутатском корпусе Палаты представителей 2-го созыва предшествующий опыт законодательной работы имели только три женщины. *О.М. Абрамова* являлась депутатом Верховного Совета 13-го созыва, но в большую политику вошла еще в конце 1980-х гг. как представительница «русскоязычной» оппозиции, возглавляла Движение демократических реформ Беларуси, Белорусское объединение «Яблоко». Наиболее опытными в новом составе парламента были *М.М. Винокурова* и *М.Н. Худая*, отработавшие до этого в Верховном Совете 13-го созыва и Палате представителей 1-го созыва. Женщины были широко представлены в руководящем составе Палаты представителей. В число 22 членов ее Совета вошли *С.В. Гиль, З.В. Пенькова, Н.А. Ткачук*. Все избранные женщины-депутаты были задействованы в работе Постоянных комиссий, в основном в ка-

честве рядовых членов¹¹. Пропорционально увеличив свое участие в руководстве комиссий, женщины не поднялись выше должности заместителя председателя: *Н.П. Авдеева* – в комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу, *З.П. Пенькова* – в комиссии по международным делам и связям с СНГ, *А.Н. Бурова* – в комиссии по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации, *Т.Г. Голубева* – в комиссии по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации. Наметилась и тенденция к стабилизации женских (собственно, это было типично и для мужчин-парламентариев) парламентских руководящих кадров. *М.Н. Худая*, вторично получив легислатуру, сохранила свое прежнее место в комиссии по проблемам чернобыльской катастрофы, экологии и природопользования. По-прежнему ни одной женщины не было в числе председателей постоянных комиссий.

Итоги выборов в Верховный Совет 12-го и 13-го созывов, а затем и в Палату представителей Национального собрания 1-го и 2-го созывов давали все основания сделать вывод о том, что в 1990-х годах на электоральном поле женщины абсолютно проиграли мужчинам. И этот вывод не на много смягчал факт, что к 2000 г. в мире женщины в среднем составляли только 14% от состава национальных парламентов¹² – собственно примерно столько же женщин (12,6%) выиграло выборы в Палату представителей в этом году. Избирательные кампании показали, что в отсутствие государственной политической воли и специальных требований со стороны избирательного законодательства ни политические партии, ни сами женщины не были готовы к активному выдвижению себя в качестве кандидатов, а население – за них голосовать. В условиях трансформации всей политической системы женщины не смогли оперативно отреагировать на вызовы новой общественно-политической ситуации, артикулировать свои программы и доказать профессиональную политическую компетентность. Помимо этого даже наличие юридически зафиксированных политических прав не исключало в электоральной политике дискриминацию в отношении женщин. Многие, и не только мужчины, полагали, что женщина не может позволить себе заниматься серьезной государственной и общественной работой: стереотип о том, что политика не женское дело, имел достаточно широкое распространение в обществе. Правда, открыто дискриминировать кандидатов на депутатский мандат мало кто решался. Зато значительно более распространена в отношении них была скрытая дискриминация.

Однако 1990-е годы не были потерянными для женщин в отношении утверждения их на обновленном политическом поле и продвижения в политику. В первое постсоветское десятилетие было образовано несколько десятков женских организаций. Их лидерами во многих случаях выступили чрезвычайно активные в прошлой политической системе члены Компартии и комсомола, подготовленные к общественной деятельности и организаторской работе среди населения всей своей предшествовавшей работой. Наиболее крупной и влиятельной стал имевший сильную централизованную структуру и широкую сеть региональных отделений «Белорусский Союз женщин», ставший в 1991 г. преемником «Белорусского комитета советских женщин» времен СССР. Его основательницей и первым председателем вплоть до трагического ухода в 1999 г. из жизни была

Т.Н. Дудко, после чего пост председателя заняла *Н.А. Ермакова*. В числе первых начали действовать «Женское христианско-демократическое движение» (1993), «Международный женский фонд Святой Евфросиньи Полоцкой» (1995), «Белорусская ассоциация молодых христианских женщин» (1996), «Белорусская организация трудящихся женщин» (1996), «Ульяна» в Витебске, «Рагнеда» в Солигорске и другие. Создание общественных и политических организаций было поставлено в правовое русло принятыми в 1994 г. законами «Об общественных объединениях»¹³ и «О политических партиях»¹⁴. К началу 2000-х годов в республике была зарегистрирована 81 женская организация; правда, по состоянию на 1 января 2009 г. их общее число уменьшилось до 33¹⁵.

Большинство женских организаций не заявляли публично о своей политической позиции, их собственная система идей, из которой формируется идеология, определяются цели, видение будущего на конкретном этапе, была (да и остается) не до конца проясненной. Идейной основой их общественной активности являлась убежденность в том, что в стране было формальное, а не фактическое равенство полов, критическое отношение к государственной социальной политике, а содержанием деятельности стала защита женских интересов, сумма которых в новых условиях не была до конца сформулирована, но в качестве центральных выступали тезисы о «естественном предназначении» и «двойной занятости» женщин. Первый этап становления женского движения Беларуси во многом носил социально-благотворительный характер: женские организации ретранслировали экономические и социальные требования женщин, добивались оказания им конкретной помощи в кризисных ситуациях. В то же время их деятельность подталкивала женщин к необходимости занять более активную жизненную позицию, и в этом смысле она выполнила функцию катализатора женской общественной активности.

Поэтому при всей кажущейся незначительности достижений женского движения первого постсоветского десятилетия оно сыграло некоторую позитивную роль. Более того, в нем выделялись и стали играть более заметную роль организации, которые не только поддержали традицию официального женского движения советского времени, но и сделали существенный шаг вперед, сумев превратиться в реальный феномен общественной жизни. Деятельность «Белорусского союза женщин» и некоторых других организаций стала выходить за рамки социально-благотворительной работы, а таких объединений, как «Белорусская женская лига» (1998), «Женское независимое демократическое движение» (до 1999 г. «Женское христианско-демократическое движение») все больше начала концентрироваться на вопросах мобилизации и политического обучения женщин, воспитания у них интереса к политической деятельности, осознания себя важной составной частью электората страны. Появилась даже женская политическая партия – «Надзея» (1994–2007), созданная *В.Т. Полевиковой* на базе актива входивших в Федерацию профсоюзов Беларуси «женских» профсоюзов, прежде всего, легкой промышленности. Сама Полевикова в Федерации профсоюзов работала с 1992 г. сначала заместителем заведующего орготделом, затем секретарем Исполкома Совета ФПБ и руководителем информационно-аналитического центра, была председателем комиссии по вопросам работы с женщинами Совета Всеобщей

Конфедерации Труда¹⁶. «Надзея», помимо требований построения демократического, социального и правового государства, улучшения условий жизни, раскрытия творческого потенциала женщин, выдвигала в качестве программной задачу вовлечения их в политику. Партия приобрела даже некоторую популярность и узнаваемость. В 1999 г. рейтинг партии был максимальным и доходил до 8,4%¹⁷. По опросу социологов, проведенному в 2002 г., на выборах в местные советы 6% респондентов-минчан были готовы отдать свои голоса представителям «Надзеі», т.е. больше чем другим партиям, у которых потенциальные возможности получения голосов избирателей составляли от 1% до 4%¹⁸. На местных выборах 2006 г. за партию, по оценкам социологов, были готовы голосовать 7,2% избирателей¹⁹.

Благодаря развитию третьего сектора женщины, обладающие лидерским потенциалом, смогли более активно заявить о своих правах на реальное участие в политической жизни, получили возможность пройти школу политической социализации в различных организациях и не обязательно в женских: последние в массе общественных объединений разной направленности составляли всего 1,07%²⁰. В множестве разнообразных неправительственных организаций женщины составили основу рядовых членов, а многие из них возглавили. Среди лидеров общественных объединений в среднем по стране они составили 23%, из них 20,87% – в столице, 25,82% – в областных и 24,85% – в районных городах. В организациях же, фокусировавшихся на защите прав потребителей, проблемах инвалидов, чернобыльских, по интересам, социальной защиты, доля женщин-руководителей варьировалась от 30 до 40%²¹. Все это, а также устойчивое расширение участия женщин на руководящих должностях в системе управления позволило не только сохранить, но и открыть новые перспективы для женского лидерства как феномена политики. С другой стороны, стереотип «в политике женщинам нет места» стал вытесняться более позитивным отношением к женщинам-кандидатам, а само население стало лояльнее относиться к выдвижению женщин в выборные органы власти. Одновременно начал пропагандироваться зарубежный опыт, свидетельствовавший об успешности и полезности для общества участия женщин наравне с мужчинами в законодательном процессе. Все это даст о себе знать в перспективе на выборах 2004 и 2008 гг. в Палату представителей Национального собрания 3-го и 4-го созывов.

И, что очень важно, начиная с парламентской избирательной кампании 2004 г., повышению роли женщин в электоральном процессе способствовал новый фактор – административный ресурс, который сыграл особую и, пожалуй, решающую роль. Власть в лице Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, переизбранного в 2001 г. на пост Главы государства, можно сказать, работала на опережение, она перехватила инициативу у третьего сектора, подняв вопрос о необходимости расширения участия женщин в представительных органах. Дважды накануне выборов 2004 г. Президент заявил о необходимости расширять женское представительство в Парламенте: «... Должны быть здесь представлены и ветераны, и молодежь, и особенно женщины. Женщин в Парламенте не должно быть меньше 30–40 процентов. <...> я буду всячески поддерживать тенденцию на большее присутствие в Парламенте женской части нашего общества. Попрошу и органы власти на местах поддерживать эти процессы»²². «Будущий Парламент

должен быть высокопрофессиональным и всесторонне сбалансированным. Достойное место в нем должны занять женщины, молодежь, ветераны, ведь они лучше всех знают проблемы тех слоев населения, которые они представляют»²³.

Накануне президентских выборов 2006 г. А.Г. Лукашенко сделал новое важное заявление – о необходимости создания условий для совмещения женщинами родительских функций и участия в управлении: «Сегодня женщины, как я уже сказал, играют очень большую роль в обществе. И надо создавать все условия, чтобы женщина и при наличии детей могла активно и плодотворно работать, участвовать в общественной жизни и в управлении государством»²⁴. Фактически А.Г. Лукашенко занял открыто патронирующую позицию в вопросе выдвижения женщин в органы представительной власти, тем самым, сделав задолго до очередных парламентских выборов, которые должны были состояться в 2008 г., недвусмысленный посыл и самим женщинам как основной составной части электората в стране, особенно в его старших возрастных группах, быть более активными в избирательном процессе.

Пожелание о будущем кадровом составе белорусского парламента, естественно, было адресовано непосредственно в регионы, тем, кто на местах должен был содействовать процессу выборов. В государстве с сильной президентской властью позиция лидера в отношении актуальных вопросов играет особую роль. За президентской риторикой внимательно следят руководители и администраторы на местах. Поэтому и в вопросе соблюдения гендерного баланса в парламенте позиция Главы государства, естественно, была «взята на заметку». В то же время отмеченный важный фактор – фактическое одобрение властными структурами принципа *позитивной дискриминации* в качестве механизма увеличения представительства какой-либо социальной группы – не был чем-то новым. Выше отмечалось, что еще в Советском Союзе привлечение женщин к работе в органах представительной власти всех уровней обеспечивалось с помощью резервирования мест для женщин. Международное сообщество также признало целесообразность инкорпорирования женского опыта в политическую жизнь методами *позитивной дискриминации*. Ее применение допускает Конвенция ООН 1979 г. «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»²⁵. Принцип *позитивной дискриминации* в отношении комплектования законодательных органов стал использоваться во все большем количестве стран: *гендерные нормы* вводятся конституционным требованием, избирательным законодательством, законодательством о партиях, специальными законами о равном статусе, внутренними регуляциями политических партий. Некоторые страны фактически узаконили специальные квоты с целью обеспечить присутствие женщин в своих законодательных органах. Например, из 59 стран, где в 2011 г. были проведены выборы в нижнюю палату или в однопалатный парламент, в 26 были приняты специальные меры в интересах женщин, а в 17 использовались избирательные квоты²⁶. Таким образом, политика применения электоральных и партийных норм для обеспечения более справедливого баланса в национальных парламентах становилась общим мировым правилом. Этот важный мировой тренд не мог не быть замеченным политтехнологами в Беларуси, хотя ни Избирательный кодекс, ни закон «О политических партиях» по прежнему не предусматривали требований в отноше-

нии соблюдения норм гендерного равенства, а сами партии оставались в целом равнодушными к этой идее²⁷.

Столь же важными представляются изменения в настроениях избирателей. Высокая образованность, компетентность, профессионализм женщин, их осведомленность в важных вопросах развития общества, поощрительное отношение властей, наступательная позиция женских организаций, проводивших агитацию среди населения по поддержке кандидатур женщин, поддержка со стороны средств массовой информации сыграли немаловажную роль в произошедших на протяжении 2000-х годов переменах в электоральных предпочтениях граждан. В сознании людей стало укрепляться представление о том, что избрание большего числа женщин на ответственные посты приводит к изменениям в самом подходе к формированию политической культуры и политических приоритетов общества в целом. Население в своей массе начало более позитивно относиться к возможности избрания женщин. Уже в ходе предвыборной кампании 2004 г. выступления женщин в массовых аудиториях воспринимались, как отмечала ставшая депутатом *Л.В. Кашенкова*, «более лояльно, дружелюбно, чем выступления мужчин-кандидатов»: «через женщину-кандидата в депутаты избиратели хотели передать проблемы, волнующие женщину-мать, женщину-семьянина, женщину-профессионала; избиратели несколько устали от мужчин-политиков»²⁸.

В силу указанных факторов особенностью кампаний по выборам в Палату представителей стало увеличение пропорции женщин в числе кандидатов в депутаты. На выборах 2000 г. были зарегистрированы 564 кандидата, из них 64 (11,2%) женщины²⁹. В 2004 г. из 327 кандидатов была 61 (18,7%) женщина³⁵. В 2008 г. соответственно 243 и 54 (22,2%)³¹. С каждой кампанией выборы для женщин становились все более успешными. Если на выборах 2000 г. отсеялись 78,2% кандидаток, то в 2004 и 2008 гг. в парламент не прошли только 39,2% и 35,2% претендентов на место в парламенте. Другими словами, шансы на победу у женщин, решившихся участвовать в выборах, были вполне благоприятны. Улучшилось не только процентное соотношение женщин-претендентов, но и показатель выигранных ими выборов. Если, как уже отмечалось, в Палату представителей 1-го созыва избрали 5 (4,5%) женщин, то в 2000 г. из 111 депутатских мест женщины получили 14 (12,6%), в 2004 г. из 110 мест – 31 (28,0%)³², в 2008 г. из 110 мандатов женщинам достались 35 (31,8%)³³. Детальная картина, характеризующая соотношение гендерных групп среди кандидатов и получивших мандат в Палату представителей Национального собрания, представлена в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Мужчины и женщины в избирательных кампаниях в Палату представителей Национального собрания 2–5-го созывов

Год выборов	Всего кандидатов	Мужчины		Женщины		Получили мандат депутата					
		Всего	%	Всего	%	Мужчин			Женщин		
						Всего	% от числа всех канд-в	% в своей гендерной группе	Всего	% от числа сл-всех канд-в	% в своей гендерной группе
2000	564	501	88,8	63	11,2	97	17,2	19,4	14	2,5	20,6
2004	327	266	81,3	61	18,7	79	24,2	29,7	31	9,5	59,8
2008	243	189	77,8	54	22,2	75	30,9	39,7	35	14,4	64,8
2012	293	235	80,2	58	19,8	80	27,3	34	29	9,9	58,6

Таблица 2. Состав депутатов Верховного Совета (1990–1996) и Палаты представителей Национального собрания РБ (1996–2012)

Созыв	Всего депутатов	Мужчины		Женщины		Руководители палат и комиссий*				
		Всего	%	Всего	%	Всего	Мужчин		Женщин	
							Всего	%	Всего	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1990–1995	359	345	96,1	14	3,9	–	–	–	–	–
1995–1996	199	190	95,5	9	4,5	–	–	–	–	–
1996–2000	110	105	95,5	5	4,5	45	42	93,3	3	6,7
2000–2004	111	97	87,4	14	12,6	46	41	89,1	5	10,9

2004–2008	110	79	72,0	31	28,0	61	43	70,5	18	29,5
2008–2012	110	75	68,2	35	31,8	64	46	71,9	18	28,1

* В графу «Руководители палат и комиссий: включены: Председатель Палаты представителей, заместители Председателя Палаты представителей, председатели и заместители председателей постоянных комиссий».

Как следует из приведенных данных, уже в 3-м созыве парламента число женщин-депутатов увеличилось более чем вдвое в сравнении с предшествующим, а в 4-м – впервые за годы суверенитета белорусского государства превысило 30%-ую планку. Именно этот показатель вслед за ООН Межпарламентский союз тоже признал в качестве порогового, начиная с которого женщины в депутатском корпусе получают возможность влиять на политические решения. Таким образом, по итогам выборов 2008 г. Беларусь вошла в группу стран-лидеров (их было 20 в 2008 г. и 25 – в 2011 г.) по представленности женщин в национальных парламентах, в то время как в мире в эти годы женщины занимали соответственно в среднем всего 18% и 19,3% депутатских мест³⁴.

Что касается персонального состава женщин-депутатов Палаты представителей 3-го созыва, то его характеризуют следующие данные. 8 избранных депутатов (*О.М. Абрамова, Н.П. Авдеева, А.Н. Бурова, С.В. Гиль, Т.Г. Голубева, В.И. Качан, Г.А. Мазуркевич, М.Н. Худая*) пришли из ее предыдущего состава. Парламентарии «долгожители» *О.М. Абрамова* и *М.Н. Худая*, получили легислатуру в 3-й и 4-й раз соответственно; в этом созыве парламентскую деятельность они и завершили. За редким исключением все женщины-депутаты прошли школу управленческой работы еще в БССР, в 3-м созыве было немало тех, кто имел за плечами опыт комсомольской и партийной работы, в структурах «Белорусского союза женщин» и «Белорусского республиканского союза молодежи». Например, *Л.В. Кащенкова* долгое время занималась идеологической и организаторской работой, будучи в разное время первым секретарем Волковысского горкома комсомола, завотделом пропаганды и агитации Волковысского горкома, инструктором Гродненского обкома и секретарем Гродненского райкома КПБ, председателем районной организации «Белорусского союза женщин», членом ее правления. *Н.П. Авдеева* в свое время являлась секретарем комитета комсомола Могилевского педучилища, вторым секретарем Центрального райкома ЛКСМБ и инструктором отдела пропаганды и агитации райкома КПБ в Могилеве. *Л.Ф. Кузнецова* занимала должность инструктора идеологического отдела Гомельского райкома КПБ. *Г.Н. Юргелевич* работала инструктором отдела пропаганды и агитации Заводского райкома КПБ г. Минска. *З.К. Крот* работала вторым и первым секретарем Миорского райкома комсомола, вторым и первым секретарем Витебского обкома комсомола. *Г.А. Мазуркевич* работала инструктором отдела пропаганды и агитации Ленинского райкома КПБ Минска. *Р.А. Тиханская* была инструктором райкома комсомола, заместителем секретаря комитета комсомола Гомельского радиозавода, инструктором орготдела в райкоме КПБ в Гомеле. *Е.В. Скрипко* являлась первым секретарем Кличевского райкома и Минского обкома «Белорус-

ского патриотического союза молодежи»³⁵, реорганизованного затем в «Белорусский республиканский союз молодежи». Успешно пройти избирательные кампании этим женщинам позволил в том числе административный опыт и наработанные в предшествующий период связи.

В руководстве Палаты представителей 3-го созыва женщины были представлены соответственно их удельному весу в составе депутатского корпуса. Сам этот факт свидетельствует о подвижках в оценке роли и возможностей женщин как профессионалов. В Совете Палаты они заняли 6 мест из 22, в 11 постоянных комиссиях являлись заместителями председателей. Ими были *Г.А. Мазуркевич, Н.А. Каберник, В.Ф. Янукович, Н.Ф. Федорук, И.И. Бариева, Т.С. Осмоловская, Е.В. Скрипко, М.Н. Худая, И.А. Алексанова, З.К. Крот, Н.А. Каберник, Т.Н. Сафроненко*. Особенно широко женщины были представлены в руководстве комиссии по образованию, культуре, науке и научно-техническому прогрессу (из 4 заместителей председателя 3 женщины: *Н.П. Авдеева, Л.Ф. Кузнецова, Г.Н. Юргелевич*). Точно так же в комиссии по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации все 3 поста заместителя председателя заняли женщины: *А.Н. Бурова, Т.Г. Голубева, Г.В. Полянская*³⁶. Но преувеличивать этот кадровый прогресс вряд ли стоит. Женщин не было в числе председателей ни одной из 14 постоянных комиссий и даже в числе заместителей председателя 3 постоянных комиссий: по национальной безопасности; по аграрным вопросам; по законодательству и судебно-правовым вопросам.

В Палате представителей 4-го созыва статус женщин повысился. 9 депутатов (*Л.Г. Вершалович, Т.Г. Голубева, В.И. Ковалева, Л.Ф. Кузнецова, Т.Г. Осмоловская, Г.В. Полянская, Р.А. Тиханская, Н.Ф. Федорук, Г.Н. Юргелевич*) имели опыт работы в парламенте предшествующего созыва. Авторитетным парламентским деятелем проявила себя избранная в третий раз *Т.Г. Голубева*. За ее плечами была работа в должности замминистра – сначала промышленности строительных материалов (1991–1994), а затем – архитектуры и строительства (1994–2001), избрание Первым секретарем ЦК КПБ (2005–2012)³⁷. Впервые две женщины возглавили Постоянные комиссии, что стало следствием как возрастания их количества сравнительно с предшествовавшими составами депутатов, так и адекватной оценки их профессионализма. Председатель комиссии по труду, социальной защите, делам ветеранов и инвалидов *А.Н. Лаврукевич* окончила два вуза и Академию управления при Президенте РБ, прошла путь от инженера-химика до директора Солигорского молзавода, гендиректора Минского ПО «Мясо-молоко», председателя Солигорского горисполкома, гендиректора Государственного объединения «Белбыт». Вторая из двух женщин-председателей Постоянных комиссий *Г.В. Полянская* имела ученую степень кандидата архитектуры и звание доцента, работала деканом архитектурного факультета БНТУ, являлась депутатом Палаты представителей Национального собрания 3-го созыва, была заместителем председателя Постоянной комиссии по жилищной политике, строительству, торговле и приватизации, а в Палате представителей 4-го созыва закономерно стала председателем такой же комиссии. Только в двух постоянных комиссиях (по национальной безопасности и по аграрным вопросам) женщины отсутствовали среди заместителей председателей.

Биографические данные женщин-депутатов свидетельствуют о том, что случайных, декоративных фигур среди них не было. Все 34 женщины с депутатскими мандатами окончили университеты и институты, 14 из них получили два высших образования, в том числе 9 – дипломы Академии управления при Президенте Республики Беларусь. По предшествовавшей работе женщины-депутаты представляли промышленное производство, здравоохранение, народное образование, культуру, сферу управления, имели большой жизненный и производственный опыт³⁸.

Обобщая, можно сказать, что увеличению числа женщин-депутатов сопутствовало более активное продвижение их на руководящие посты в Палате представителей и, что не менее важно, – признание их профессиональных достоинств. Уже упоминавшиеся А.Н. Лаврукович и Г.В. Полянская впервые в белорусской парламентской истории стали председателями постоянных парламентских комиссий. В 1-м – 4-м созывах Палаты представителей ранг заместителя председателя постоянной комиссии имела 31 женщина. Компетентность и навыки эффективной деятельности позволили *Т.Г. Голубевой* и *М.Н. Худой* на протяжении трех, а *Н.П. Авдеевой*, *А.Н. Буровой*, *Л.Ф. Кузнецовой*, *Т.С. Осмоловской*, *Н.Ф. Федорук*, *Г.Н. Юргелевич* в течение двух созывов выполнять эти обязанности. Полная картина женского участия в Верховном Совете и Палате представителей Национального собрания на протяжении 1990–2012 гг. обобщена в Таблице 2.

Совет Республики Национального собрания

В Совете Республики Национального собрания ситуация изначально была благоприятна для женщин. В каждом из первых трех его созывов присутствовало по 18 женщин, а в четвертом – 19. Их удельный вес составлял от 28,6% в созыве 1996–2000 гг. до 33,3% в созыве 2008–2012 гг. (см. табл. 3). Различие в гендерной структуре палат парламента явилось результатом принципиально иной процедуры формирования верхней палаты, когда ее депутаты избираются областными и Минским городским советами (по 8 человек от каждого) и дополняются 8-ю депутатами, назначаемыми непосредственно Президентом Республики Беларусь. Его же благожелательное отношение к участию женщин во властных структурах общеизвестно – выше приводились высказывания на этот счет. При формировании состава Совета республики, уже начиная с первого его созыва, фактически произошел негласный возврат к квотированию женского представительства.

Таблица 3. Состав депутатов Совета Республики Национального собрания РБ (1996–2012 гг.)

Со- зв ыв	Всего депу- татов	Мужчины		Женщины		Руководители палат и комиссий*				
		Все- го	%	Все- го	%	Все- го	Мужчин		Женщин	
							Все- го	%	Все- го	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1996 – 2000	63	44	69,8	19	30,2	15	10	66,7	5	33,3
2000 – 2004	61	42	68,8	19	31,2	17	12	70,6	5	29,4
2004 – 2008	58	40	69,0	18	31,0	20	11	55,0	9	45,0
2008 – 2012	58	39	67,2	19	32,8	18	12	66,7	6	33,3

*В графу «Руководители палат и комиссий» включены: Председатель и заместитель Председателя Совета Республики, председатели и заместители председателей постоянных комиссий.

Женщины заняли не только количественно большее, но и более влиятельное по общественно-политической роли положение в руководящих структурах Совета Республики. Это стало следствием выдвижения на ответственные посты деятелей, хорошо известных парламентскому корпусу, управленческим структурам и общественности. В 1-ом созыве Совета Республики (1996–2000) на пост заместителя Председателя палаты выдвинули Председателя Белорусского союза женщин, директора открытого акционерного общества «Оливария» *Т.Н. Дудко*. Комиссию по социальным вопросам возглавила Министр здравоохранения *И.М. Дробышевская*. При выдвижении кандидатур на должности председателей и заместителей председателей комиссий Совета Республики последующих 2-го (2000–2004), 3-го (2004–2008) и 4-го (2008–2012) созывов по-прежнему доминировал принцип компетентности, ответственности и результативности в служебной деятельности. Комиссии возглавляли имевшие опыт государственной работы

Л.А. Постоялко и А.П. Морова, до избрания в Совет Республики работавшие министрами, а также *Н.Н. Мазай*, еще в советское время занимавшая пост заместителя Председателя Совета Министров БССР, а в Республике Беларусь ставшая первой женщиной в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла и в разные годы представлявшая республику во Франции, Канаде и ЮНЕСКО. В числе других руководителей комиссий были Заслуженный юрист Республики Беларусь, председатель Республиканской коллегии адвокатов *Н.И. Андрейчик*; председатель Совета по развитию предпринимательства в Республике Беларусь, кандидат экономических наук *Т.П. Быкова*; председатель правления АСБ «Беларусбанк», председатель общественного объединения «Белорусский союз женщин» *Н.А. Ермакова*; Заслуженный работник образования Республики Беларусь, ректор Белорусского государственного университета культуры, доктор педагогических наук, профессор *Я.Д. Григорович*; главный врач Минской городской гинекологической больницы *Н.К. Кубасова*. Квалифицированными парламентариями показали себя заместители председателей комиссий *А.А. Анет, Т.А. Доморацкая, В.И. Садовская, В.И. Миронова, Т.И. Пригожая, А.В. Ралькевич, Т.В. Филиппович, С.А. Окружная, Н.В. Блахина, М.А. Жорова, Л.Ф. Мороз, Л.К. Соколовская*.

Местные Советы депутатов 21-го – 26-го созывов

Как было отмечено выше, в конце 1980-х – начале 1990-х годов резко снизилось участие женщин в представительных органах власти на всех уровнях, в том числе, областном, городском, районном, сельском. По итогам выборов в местные Советы 21-го созыва (1990–1994) доля женщин в сравнении с предшествовавшим созывом 1985 г. в сельских Советах снизилась с 50% до 34%, в районных сократилась с 49% до 23%, а, например, в Гомельском областном Совете народных депутатов упала с 48% до 11%³⁹. Относительно низкие показатели представленности женщин в местных, особенно областных, Советах сохранялись вплоть до выборов 1999 г., в результате которых доля женщин в Советах 23-го созыва (1999–2002) в среднем составила 36,7%⁴⁰.

Новая тенденция в политике выдвижения женщин в органы представительной власти, наметившаяся с начала 2000-х годов, отразилась и на избирательных кампаниях в местные Советы, что демонстрируют обобщенные данные о составе депутатов местных Советов 24-го (2003–2007), 25-го (2007–2010) и 26-го (2011–2015) созывов. В составе депутатов местных Советов этих созывов женщин было соответственно 44,4%, 45,7% и 45,5%⁴¹. Представительство женщин в местных Советах значительно выше, чем в Национальном собрании (31,8% в Палате представителей и 32,8% в Совете Республики созыва 2008–2012 гг.). Данные о составе депутатов местных Советов представлены в Таблице 4. В них заслуживают внимания не только сведения о достаточно высоком удельный вес участвовавших в советах женщин, но и положительная динамика этого участия на фоне предшествующего периода 1990-х годов.

Таблица 4. Состав депутатов местных Советов на примере 24-го и 26-го созывов

Советы де-путатов	Количество советов	Избрано де-путатов	В том числе женщин	
			всего	%
24-й созыв (2003–2007 гг.)				
Минский го-родской совет	1	54	14	25,9
Областные Советы	6	344	85	24,7
Районные Советы	117	4112	1213	29,5
Советы горо-дов областно-го подчине-ния	20	607	165	27,2
Советы горо-дов районно-го подчине-ния	11	183	75	41,0
Поселковые Советы	77	977	400	40,9
Сельские Со-веты	1440	17192	8470	49,3
Всего	1672	23469	10422	44,4
26-й созыв (2011–2015 гг.)				
Минский го-родской совет	1	57	15	26,3
Областные Советы	6	358	62	17,3
Районные Советы	118	4108	1206	29,4
Советы горо-дов областно-го подчине-ния	12	427	113	26,5
Советы горо-дов районно-го подчине-ния	14	256	98	38,3
Поселковые Советы	56	753	313	41,6

Сельские Со- веты	1288	15329	7888	51,5
Всего	1495	21298	9695	45,5

В процессе выравнивания позиций женщин относительно рубежей, уже достигнутых мужчинами, отчетливо прослеживается закономерность: чем выше уровень совета, тем меньше в них женщин. В составе депутатов 24-го и 26-го созывах женщин было: в Минском городском Совете соответственно 25,9 и 26,3%; в областных Советах – 24,7% и 17,3%; в городских Советах городов областного подчинения – 27,2% и 26,5%. Лишь районный уровень характеризуется более высокими показателями: в районных Советах – 29,5% и 29,4%; в Советах городов районного подчинения – 41,0% и 38,3%. И, наконец, наиболее широко женщины представлены в поселковых (40,9% и 41,6%) и сельских Советах (49,3% и 51,5%). Именно женское представительство в поселковых и сельских Советах в своей совокупности позволяет создать благоприятную для статистики картину женского участия в выборных органах. В Советы 24-го созыва избрали 10422 женщины, 8870 (85,1%) из них – в поселковые и сельские Советы. Та же картина на выборах в Советы 26-го созыва: избрали 9695 женщин, из них 8201 (84,6%) – в поселковые и сельские Советы.

Несомненно, работа в поселковых и сельских Советах почетна и ответственна: именно эти органы представительной власти наиболее близки к населению. Но они не располагают собственными финансовыми ресурсами, получают дотации из районного бюджета и ограничены в своих возможностях. Последнее обстоятельство стало причиной регулярного инициирования вопроса о реорганизации сельских и поселковых Советов. Верховный Совет Республики Беларусь 12-го созыва в 1994 г. принял решение даже об их упразднении, но Конституционный суд признал это решение неконституционным, и сельские Советы были сохранены. В настоящее время вновь обсуждаются возможные пути реорганизации управления на местном уровне, замены Сельских советов сельской администрацией. Если бы это произошло, ликвидация выборных сельских Советов резко сократила бы общий высокий уровень участия женщин в представительных органах власти.

Подводя итоги, следует отметить несколько моментов. На протяжении рассматриваемого периода в отношении динамики женского участия в органах представительной власти Беларуси всех уровней выделяется два этапа: 1991–2000 гг. и 2001–2012 гг. Первый из них характеризуется резким снижением представленности женщин в советах всех уровней на фоне предшествующего периода советской власти (до 3,9% и 4,5 % в парламенте, 34% – в сельских, 23% – в районных Советах). Второй этап отмечен переломом неблагоприятной тенденции и последовательным ростом женского представительства в советах (до 32,8% в парламенте, 51,5% – в сельских, 29,4% – в районных Советах), что явилось результатом целой совокупности факторов. К ним относятся следующие: во-первых, разработка и приведение законодательной базы в соответствие к международным стандартам; во-вторых, наличие политической воли у государственной власти, о чем свидетельствует публично высказанная позиция Президента страны и утверждение Советом Министров республики четырех Национальных планов

по обеспечению гендерного равенства (1996–2000, 2001–2005, 2008–2010, 2011–2015 гг.); в-третьих, высокий уровень социально-экономического развития государства и человеческого капитала; в-четвертых, усиление влияния эгалитарной идеологии, размывание традиционных стереотипов и представлений у населения. Наличие этих элементов в перспективе, как представляется, гарантирует закрепление гендерного баланса внутри общественно-политических структур Беларуси.



Примечания

- ¹ Штрихи к портрету белоруски. Минск, 1985. С. 23.
- ² Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск, 1937.
- ³ Конституция (Основной закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск, 1978.
- ⁴ Странами-участницами ООН были приняты важнейшие конвенции «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» 1979 г. – своеобразный билль о правах женщин, и «О равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин: работники с семейными обязанностями» 1981 г.
- ⁵ Конституция (Основной закон) Республики Беларусь 1994 года. Минск, 2004.
- ⁶ Наумова С. Политические партии в Республике Беларусь: динамика развития // Адкрытае грамадства. 2000. № 2 (8). С. 8-12.
- ⁷ Национальный доклад о положении женщин в Республике Беларусь (К IV Всемирной конференции по положению женщин). Минск, 1995. С. 19.
- ⁸ Т.М. Анисенко, А.И. Боборыкина, О.Н. Голубович, И.Н. Дробышевская, Н.Я. Извалова, У.Ф. Кришталевиц, З.В. Крупник, З.В. Пенькова, Р.Н. Самусевич, Г.Г. Семдянова, Н.И. Солдатова, Л.Д. Улитина, Е.Н. Устинович, В.А. Ястреб.
- ⁹ О.М. Абрамова, М.М. Винокурова, Л.Н. Грязнова, Т.А. Манукова, В.М. Самусева, Е.Н. Скриган, Н.П. Телебук, Т.Н. Ходневич, М.Н. Худая. О.М. Абрамова – секретарь Постоянной комиссии по международным делам. Л.Н. Грязнова – заместитель председателя Постоянной комиссии по бюджету, налогам, банкам и финансам.
- ¹⁰ Список кандидатов в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва (по избирательным округам) [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Режим доступа]: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PPNS2-Spis2.pdf>
- ¹¹ Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, 1996–2006. Минск, 2006. С. 22-27; Парламент – Нацыянальны сход Рэспублікі Беларусь другога склікання. С. 244-250.
- ¹² Цели развития тысячелетия: доклад за 2012 год. Нью-Йорк: ООН, 2012. С. 24 [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций [Режим доступа]: http://www.un.org/ru/publications/pdfs/mdg_report%202012.pdf
- ¹³ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1994. № 29. Ст. 504.
- ¹⁴ Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1994. № 30. Ст. 509.
- ¹⁵ Роль общественных объединений в политической системе Республики Беларусь. Информационный материал № 8 (68). Минск: ИАЦ при администрации Президента Республики Беларусь, 2009. С. 5.
- ¹⁶ В августе 2002 г. на чрезвычайном съезде новым председателем партии стала Валентина Матусевич, а с августа 2006 г. партию возглавила Елена Еськова, долгие годы возглавлявшая юридический отдел профсоюза работников автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения, а затем работавшая в Белорусской партии труда, пока решением Верховного суда она не была ликвидирована. Такая же судьба постигла и Белорусскую партию женщин «Надзея»: решением Верховного Суда от 11 октября 2007 г. она была ликвидирована.
- ¹⁷ Большинство белорусов не доверяют партийным кандидатам – данные соцопроса. 22 декабря 1999 г. [электронный ресурс] // Bymedianet. Информационно-образовательный портал [режим доступа] [HTTP://DOSSIER.BYMEDIA.NET/INDEX.PHP?OPTION=COM_APRESSDB&VIEW=PUBLICATIONS&LAYOUT=ENT](http://DOSSIER.BYMEDIA.NET/INDEX.PHP?OPTION=COM_APRESSDB&VIEW=PUBLICATIONS&LAYOUT=ENT)

RY&ID=2060

- ¹⁸ На местных выборах минчане отдадут предпочтение партии женщин «Надзея» и экологической партии «зеленых» [электронный ресурс] // NAVIBY.BY/PDA Белорусские новости [режим доступа] <http://belapan.info/archive/2011/04/?page=3&filterby=month&startdate=2002-09-01&chunksizе=15>
- ¹⁹ Даведнік беларускіх грамадскіх аб'яднанняў. Мінск, 2000. С. 7. Кириллов П. На местных выборах в фаворитах лукашенковцы 30.11.2006 [электронный ресурс] // NAVIBY. BY. BY/PDA Белорусские новости. [режим доступа]. <http://ns1.belapan.com/pda/material/?type=articles&id=148841>.
- ²⁰ Даведнік беларускіх грамадскіх аб'яднанняў. Мінск, 2000. С. 7.
- ²¹ Левченко Е.А. Исследования общественных объединений: мировой опыт и Республика Беларусь. Минск, 1999. С. 132-133.
- ²² Послание Президента Беларуси Парламенту от 14 апреля 2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. [Режим доступа]: <http://president.gov.by/press10866.html#doc>.
- ²³ Совещание у Президента Республики Беларусь по вопросам подготовки и проведения предстоящих выборов депутатов Палаты представителей от 27.07.2004 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. [Режим доступа]: <http://president.gov.by/press15095.html#doc>.
- ²⁴ Доклад Президента на третьем Всебелорусском народном собрании 2 марта 2006 г. [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Режим доступа]: <http://president.gov.by/press24121.html#doc>.
- ²⁵ Lawson E. Encyclopedia of Human Rights. New York, etc.: Taylor & Francis Inc., 1990. P. 268.
- ²⁶ Цели развития тысячелетия: доклад за 2012 год. Нью-Йорк: ООН, 2012. С. 25 [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций [Режим доступа]: http://www.un.org/ru/publications/pdfs/mdg_report%202012.pdf
- ²⁷ Замечу, что в ходе подготовки к парламентским выборам 2008 г. Объединенная гражданская партия приняла на своем XII внеочередном съезде «Дополнение к посланию к гражданам, бизнесу и государству», содержащее рекомендации, в соответствии с которыми состав партии, ее руководящие органы должны быть представлены людьми одного пола не более чем на 60%, с обещанием включить его в программу партии в раздел «Социальная политика» особым пунктом под названием «Политика гендерного равенства» (См.: ОГП намерена «серьезно заняться гендерными проблемами». 10.08.2008 [Электронный ресурс] // Портал «NAVINY.BY.Политика» [Режим доступа]: http://naviny.by/rubrics/politic/2008/08/10/ic_news_112_295333/)
- ²⁸ Кашенкова Л. Участие женщин Беларуси в органах законодательной власти (Сравнительный анализ состава Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 2-го и 3-го созывов) // Женщина. Образование. Демократия. Материалы 7-ой международной междисциплинарной научно-практической конференции. Минск, 10–11 декабря 2004 г. / Женский институт «Энвила». Минск, 2005. С. 19.
- ²⁹ Список кандидатов в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва (по избирательным округам) [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Режим доступа]: [_http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PPNS2-Spis2.pdf](http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PPNS2-Spis2.pdf)
- ³⁰ Сведения Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов о лицах, зарегистрированных кандидатами в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Режим доступа]: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Elections-PPNS3-Sved3.pdf>
- ³¹ Сведения Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов о лицах, зарегистрированных кандидатами в депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь четвертого созыва [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Режим доступа]: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Elections-PPNS-Soob8.pdf>
- ³² Биографические данные депутатов палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 2-го и 3-го созывов. Минск, 2004. См. также: Палата представителей Национального со-

бранаия Республики Беларусь, 1996–2006. С. 29-33; Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://house.gov.by/index.php>.

³³ Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, 1996–2006. С. 29-33; Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://house.gov.by/index.php>.

³⁴ Цели развития тысячелетия: доклад за 2008 год. Нью-Йорк: ООН, 2008. С. 20 [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций [Режим доступа]: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/mdg2008.pdf>; Цели развития тысячелетия: доклад за 2011 год. Нью-Йорк: ООН, 2011. С. 22-23 [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций [Режим доступа]: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/mdg2011.pdf>

³⁵ Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, 1996–2006. С. 29-33; Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://house.gov.by/index.php>.

³⁶ Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, 1996–2006. С. 29-33; Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://house.gov.by/index.php>.

³⁷ Т.Г. Голубева свою кандидатуру на очередных выборах в Национальное собрание 5-го созыва не выдвигала, тем самым завершив парламентскую карьеру.

³⁸ Палаты представителей 4-го созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Режим доступа: <http://house.gov.by/index.php>.

³⁹ Национальный доклад о положении женщин в Республике Беларусь (К IV Всемирной конференции по положению женщин). Минск, 1995. С. 19.

⁴⁰ Выборы в местные Советы депутатов Республики Беларусь двадцать третьего созыва Минск, 1999. С. 42.

⁴¹ Сведения об итогах выборов депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь двадцать четвертого созыва; Сведения об итогах выборов депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь двадцать пятого созыва; Сведения о составе избранных депутатов местных Советов депутатов Республики Беларусь двадцать шестого созыва [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов. Режим доступа: <http://www.rec.gov.by/Archive-Elections>

I.R. Chikalova

WOMEN AND PARLIAMENTARISM IN THE REPUBLIC BYELORUSS (1991 – 2012)

Key words: *women in power; Byeloruss; Parliament; gender balance.*

Dynamic of women' participation in the bodies of the representative power of Byeloruss presents at substantial statistic and practical material; chooses the stages of process, for which was characteristically sharp lowering of women's representation in Soviets of all levels; positive break in 2001 – 2012, which connected with bringing in accordance international of standart legislation of Byeloruss. The author underlines tendency of forming gender balance within social and political structures of Byeloruss.

Е.В. Суслов

ФЕНОМЕН ФИНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ

На примере участия женщин в политической жизни Финляндии рассмотрены особенности североевропейской модели присутствия женщин в политике. Показаны вехи последовательного продвижения в мире идей и практик гендерного равенства; проведен анализ потенциала категории «политическая культура Финляндии» в области реализации гендерного баланса.

Ключевые слова: гендерное равенство; политическая культура; биологический детерминизм; женское движение в Финляндии.

Положение женщины не только в мире политики, но и в реальной жизни во все времена было незавидным. Гендерное неравенство, возведенное в абсолют, долгое время не подпускало женщин к сфере большой политики. Утвердительный ответ на вопрос о том, должно ли женщине заниматься политикой, был получен по меркам историческим относительно недавно. В 1791 году в разгар Французской революции мало кому известная писательница Олимпия де Гуж пророчески изрекла: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, она должна иметь право подняться на трибуну»¹. За столь дерзкое заявление она поплатилась жизнью, но оно же запечатлело ее имя в анналах истории. Почти через сто лет французская революция, кстати, возвысила имя не только француженки, но и нашей соотечественницы Елизаветы Кушелевой - Дмитриевой, бывшей соратницей Карла Маркса, создавшей и возглавившей вместе с легендарной Луизой Мишель революционную организацию женщин.

Казалось бы, Великая Французская революция с ее утилитарно понимаемыми ценностями свободы для всего народа проторила дорогу для женщины в публичной сфере, поскольку лишь публичная площадка считалась ареной подлинной свободы и реализации гражданских прав. Однако иерархические отношения, продолжавшие составлять основу правил поведения в частной жизни, не допускали женщин к публичной сфере, исходя из сложившегося стереотипа о неспособности женщин выйти за рамки своего биологического предназначения. Ввиду того, что привычным местом пребывания женщин считалась приватная сфера, то они не могли выступать в качестве акторов практик свободы. В конечном счете, биологический детерминизм, трактованный, что все в человеке детерминируется биологией и физиологией, предопределял положение женщины в обществе. Следствием биодетерминизма было стойкое убеждение о наличии существенных различий между маскулинным и феминным.

По мнению исследовательницы из Белоруссии И. Чикаловой, питавшаяся идеями либерализма Великая Французская революция конца XVIII в. оставила женщин даже с меньшим числом свобод, чем они имели до ее начала². Таким образом, публичная сфера, с которой ассоциировалась политическая жизнь, функционировала без женщин. Более того, она отвергала их из собственной системы координат.

«Восстание масс»³ – явление, зафиксированное испанским философом Х. Ортегой – и – Гассетом и означавшее разрушение исторически сложившейся иерархической структуры западных стран, – предполагало уничтожение не только социального, но и полоролевого неравенства между людьми. Подчеркивая забрезжившие перемены в положении европейских женщин, французский философ-просветитель Ж.А. Кондорсе писал: «Одним из наиболее важных для общего счастья результатов прогресса человеческого разума, мы должны считать полное разрушение предрассудков, создавших неравенство прав между двумя полами, гибельное даже для того, кому оно благоприятствует»⁴.

Упомянутые исторические прецеденты, явление биодетерминизма и признание философа указывают скорее на исключение из правил, которые в силу разных обстоятельств случались во время войн, революций и иных критических ситуаций в стране. Когда же обстановка менялась – все возвращалось на круги своя. И женщина становилась существом подневольным, помещенным в систему координат дома, семьи и детей.

Стереотипы, глубоко засевающие в массовом сознании, создавали асимметричные критерии оценок женщин и мужчин в качестве субъектов политики. Исторически так складывалось, что женщина, как правило, не воспринималась в качестве первого лица, обладающего самостоятельностью суждений, масштабностью мышления, следовательно, способностью к принятию верных управленческих решений. В тех случаях, когда женщине все-таки не отказывали в праве на лидерство, а это зависело от общей культуры в целом и страновой политической культуры в частности, ее образ формировался исходя из мужских стандартов руководителя, политика.

«Маскулинизация» образа женщины-политика, приводила к наделению женского поведения в политике такими характеристиками, как жесткость, граничащая с агрессивностью, обращение к насилию как к последнему аргументу в сложнейших конфликтных ситуациях. Чтобы прослыть лидером, ни в чем не уступающим мужчине в твердости, самоуверенности, женщина была вынуждена придерживаться в политике более жесткой линии поведения, чем мужчина. Е. Бахтеева отмечает, что образ «женщины-мужчины» – один из наиболее распространенных образов, при формировании которого особую роль играет патриархальный тип культуры, который четко дифференцирует основные сферы жизни, в том числе и политику, по половому признаку. Женщины-политики представляются с ярко выраженными маскулинными качествами: ярко выраженная мускулатура, оружие в руках, военная форма, которые ассоциируются с силой, мужеством, отвагой. Все это создает впечатление, что женщине для самореализации и отстаивания своей позиции в политической деятельности необходимо своего рода мимикрирование (подражание) мужской половине политиков. В результате формируется мнение о том, что женщины слишком увлекаются авторитарным стилем управления и поведения, стремятся принимать как можно больше решений⁵.

Похоже, женщинам и в голову не приходило, что возможна иная модель поведения в сфере, считавшейся исключительно мужской. Конечно, для этого должны были измениться сами критерии оценки политического участия акторов

в этой сфере. Но, прежде всего, сама политическая среда, исключая превращение женщины «лишь в форму некоего «украшения» демократического устройства государственных органов, в связи с необходимостью участия в политической сфере таких групп, как молодежь, женщины и другие»⁶. Однако гендерные стереотипы, основывающиеся на гендерной асимметрии, имеют тенденцию к сохранению. Более того, они отягощаются нежеланием женщин задаваться вопросом о предпосылках собственной дистанцированности от политики.

Добровольное отдаление женщин от поиска причин своей ущемленности в политике получило название синдромов: «железной леди» (The Queen Bee Syndrome) и «чуланной феминистки» («The Closet Feminist Syndrome»). Синдром «железной леди» предполагает, что женщины-политики осознают существование проблемы дискриминации, но в связи с тем, что, по их мнению, они добились всего сами (следовательно, и все остальные должны пройти тот же путь), не считают, что обязаны выступать от лица всех женщин. Женщины, «страдающие» синдромом «чуланной феминистки», избегают каких-либо громких высказываний в интересах женщин, опасаясь быть названными феминистками в связи с негативным отношением к феминизму в целом⁷.

Представляется, что синдром «железной леди», явно списанный с образа Маргарет Тэтчер, более распространен и востребован, поскольку жесткость и приверженность к насилию по-прежнему считаются в мире политики наиболее результативными методами достижения успеха. Однако подобная тактика переодевания в «мужские» одежды не приводила к однозначным положительным результатам. Так, в предисловии к книге премьер-министра Израиля Голды Меир (1969-1974) «Моя жизнь» Яков Цур пишет: «Голда не принадлежала к феминисткам. Она достигла своего высокого положения не потому, что была женщиной. В ее времена бытовала поговорка: «Голда – единственный мужчина в правительстве». С характерным для нее сарказмом она замечала по этому поводу: «А если бы про одного из членов правительства сказали, что он – единственная женщина в его составе, – как бы вы посмотрели на это?»⁸. Действительно, с именем Голды Меир связывают беспрецедентную жесткость и бескомпромиссность в политике, чья линия поведения в современных условиях вряд ли требует тиражирования. Намеренная жесткость и стремление к достижению успеха любыми средствами говорит скорее о слабости политика, чем о его силе, поэтому не может обеспечивать институционализации политических конфликтов как необходимого условия их урегулирования.

Принципиально иной представляется североевропейская модель присутствия женщины в политике, отличающаяся от только что воспроизведенной по многим показателям. Одним из самых впечатляющих показателей является количество женщин в парламентах североевропейских стран. Если в таких странах, как США, Бразилия, Великобритания, Франция, Тунис, Индия, Япония, Таиланд и Австралия женщины составляют до 10% парламентариев, а в Китае, Исландии, Австрии и Германии – от 20 до 30%, то в Швеции, Финляндии, Норвегии и Дании женщинам принадлежит от 30 до 40% депутатских мест⁹.

Соперничающими по силе влияния факторами, способствовавшими возведению женщины в сфере политики скандинавских стран и Финляндии в положе-

ние, равное с мужчинами, являются признанием международным сообществом прав женщин как неотъемлемой части прав человека и сопутствовавшее этим завоеваниям политическая культура, поощрявшая многолетнюю борьбу с общественными предрассудками и ограничениями для женщин, подвигавшая самую образованную и эмансипированную часть женщин к деятельному, рациональному участию в политике.

Легитимация идеи гендерного равенства стала возможной благодаря унифицирующим положением женщин в мире нормам международного права, которые были разработаны Организацией Объединенных наций (ООН) и Международной Организацией труда (МОТ) и др. Национальные законодательства по гендерному равенству и правам женщин в разных странах разработаны по-разному, но в целом слабо, что невольно создает условия для ущемления прав женщин. В подобных ситуациях на помощь женщинам, отстаивающим свои права, приходят международно-правовые нормы, принятые мировым сообществом и ратифицированные конкретными странами.

Основополагающим документом, в котором впервые заявлено о приверженности принципу равенства мужчин и женщин перед законом, стала Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 г. Этот документ не содержал норм, обязательных к выполнению, поскольку априори имел рекомендательный характер. Декларация формулировала задачи глубоко гуманистического содержания, к выполнению которых должны были стремиться все государства. Так, в Ст. 2 содержится основной принцип равенства и отсутствия дискриминации в отношении пользования правами человека и основными свободами¹⁰. Таким образом, декларация сыграла роль своего рода первоисточника, откуда позже заимствовались идеи для дальнейшего наращивания массива документов по реализации равных возможностей для мужчин и женщин.

В течение трех десятилетий после принятия декларации ООН было принято более 100 документов, направленных на обеспечение гендерного равенства. В этой череде документов – Конвенция о политических правах женщин (1952 год); Конвенция о гражданстве замужней женщины (1957 год); Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования (1960 год); Международные пакты об экономических, социальных и культурных правах, о гражданских и политических правах (1966 год) и другие документы. Одним из важнейших международных документов – в контексте заявленной темы – является Конвенция о политических правах женщин, которая содержала положение о том, что «Женщины могут быть избираемы, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, во все установленные национальным законом учреждения, требующие публичных выборов» (Ст. 2), а так же «Женщинам принадлежит, на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации, право занимать должности на общественно-государственной службе и выполнять все общественно-государственные функции, установленные национальным законом (Ст. 3)»¹¹.

Принципиально новые возможности для женщин открывала Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятая ООН в 1979 году. Важно отметить, что Конвенция содержала практические рекоменда-

ции по поводу установления специальных квот для более успешного продвижения женщин в политике. В документе говорится, что в национальном законодательстве допускается использование особых мер и процедур, способствующих фактическому выравниванию статуса мужчин и женщин в политической сфере. В соответствии с Конвенцией, рекомендуется использование квот для женщин в представительных (законодательных) органах и структурах исполнительной власти; в списках кандидатов в депутаты; в руководящих органах партий, движений.

ООН продолжала развивать тему гендерного равенства и в дальнейшем, что вылилось, например, в объявленное на период с 1976 по 1985 гг. десятилетие женщин ООН под девизом «Равенство, развитие, мир». Эта акция сделала достоянием мирового общественного мнения неприглядные факты дискриминации женщин в странах преимущественно «второго» и «третьего» миров ¹², обнаружила проблему зависимости положения женщин от формы и содержания политического порядка в странах мира. Становилось очевидным: эмансипация женщин и гендерное равенство есть факторы демократизации.

В сентябре 1995 года в Пекине состоялась Четвертая Всемирная конференция, обсуждавшая положение женщин в мире. Была обнародована новая концепция «паритетной демократии», вобравшая в себя идеи международных женских организаций и движений, которые требовали принятия решительных мер по обеспечению паритетного равенства женщин в структурах власти. Паритет предполагал представленность женщин и мужчин в структурах власти по формуле «50/50».

Важным источником для разработке законов и государственных программ по гендерному балансу следует считать документ Совета Европы, подготовленный отделом по проблемам равенства между мужчинами и женщинами в 1998 году. Документ расширительно толкует подходы к проблеме гендерного равенства, а также знакомит с «позитивным опытом» выравнивания социальных статусов женщин и мужчин в ряде наиболее развитых в этом отношении стран – Дании, Швеции, Финляндии, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии. Стратегия предполагает «инкорпорировать аспекты, связанные с равенством между мужчинами и женщинами, во все сферы и на все уровни политической деятельности» ¹³.

Таковы вкратце вехи последовательного продвижения в мире идей и практик гендерного равенства. При этом не вызывает сомнения тот факт, что гендерное «наступление» оказалось наиболее успешным в странах западной демократии. Замечено, что «наиболее значимые демократические завоевания в последние три десятилетия произошли в области равноправия женщин, расширения их демократических прав. Хотя эта проблема стояла в центре политических дебатов и практической деятельности во всех развитых странах Запада, северные страны определенно задавали тон в дискуссиях» ¹⁴. В том числе Финляндия, где тенденция гармонизации прав мужчин и женщин легла на вполне подготовленную почву политической культуры.

Поэтому в рамках данной статьи для интерпретации феномена субъектности финских женщин в политике предпочтение отдается объяснительному потенциалу категории «политическая культура Финляндии», которая является одной из разновидностей западной политической культуры.

Известно, что в самом упрощенном виде политическая культура представляет собой сплав традиций и обычаев, норм и ценностей, которые в сложном взаимодействии друг с другом определяют поведение субъектов политики в рамках отдельной страны. Несомненно, что в стиле политической деятельности человека проявляются его идеалы, убеждения, отражаются формы освоенного человеком социального и политического опыта, доставшиеся ему от предыдущих поколений.

Долгое время историки и антропологи оперировали понятием «национальный характер», справедливо интерпретируя суть политических процессов, роль политических акторов в них с позиций национальных традиций. Сыграв значительную роль, эта дефиниция уступила место «политической культуре», поскольку стало очевидным, что в силу присущей ей абстрактности она не может охватить всю мозаику сложных отношений, связанных с культурой, политикой, национальной принадлежностью и идентичностью.

Говоря о финском национальном характере, чаще всего принято отмечать свойственный для финнов консерватизм и даже некоторую старомодность. Для них характерно бережно хранить традиции и обычаи, доставшиеся им от предков, и передавать их молодому поколению своих соотечественников. Замечено, что финны медлительны в разговоре, будто нарочито затягивают гласные. Оказывается, тиражируемая на уровне народного фольклора флегматичность у финнов – это тоже дань укоренившейся традиции. Среди финнов аристократы появились очень поздно, но этого было достаточно для того, чтобы в их среде сложился определенный кодекс поведения. Поэтому финский аристократизм предполагает умение говорить мало, но по делу. А вот излишняя разговорчивость, громкий и тем более грубый голос были принадлежностью людей невысокого социального статуса. Финский аристократ своим поведением пытался напоминать британского джентльмена, столь же молчаливого и не обремененного необходимостью куда-то спешить, торопиться.

Проявлением финского национального характера следует считать «отсутствие фразеологического прославления женщины: ни пословиц, ни поговорок, ни даже легкомысленных присказок. И так сложилось не потому, что общество недооценивает свою прекрасную половину. Причины две: во-первых, финнам всегда нелегко давалось публичное признание собственных достоинств и восхваление чужих. А во-вторых, финские женщины с присущей им скромностью и практичностью давным-давно сами предпочли устным комплиментам любезности, прописанные конституционно»¹⁵.

Ограничимся упомянутой толикой финских традиций и обычаев, отдавая себе отчет в том, что они окончательно не проливают свет на феномен женского присутствия в политике, поскольку последнее стало достоянием женщин относительно недавно.

Помня о значительном объяснительном потенциале политической культуры, обратимся к его структуре, содержащей определенные компоненты. С этой целью прибегнем к классическому определению, предложенному Г. Алмондом и Г. Пауэллом, которая предстает в следующем виде: «Политическая культура есть совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной поли-

тической системы. Это субъективная сфера, образующая основание политических действий и придающая им значение»¹⁶. По мнению американских исследователей, упомянутые ориентации индивидуального характера содержат несколько элементов: *во-первых*, познавательную ориентацию, суть которой сводится к различению истинности или ложности знаний о политике, *во-вторых*, аффективную ориентацию, воплощающую в себе чувства приязни, отторжения, ангажированности по отношению к политическим субъектам, *в-третьих*, оценочную ориентацию, которая сводится к мнениям и умозаключениям по поводу объектов политики, нуждающихся в оценочных критериях.

Ориентации индивидуального характера формируются в результате социального взаимодействия, поэтому являются продуктом политической социализации, которая представляет собой процесс приобщения человека к нормам и традициям определенной политической системы. Таким образом, политическая культура всегда предстает как форма освоенного людьми противоречивого опыта предшествующих поколений. Либо это наследие принимается, либо не принимается, но в любом случае приобретенная ценностная ориентация есть результат свободного выбора, как форм мышления, так и поведения предыдущих поколений.

Важно в рамках предлагаемой статьи отметить, что политическая культура – это еще и дифференцированная часть общенациональной культуры страны и, на наш взгляд, отношения целого и его части не имеют однозначного линейного характера, т.е. «высокая» общенациональная культура не предполагает наличия столь же «высокой» политической культуры.

Нетрудно заметить, что политическая культура занимает пограничное положение на стыке сфер политики и культуры, поэтому результаты их взаимодействия связаны с политической властью. И, как замечает казанский политолог М. Фарукшин, «все объекты политической культуры обладают тем свойством, что генетически связаны прочными нитями с политической властью и, в конечном счете, служат ее характеристикой. Поэтому, раскрывая содержание политической культуры, следует в первую очередь сказать, что она есть совокупность определенных результатов человеческой деятельности, связанных с функционированием политической власти, в виде политических институтов и их взаимодействия, представлений, ценностей и ценностных ориентаций, установок, образцов поведения, символов»¹⁷.

Итак, политическая культура является индикатором именно политической сферы жизнедеятельности человека, что позволяет обозначить границы явления и препятствует его расширительному толкованию в виде феномена культуры, которое приводит к размыванию смысла понятия «политическая культура». Мир политики, который присутствует в сознании людей, испытывает влияние таких общецивилизационных компонентов, как религия и идеология, достижения науки и техники и т.д.

Кроме того, завершая рефлексию по поводу сущности политической культуры, со ссылкой на отечественных политологов В.П. Пугачева и А.И. Соловьева отметим, что политическая культура может оказывать тройное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, существующая политическая куль-

тура может воспроизводить традиционные для общества формы политической жизни. И этому не мешают даже перемены в характере правящего политического режима. Во-вторых, политическая культура способна порождать и новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни, вносимые в политическую жизнь под влиянием заимствованных ценностей и технологий. В-третьих, политическая культура обладает возможностью комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства. Сохраняя базовые ценности и образцы поведения, она дает возможность имплантировать в социальную ткань конкретных обществ новые механизмы политического взаимодействия, обновлять и реконструировать текущие политические традиции.

Априори оценивая состояние политической культуры в Финляндии, на наш взгляд, следует отдать предпочтение двум последним трендам влияния, что будет показано в процессе дальнейшего изложения авторской мысли.

Дело в том, что индивидуальная ориентация финнов как в повседневной жизни, так и в сфере политики, которая для них стала средством решения жизненных проблем, априори была направлена на гендерный консенсус, в рамках которой «признание женских прав в Суоми было самым естественным процессом. При этом решающим фактором был... географически-климатический: недостаточно плодородная земля, мимолетное северное лето и бесконечные суровые зимы не оставили женщинам ни времени, ни возможности почувствовать себя слабым полом¹⁸.

Действительно, влияние внешних факторов трудно переоценить. Они порой оказывают доминирующее влияние на социальную систему, структурируя ее извне, воздействуя на микроклимат внутри коллективного единства. Скучная крестьянская жизнь на фоне продолжительной зимы и иных климатических сложностей диктовала создание такой модели социального устройства и поведения, в которой финским женщинам была уготована роль, равная с мужчинами в борьбе за существование. Гендерный консенсус, сложившийся в условиях, полных лишений, не разрушился и тогда, когда пришел к финнам определенный достаток.

Активистская политическая культура, сложившаяся к этому времени в стране, способствовала формированию, как мы отмечали «новых, нетрадиционных форм социальной и политической жизни», одной из которых стало развитие государство благосостояния. В этой стране, противореча принципам либерализма, отводящим государству роль ведомого, но не ведущего института, государство тем не менее играло и играет важнейшую роль в сфере экономики. Однако «государство не поставило экономику под бюрократический контроль. Вместо этого оно стало одним из главных агентов либерализации экономической системы. Финское государство использовало стимулы и стратегическое планирование в качестве дополнения к рыночным механизмам, а не в качестве их замены»¹⁹.

Современное государство всеобщего благосостояния – чудо финляндской социальной политики! – в какой-то степени продолжает удивлять исследователей. Отечественный исследователь Б. Кагарлицкий отмечает, что с точки зрения либеральной теории (так называемого Вашингтонского консенсуса) финны сделали все неправильно. Высокие налоги сохранялись, государство прямо участво-

вало в производственных и научных программах, сохраняя изрядную долю собственности, социальные расходы оставались на высоком уровне. По логике либеральных экономистов, все это должно было закончиться полной катастрофой. Между тем к началу XXI века Финляндия опережала США и многие другие страны и по темпам роста экономики, и по размаху технологических революций²⁰.

Именно государство всеобщего благосостояния создало для финских женщин высокий уровень комфорта и социальной защиты. В рамках сложившейся политической системы в Финляндии и Скандинавских странах достигнуто согласие по поводу основных принципов гендерного равенства. Эти принципы разделяются всеми политическими силами страны, что говорит как минимум о наличии в финском обществе политической культуры, характеризующейся достаточным уровнем гомогенности или консенсуальности. В политической культуре такого типа фиксируется присутствие весьма высокой сплоченности населения на основе разделяемых ведущих ценностей, к которым относятся постматериалистические ценности, о превалировании которых в индустриально развитых странах писал Р. Инглхарт в своей концепции «бесшумной революции»²¹.

Ученый предположил, что следствием социально-экономического развития является переход от материальных к постматериальным ценностям, к которым относятся снижение преклонения перед государственной властью и предпочтение таким индивидуальным ценностям, как дружба и добрососедство, толерантность и терпимость по отношению к социальным и национальным меньшинствам, одобрительное отношение к феминизму. Среди постматериалистических ценностей, по Инглхарту, высокое положение занимают ценности самовыражения и участия в принятии решений на всех уровнях, и, что очень важно отметить, господство постматериальных ценностей способствует терпимому отношению к разнообразию и является одним из условий функционирования активистской политической культуры и поддержания демократического политического порядка.

«Типичным для политической культуры страны является устойчивое требование справедливого и равного отношения ко всем гражданам. В силу открытости общества и прозрачности властных структур трудно скрыть от общественности какие-либо подковерные тайны»²², – отмечают финские исследователи Перти Песонен и Олави Риихинен. Одним из оснований для столь значимых выводов стали последствия финансового инцидента, разыгравшегося в Финляндии в 1997 г. и ставшего веской причиной для подозрения правительства страны в фаворитизме. Для сохранения веры в надежность финской экономической системы и высокого международного кредитного рейтинга министром финансов Арья Алхо была одобрена сделка, которая не выходила за рамки законности и даже стала оптимальной в сложившейся ситуации, однако, она подорвала общественное доверие к банкам. За короткое время министр Алхо утратила доверие представителей политических партий правительственной коалиции, а вскоре и парламентской фракции социал-демократов, что вынудило ее быстро подать в отставку, чтобы избежать вотума о недоверии правительству, сформированному социал-

демократами. Впервые в истории современной Финляндии министру пришлось покинуть свой пост по причине критики моральных аспектов принятия решения.

Эта история показала, во-первых, то, что общественное мнение, оценивающее отношения правительства и граждан страны, стало настолько значимым, что пренебрегать им – правительству же во вред. Во-вторых, наличие реального равенства женщин и мужчин, что и отразилось в отсутствии каких-либо скидок для чиновника, занимающего высокое положение независимо от половой принадлежности.

Поддерживаемое государством всеобщего благосостояния женское движение в Финляндии «стало рассматривать равноправие не только с точки зрения расширения прав и возможностей участия в экономической и политической жизни женщин, но и более широко – как изменение традиционной роли полов в обществе»²³. Не довольствуясь рынком труда, женщины-активисты сосредоточивают свое внимание на проблемах семьи, которые преимущественно и создают условия неравенства полов. Центральной в политике равноправия полов становится задача решительного изменения ролевого статуса мужчин. Если раньше мужчины ограничивались трудом на производстве, то начиная с конца 1970-х годов положение мужчин в Финляндии меняется. Финские мужчины «возвращаются» в семью: участвуют в воспитании детей и ведении домашнего хозяйства. К изменению своего ролевого статуса финские мужчины отнеслись спокойно, с пониманием, поскольку, как уже было отмечено, финские женщины в суровых социальных условиях предыдущих десятилетий и даже столетий наравне с мужчинами участвовали в борьбе за выживание. В свою очередь государство взяло на себя обязательство предоставлять каждому ребенку место в детском саду, а учреждения социального страхования оказывают помощь в оплате ежемесячного счета. В новых условиях женщины получили возможность устраиваться на работу и пополнять семейный бюджет, что так же повышало их экономический статус. Финляндия стала одной из немногих стран с двойным семейным доходом. Экономический достаток послужил положительным фактором при решении демографических проблем. На законодательном уровне вслед за Швецией было принято решение о введении раздельного налогообложения мужа и жены. И это заметно отразилось на самостоятельном статусе женщин. Так создавались необходимые условия для политической самореализации женщин.

Политическая активность не занимает в жизни финнов доминирующего положения, хотя имеется и немало людей, испытывающих к политике подлинный интерес. Согласно проведенным в стране социологическим исследованиям, люди отдают предпочтение семье, для 80% респондентов она особенно важна. Что касается политики, то не более 20% находят, что она для них важна или в какой-то степени важна, а 25% ответили, что политика вообще не представляет для них интереса²⁴. Авторы, к сожалению, не сообщают о структурном составе респондентов с точки зрения их половой принадлежности, поэтому в качестве предположения можно высказать мысль о том, что подавляющее большинство респондентов – мужчины, которые традиционно интересовались политикой, однако, убедившись, что действующие политики, в том числе и женщины, весьма успешно справляются со своими обязанностями управленцев, сосредоточились на се-

мье и повседневных заботах о ее благополучии. Таким образом, политическая стабильность в стране, ее устойчивое экономическое развитие, на наш взгляд, так же дали финским женщинам своеобразный карт-бланш для их прихода в политику.

Если взглянуть на историческое прошлое страны, то обнаружится, что локомотивом движения за женскую эмансипацию были финские суфражистки – борцы за предоставление равных избирательных прав, которым удалось на законодательном уровне добиться введения всеобщего избирательного права. В этой ситуации вновь оказалась значимой роль внешнего фактора. Итогом революционных событий 1905 г. в России и ее поражения в Русско-японской войне стало подписание в 1906 г. Николаем II Сеймового устава, который предполагал создание в Финляндии, бывшей автономным образованием в составе империи, однопалатного Сейма, члены которого избирались на основе всеобщего и прямого избирательного права. Так, Финляндия стала первой европейской страной, в которой женщины получили избирательные права.

Продолжая использовать объяснительный потенциал понятия «политическая культура», уместно сослаться на хрестоматийную работу Г. Алмонда и С. Верба «Гражданская культура», в которой авторы предполагают, что институты и типы их действия в каждой политической системе должны соответствовать политической культуре нации²⁵. Следовательно, политическая культура Финляндии того времени – одного из провинциальных уголков Российской империи – уже была ориентирована и готова к восприятию не только демократического института выборов, но и женщин как граждан, пользующихся своим пассивным избирательным правом. Сам факт предоставления женщинам политических прав следует, на наш взгляд, трактовать как возможность политической культуры комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства страны.

Первые же выборы в парламент позволили женщинам занять в нем 10% депутатских мест. В 1920-х годах Мина Силланпяя, бывшая работница хлопковой фабрики и депутат парламента, стала первой в Финляндии женщиной-министром. С тех пор финские женщины-политики получили постоянную прописку в коридорах государственной власти. Гендерное равенство в политике отныне не рассматривалось как цель, преследуемая исключительно женскими феминистскими организациями. Оно представлялось могущественным ресурсом для всей страны.

По-настоящему политическим «лифтом», доставлявшим финских женщин к вершинам политической власти, были и есть политические партии, признанные институты европейской политики. Видя активизацию женщин, объединенных в общественные организации и движения, политические партии были вынуждены, исходя из познавательной-оценочной ориентации политической культуры, включать в свои программы положения о гендерном равенстве женщин в политике. В Финляндии были попытки создания женской партии²⁶, однако, они не увенчались успехом, поскольку ни одного места на последовательно прошедших парламентских выборах женской партии занять не удалось. В соответствии с существующим законодательством эта партия прекратила свое существование. Представляется, что причина происшедшего заключается в следующем: существовавшие

политические партии, созданные не по гендерному принципу, уже репрезентировали широкий круг интересов и потребностей женщин и выступали с инициативами в пользу женщин.

Подобные инициативы не замедлили перехватить и другие политические партии, представлявшие иные сектора политических предпочтений. Они создали женские секции в структурах своих партий и во многом преуспели, обеспечив своим организациям электоральную поддержку именно женщин.

Тем не менее, наиболее последовательным сторонником гендерного равновесия в политике оставалась Социал-демократическая партия Финляндии, представительница которой Тарья Халонен в 2000 г. стала одиннадцатым президентом страны. До этого у нее успешно сложилась министерская карьера: она последовательно занимала должности министра по вопросам социальной защиты, алкогольной политики и равноправия, министра по вопросам сотрудничества Северных стран, министра юстиции и министра иностранных дел. Причем последние две должности до нее не занимала ни одна финская женщина. Результат предпочтений в ее пользу на президентских выборах можно считать историческим, поскольку до этого лишь в четырех странах мира президентами были женщины.

Социал-демократический союз женщин Финляндии в своей деятельности не ограничивается лишь пределами страны: в орбите его интересов – продвижение политики гендерного равенства совместно с коллегами из России. Так, 31 августа - 2 сентября 2012 г. в Санкт-Петербурге состоялся российско-финский семинар по гендерной проблематике, который обнаружил наличие проблем, требующих решения. Финские женщины-политики не довольствуются достигнутым: они не скрывают, что полного равноправия финки не достигли до сих пор. По словам депутата финской Эдускунты (парламента) Туулы Гаатайнен, занимавшей в свое время кресла министра образования и министра социального обеспечения и здравоохранения, «при одинаковом образовании, квалификации и должности женщины получают 80 процентов от зарплаты мужчины. Также женщины страдают от временной работы. А еще большинство руководящих должностей в бизнесе занимают мужчины»²⁷. Речь идет о гендерной дифференциации оплаты труда – проблеме, как казалось, ставшей достоянием истории, однако, сохранившейся как атавизм от прежних авторитарных порядков в социальной сфере.

Страны Северной Европы, как отмечают исследователи, отличает высокий уровень солидарности – характерная черта их политической культуры, – который отражается в том, что лучшие социально-политические и экономические инновации тут же заимствуются соседними странами. Например, в Норвегии существует квота, в соответствии с которой на всех руководящих должностях должно быть не менее 40% женщин. Квотную систему использует и Норвежская рабочая партия, которая в соответствии с законом, утвержденным Стортингом (парламентом) в конце 1980-х годов, имеет в своем составе не менее 40% женщин. Кроме того, 40% всех кандидатов партии на выборах должны быть женщины.

Равняясь на норвежскую гендерную инновацию, о необходимости введения квоты заговорили и финские женщины-политики. Хотя, откровенно говоря, ситу-

ация с гендерным балансом в Финляндии никаких опасений не вызывает. В 2011 году женщины составили почти половину кабинета министров: 9 из 19 постов. В правительстве предыдущего премьер-министра, Мари Кивиниemi, их было большинство, но зато в этот раз Ютта Урпилайнен стала первой женщиной – министром финансов (пример настоящего комплимента женской практичности и уму). В настоящее время представительниц «слабого» пола в парламенте больше чем когда-либо: 86, что составляет примерно 43 процента от общего числа депутатов (200)²⁸.

Следует отметить, что благоприятным фактором, придающим финской политике женское обличье, является функционирующая в стране пропорциональная избирательная система, которая обеспечивает широкое и пропорциональное представительство в органах власти политических партий, социальных и национальных групп. Такая избирательная система отражает реальную расстановку политических сил и противоречивую мозаику политической жизни страны.

Таким образом, представленный в статье анализ дает основание для формулирования следующих выводов:

- женщины с наибольшей вероятностью могут снискать себе известность и право на участие в политике в эпоху революционных по значимости перемен;

- биологический детерминизм, трактованный, что все в человеке детерминируется биологией и физиологией, предопределял положение женщины в обществе, что приводило к убеждению о наличии существенных различий между маскулинным и феминным;

- образ женщины в политике преимущественно складывается, исходя из мужских стандартов поведения в этой сфере, поэтому в политике распространен синдром «железной леди» в силу господства представлений о жесткости и приверженности к насилию как наиболее результативных средств достижения успеха в политике;

- соперничающими по силе влияния факторами, способствовавшими возведению женщины в сфере политики Скандинавских стран и Финляндии в положение, равное с мужчинами, являются признание международным сообществом прав женщин как неотъемлемой части прав человека и сопутствовавшее этим завоеваниям политическая культура, поощрявшая многолетнюю борьбу с общественными предрассудками и ограничениями для женщин;

- в политической культуре Финляндии фиксируется присутствие высокой сплоченности населения на основе разделяемых ведущих ценностей, к которым относятся постматериалистические ценности, основывающиеся на отсутствии преклонения перед государственной властью и предпочтении индивидуальным ценностям (дружба и добрососедство), толерантности и терпимости по отношению к социальным и национальным меньшинствам, одобрительное отношение к феминизму;

- гендерный консенсус в Финляндии, сложившийся как условие выживания ее граждан на фоне суровой географически-климатической среды, получил импульс дальнейшего развития в современных условиях благодаря преимуществам государства всеобщего благосостояния и политическим «лифтам» в виде многопартийной политической системы.



Примечания

- ¹ См. Артемьева Л. Женщины и политика // Электронный ресурс: <http://rl-online.ru/articles/1-04/417.html> (дата обращения: 3.03.2013г.).
- ² Чикалова И. Женщины в политической теории // Электронный ресурс: <http://giacgender.narod.ru/n4t1.htm> (дата обращения: 15.04.2013г.).
- ³ Одноименное название одной из самых известных работ Ортеги - и - Гассета, получившая всеобщую признательность.
- ⁴ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 246.
- ⁵ Бахтева Е.Г. Вариативность образа женщины-политика в контексте визуальных форм политического юмора / VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22-24 ноября 2012г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 64.
- ⁶ Бахтева Е.Г. Вариативность образа женщины-политика в контексте визуальных форм политического юмора / VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. Москва, 22-24 ноября 2012г. М.: Российская ассоциация политической науки, 2012. С. 65.
- ⁷ См.: Кудряшова Е. В. Политическое участие женщин в Архангельской области // Гендерная реконструкция политических систем / Ред.-сост. сборника Н. М. Степанова, М. М. Кириченко, Е. В. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 715.
- ⁸ Меир Голда. Моя жизнь / Пер. с иврита Р.Зерновой. Чимкент: МП «Аурика», 1997. С. 6.
- ⁹ См. Общая и прикладная политология. Под общей редакцией В.И.Жукова, Б.И.Краснова. М.: МГСУ: Изд-во «Союз», 1997. С. 585.
- ¹⁰ Словарь-справочник по правам человека: основные понятия и институты. М., 2006. С. 377.
- ¹¹ Конвенция о политических правах женщины. Принята резолюцией 640 (VII) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1952г. // Электронный ресурс: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml (дата обращения: 30.07.2013г.).
- ¹² В соответствии со сложившейся практикой эпохи «холодной войны», страны мира делились на три категории. Страны «первого мира» - это наиболее развитые капиталистические страны Европы и США, впоследствии получившие название «G7». К странам «второго мира» были отнесены социалистические страны Восточной Европы и СССР. И, наконец, «третий мир» - это развивающиеся страны, получившие независимость в 50-60-е годы XX века в результате распада колониальной системы.
- ¹³ См.: Айвазова С. Развитие идей гендерного равенства в международных правовых документах // Электронный ресурс: <http://www.owl.ru/win/books/gender/13.htm>. (дата обращения: 30.07.2013г.)
- ¹⁴ Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М.Антюшиной. М.: Издательство «Весь мир», 2008. С. 480; Кошелева К. Страна для женщин // Электронный ресурс: <http://www.stopinfin.ru/archive/150/11187/> (дата обращения: 14.03.2013г.).
- ¹⁵ См. Политология / под ред. М.А.Василика. М.: Гардарики. 2008. С. 363.
- ¹⁶ Фарукшин М.Х. Политическая культура / Категории политической науки: очерки / Казан. Гос. ун-т им. В.И.Ульянова – Ленина; каф. Политологии; под ред. М.Х.Фарукшина. Казань: центр инновационных технологий, 2007. С. 176.
- ¹⁷ К.Кошелева. Страна для женщин // Электронный ресурс: <http://www.stopinfin.ru/archive/150/11187/> (дата обращения: 14.03.2013г.).
- ¹⁸ Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М.Антюшиной. М.: Весь мир, 2008. С. 204.
- ¹⁹ Там же. С. 204.
- ²⁰ См. Инглхарт Р. Меняющиеся ценности, экономическое развитие и политические перемены // Международный журнал социальных наук. 1996. № 12.
- ²¹ Песонен П., Риихинен О. Динамичная Финляндия. (Перевод А.Рупасова). Санкт-Петербург: Издательство «Европейский Дом», 2007. С.164.
- ²² Северная Европа. Регион нового развития / Под ред. Ю.С.Дерябина, Н.М.Антюшиной. М.: Издательство «Весь мир», 2008. С. 481.

²³ Песонен П., Риихинен О. Динамичная Финляндия. (Перевод А.Рупасова). СПб: Европейский Дом, 2007. С.152.

²⁴ Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006. С. 128.

²⁵ Из всех государств Северной Европы только в Исландии существует женская партия, деятельность которой расценивается весьма положительно в политической жизни страны.

²⁶ Финский парламент: равноправие в Суоми начинается с семьи // Электронный ресурс: <http://norse.ru/society/suomi/suomi-parlament.html> (дата обращения: 15.03. 2013г.).

²⁷ Кошелева К. Указ. соч.

²⁸ Молодые женщины идут в политику // Электронный ресурс: <http://www.goodnewsfinland.ru/arhiv/mesyaca/0d9117c2/ef5112ff/> (дата обращения: 15.03. 2013г.).

E.V. Suslov

THE PHENOMENON OF FININSH WOMAN IN POLICY

***Key words:** gender equality; political culture; biologest determinism; women's movement in Finland.*

Peculiarities of the North European patern of women's presence in policy consid-ers at the example of women's participation in political life of Finland. The landmarks of consecutive advancement in the world of ideas and practices of gender equality; the author analyses potential category «political culture of Finland» in the sphere realiza-tion of gender balance.



В.М.Новик

«НЕТИПИЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОЙ НАЦИИ»

Статья посвящена доценту кафедры всеобщей истории Л.С. Пановой (1935-2009), читавшей для студентов исторического отделения в 1970-1990-е годы общий курс новейшей истории Запада и авторские спецкурсы. Многие события из жизни коллеги реконструированы на основе архивных данных и личной переписки автора статьи.

Ключевые слова: кафедра всеобщей истории; Марийский государственный университет; М.С. Эйсымонт; Л.С.Панова.

Именно так охарактеризовала себя Лариса Степановна Панова (1935-2009), проработавшая на кафедре всеобщей истории Марийского государственного университета почти два десятилетия - с 1976 по 1994 годы.

Цель данной публикации в том, чтобы воздать должное честной, скромной труженице, лишенной и тени тщеславия, доброму отзывчивому человеку, эрудиту с необычайно широким диапазоном знаний, организатору вузовской науки, внесшей большой вклад в подготовку молодых специалистов.

Источниками для написания статьи послужили архивные материалы Марийского государственного университета, отзывы коллег и студентов, с которыми работала Лариса Степановна, а также личная переписка, сохранившаяся в архиве автора статьи.

Как свидетельствуют сухие строки архивного дела, родилась Лариса Степановна 16 ноября 1935 года в селе Таволжан Северо-Казахстанской области в семье служащего. Вскоре семья переехала в Омск, где Лариса окончила десятилетку, а в 1956 году – Омский педагогический институт. Получив диплом о высшем образовании, Л.С. Панова в течение трех лет, с 1956 по 1959 годы, работала учителем истории в Рагозинской средней школе Седельниковского района Омской области. Затем в течение года преподавала политграмоту на курсах в Кооперативном училище Омского ОПС, а после этого приступила к работе инспектора на Омском почтамте.

Научная деятельность Л.С. Пановой началась в 1961 году, когда она поступила в аспирантуру на кафедре всеобщей истории Уральского государственного университета. Здесь под руководством к.и.н., доцента М.С. Эйсымонта появляются ее первые научные публикации: «Борьба французского и германского пролетариата с военной опасностью в период I марокканского кризиса (1905-1906 гг.)»,

«Внешнеполитическая программа немецких и французских социалистов в начале XX века». В 1964 году Л.С. Панова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Франко-немецкие пролетарские связи в антивоенном движении в период марокканских кризисов 1905-1911 гг.». В этом же году ее приняли на должность преподавателя в Карагандинский пединститут для чтения курса истории стран Запада. В этом вузе, который в 1972 году был преобразован в университет, она проработала до 1976 года¹.

Судьба распорядилась так, что, будучи на отдыхе в одном из советских санаториев, Л.С. Панова познакомилась с йошкаринкой, которая рассказала ей об удивительной природе Марийского края, резко контрастировавшей с пейзажами казахстанских степей, и, кроме того, сообщила о нехватке дипломированных специалистов в недавно открывшемся Марийском государственном университете. На присланный в оперативном порядке запрос в МарГУ был получен положительный ответ, и в начале ноября 1976 года Лариса Степановна была принята на должность старшего преподавателя кафедры всеобщей истории. На первых порах удача сопутствовала ей еще и в том, что при поддержке первого ректора Марийского государственного университета ректора В.Э. Коллы ей сравнительно легко удалось решить жилищную проблему – она обменяла карагандинскую квартиру на квартиру в Йошкар-Оле. На новом месте поддержку ей оказывали сын Евгений и мать – Валентина Михайловна. Но радость удачи вскоре была омрачена безвременным уходом из жизни матери, самого близкого и родного ей человека. Сильный характер, философский взгляд на жизнь помогли Ларисе Степановне пережить это горе.

Обладая аналитическим умом, широким диапазоном знаний, опытом работы в высшей школе, она с интересом приступила к чтению порученных ей курсов. Прежде всего, была разработана авторская концепция общего курса истории Западной Европы и Америки новейшего времени. Ценным и очень современным в научном творчестве оказался ее универсальный подход к истории: выявление общих тенденций и особенностей в различных процессах развития общества, стремление синтезировать в работе историка данные различных наук - филологии, философии, антропологии, лингвистики и др. Все это позволяло студентам совершенно по-новому взглянуть на многие процессы, происходящие в зарубежных странах, и на развитие общества в целом.

Особый интерес в этом плане представляли и ее спецкурсы – «Антивоенное движение в странах Западной Европы накануне Первой мировой войны», «Международные отношения в годы Второй мировой войны», «Политическая борьба во Франции после Второй мировой войны» и «Рабочее движение на Западе после Второй мировой войны». Смелость и оригинальность мыслей Ларисы Степановны, излагаемые в читаемых курсах и спецкурсах, требовательность при проверке знаний, к сожалению порой наталкивались на непонимание. Видимо, это сказалось и на низком рейтинге в проводимых в то время от времени опросах «Преподаватель глазами студентов». Но, к счастью, были и объективные, вполне заслуженные оценки читаемых курсов Ларисы Степановны. Так, ученица Ларисы Степановны Т.Г. Нефедова, ныне сама доцент кафедры всеобщей истории МарГУ, кандидат исторических наук, с благодарностью вспоминает, что «по рекомендации Ларисы Степановны стала преподавателем кафедры истории пединститута. Ее лекции

внешне казались неброскими, ровными, без эмоциональных всплесков, но были очень содержательны, заставляли думать, задаваться вопросами. Она сама, читая лекционный курс, размышляла, делала порой неожиданные выводы. Ее суждения и оценки были оригинальны, у нее всегда было свое мнение»².

Выпускница кафедры всеобщей истории 1993 года, дипломница Ларисы Степановны, директор ОАО «Ростелеком» в Республике Марий Эл С.Г. Пашукова вспоминает о том, что по отношению к студентам Л.С. Панова всегда выступала Педагогом с большой буквы. В общении со студентами обнаруживалось умение Ларисы Степановны помочь разобраться в той или иной проблеме, научить, подсказать, дать нужный совет. С.Г. Пашукова жалеет лишь о том, что аудитория еще была не готова по достоинству оценить глубину ее мыслей, теорий и прогнозов. В качестве примера выпускница вспоминает острую дискуссию Ларисы Степановны с одним из «корифеев» курса, который пытался доказать лидерство США в будущем, на что Лариса Степановна с присущей ей неспешностью, убедительной аргументацией попыталась объяснить, что недалеко то время, когда вектор успешного исторического развития все больше будет склоняться на Восток и доминировать в этом развитии будет Китай. В последнее время мы убеждаемся в ее верных прогнозах. С.Г. Пашукова благодарна тому, что школа Пановой и работа над темой диплома «Неоконсервативная модель экономического развития Германии в 70-80 гг. XX в.» явилась стартовой площадкой для ее дальнейшей успешной карьеры.

Умение внимательно и вдумчиво определить интересы и потенциальные способности своих учеников, довести исследовательскую работу до реальных зримых результатов было одним из редких качеств Ларисы Степановны.

Так произошло с ее дипломницей Татьяной Меранвильд, ныне директором компании НОУ «Центр развития и дополнительного образования» в Санкт-Петербурге. В этом случае и ученица и Учитель были взаимно благодарны друг другу. Татьяна Меранвильд за то, что Лариса Степановна ценила в ней «большое усердие» и «глубокий ум», блестяще подготовила к поступлению в аспирантуру Санкт-Петербургского университета и во многом определила тему диссертационного исследования «Социокультурная интеграция перемещенных лиц (восточных немцев) западной Германии во второй половине 1940 – 1950-х годов. Лариса Степановна была рада успехам ученицы. В одном из писем уже после отъезда из Йошкар-Олы она заметила, что «может ей, Татьяне Меранвильд, удастся то, что не смог сделать в своей жизни Эйсмонт Вячеслав Станиславович (научный руководитель самой Ларисы Степановны – В.Н.), ведь ее тема в значительной степени соприкасается с его докторской, которую ему не дали защитить наши ученые – чинуши. Не дали завершить докторскую работу по Польше («черните польский социализм», а через два года после его смерти весь этот «социализм» развалился!). Ученица оправдала надежды своего Учителя, блестяще защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Обладея широкой эрудицией, точным видением предмета и тягой ко всему новому, Лариса Степановна не могла не ввести в программу специализации кафедры один из важнейших курсов – методологию исторических исследований. Довольно скромную оценку этому нововведению она дала в одном из писем: «Я

никогда не забуду, как мои почти беспомощные и очень робкие мысли в методологии истории вызвали неожиданный интерес у студентов и даже лаборантов кафедры». И сожалела лишь о том, что «не все коллеги захотели ее понять»³. Спустя некоторое время в письмах мы вновь вернулись к этой краеугольной проблеме исторического исследования, и она достаточно четко обозначила свое видение научных подходов, ссылаясь на опыт постмодернизма, который «ни в чем не ограничивает исследователя. Он избавляет его от заранее придуманных схем. Методология исследования – это ваше личное дело, ваш личный взгляд на исторический процесс, разумеется, в рамках здравого смысла, опыта других исследователей и времени, которое диктует вам свой императив».

Еще работая в МарГУ, Лариса Степановна в письменной форме изложила свое видение изучения истории на современном этапе. Она писала, что «в конце XX века эпицентр всего человеческого бытия сместился к полюсу культуры, причем произошло резкое отъединение идеи «культуры» от идей «образования», «цивилизации», «формации» и т.д., поскольку культура строится и развивается совсем по-другому, не по пути прогресса. Обнаруживается все более отчетливая, неразрывная связь культурных феноменов с этническим разнообразием человечества. Отсюда, как она считала, острота национальных проблем в конце XX века, ибо современная цивилизация подрывает основы этого разнообразия, культурную укорененность человека в бытии. Эти проблемы осмысливает историческая наука, но само это осмысление идет тяжело, особенно у нас, поскольку марксизм сконструировал формационный подход к изучению всемирной истории. А между тем современная историческая мысль предлагает новые связи и новые объяснения исторических явлений в русле социально-культурного контекста, которое отвергает схему «базис-надстройка». Новые подходы заостряют роль проблемы в историческом исследовании, новое понимание исторического источника и исторического факта, установление диалога современной эпохи и давно прошедшей. Историческая наука оказалась связанной теснее, чем было ранее с разными гуманитарными дисциплинами – с этнологией, культурной антропологией, социальной и исторической психологией, демографией, культурологией.

Указанные проблемы должны разрешаться не только в науке, они не менее важны в историческом образовании. Однако связь научных исследований с формированием научных курсов затруднено отсутствием механизма взаимодействия ученых и специалистов разных уровней. Необходимо формировать такой механизм с большим разнообразием форм (ассоциациями ученых и преподавателей, семинарами, конференциями и т.д.)

Рассуждения на эту тему продолжались и тогда, когда Лариса Степановна формально закончила свою карьеру преподавателя. Она с надеждой приняла период перестройки и ждала перемен в исторической науке. В одном из писем она делилась мыслями о том, что «изучение и преподавание истории должно радикально меняться, необходимо отказаться от жестких схем материалистического миропонимания, т.к. возник некий тупик. По-старому преподавать и заниматься наукой уже не имеет смысла, но к «перестройке» нас не приучили. Не надо ждать, что она будет проходить коллективно. Только индивидуально. А это значит, что для историков наступила благодатная пора: отказаться от штампов, искать корни явле-

ний, особенно исторических процессов (если они вообще есть в длительной перспективе), найти новые источники ... и творить».

«Неустанное желание познания», по собственному признанию Ларисы Степановны, способствовало тому, что она не ограничивала себя раз и навсегда разработанными спецкурсами. В последние годы перед выходом на заслуженный отдых, она читала совершенно уникальный курс – «Новые социальные движения на Западе». Для нее крайне важно было показать студентам, в каком направлении развивается западное общество, каков социальный состав, мотивация и конечная цель этих движений.

Работая на кафедре всеобщей истории, Лариса Степановна уделяла значительное внимание не только теоретическим проблемам новейшей истории Запада, обновлению концептуальных основ читаемых учебных дисциплин. Для нее важным было совершенствование методики оценки знаний студентов. Экзамены и зачеты она проводила по специально подготовленным программам с привлечением новейшей специальной литературы. Чтобы выявить творческие способности студента, его знания и умения, полученные в университете, Лариса Степановна, как научный руководитель, индивидуально определяла наиболее актуальные темы для исследования. По сути дела, она стремилась сформировать собственную школу научных исследований в рамках таких актуальных тем, как «Движение» зеленых» в ФРГ в 1970-1980 –е годы», «Новые социальные движения в современной Франции», «Феномен молодежных субкультур в период кризиса индустриальной цивилизации». Как новатор, она с первых шагов своей деятельности отказалась от традиционного формационного подхода в изучении истории и рассматривала исторические процессы в ином ракурсе — цивилизационном. Этот новый подход в 1980-ые годы вызывал бурные дискуссии при защите дипломных работ студентов под ее руководством, а в итоге – порой заниженные оценки за их творческий научный подход со стороны Государственной экзаменационной комиссии.

Преодолевая разного рода барьеры при чтении лекционных курсов и других видах занятий, она открывала студентам глубины науки, показывала, сколь труден путь к научной истине и сколь велика радость приобщения к ней.

Обладая острым историческим чутьем и профессиональным даром, Лариса Степановна не ограничивала себя рамками исследования новейшей истории стран Запада и Америки, историей антивоенного движения европейского пролетариата накануне Первой мировой войны, международных отношений периода Второй мировой войны, рабочего и коммунистического движения в развитых капиталистических странах. Для нее не существовало ни временных, ни географических, ни тематических ограничений в обсуждении проблем, когда она ни высказала свое компетентное мнение. Коллеги, кто понимал ее, ценили масштаб ума, добрые советы, отзывчивость. Ей они доверили и руководство кафедрой, которое она осуществляла с октября 1979 по февраль 1981 года. Однако принципиальность, бескомпромиссность, которые характеризовали стиль ее работы на разных направлениях, не приносили ей должного понимания и заслуженной оценки. Она не могла смириться, как писала позже в 1996 году в одном из писем, с «бюрократическим стилем жизни университета, факультета, кафедры. Общая картина советского бюрократизма никуда пока не исчезла. Творческий дух в преподавательских

кругах очень слаб и горит в одной отдельно взятой душе (если вообще горит). За бюрократическими штампами можно скрыть все: и безделье, и отсутствие знаний, и нежелание мыслить, и просто без помех спокойно «читать» свои лекции. Раскрывать свое «кредо» никому не хочется, так ведь безопаснее. Но именно это и создает застой и духоту атмосферы. Мне было невыносимо, в последнее время, и потому я без сожаления рассталась с университетом». Правда, уже тогда Ларису Степановну не оставляла надежда на перемены и она полагала, что «постепенно что-то будет меняться, не может это вечно продолжаться». Теперь мы с уверенностью можем сказать, что ее «пророчество» сбылось. Но для этого потребовалось без малого почти два десятилетия, чтобы новое руководство университета смело приступило к реформам.

После достижения пенсионного возраста Лариса Степановна, желая быть ближе к сыну, который работал в Череповце Вологодской области, обменяла квартиру, сначала на Углич, а позже на Череповец, где и прожила до последних дней своей жизни.

Несмотря на то, что Лариса Степановна уехала из Йошкар-Олы, связь с нею не была потеряна. Она охотно писала пространные письма – «трактаты» до 8-10 страниц, отвечала на самые разные вопросы, размышляла и излагала свою точку зрения на самые разные проблемы нашего бытия.

Одной из важнейших проблем, судя по письмам, «проблемой номер один», как считала Лариса Степановна – была проблема взаимосвязи человека и природы. «В этом смысле мы настоящие дикари» – такую нелестную оценку дала она нашему обществу. Ее повергала в ужас экологическая ситуация в Череповце, «который находится в зоне экологического бедствия из-за металлургического комбината, а череповчане в своей массе и думать не думают об экологии, продолжая суетиться в промышленном чаду». На ее взгляд, «индустриальная цивилизация подавила все природные инстинкты, все связи человека и природы. Но эта природа еще как-то оживляет поистине лунные пейзажи промышленных объектов. Именно природа какими-то неведомыми путями мешает нам, человекам, уничтожить все живое на земле, в том числе и самих себя».

Для нее связь с природой имела реальное воплощение: в Йошкар-Оле у нее в квартире постоянно жили собака Вальда и три-четыре бездомных кошки, спасенные ею от верной гибели. Этим кошкам она увезла с собой в Углич, а потом и в Череповец.

Лариса Степановна была в восторге от природы Марийского края, писала, что «в Угличе чувствует себя как на необитаемом острове, где утешает природа». Она даже порой сожалела о том, что не выбрала специальность, связанную с природой. Ее особенно радовал приход весны в Череповце. «Весна! – писала она. – Я рада, что могу быть хоть немного причастна к ее наступлению, потому что до природы рукой подать. По тропинке рыбаков, через лес, можно дойти до Волги, полюбоваться ее берегами, деревеньками с церквушками на левой стороне. Особенно замечателен Игорев ручей, впадающий в Волгу с высокого лесистого берега, откуда открывается удивительный вид на волжский поворот в сторону Рыбинска, речная даль, манящая куда-то за собой». В одном из писем читаем: «На исходе 2000 год, который поведет нас к новому тысячелетию, хотелось бы прочной почвы

под ногами в самом прямом смысле, т.е., чтобы наша Земля оставалась по-прежнему колыбелью человечества!» Ее пророческое видение сводится к тому, что «человечество и Россия, в том числе, будут жить возможно успешно, если позволит матушка-природа. Главное, чтобы бедная природа вынесла. Экология, более острая проблема, чем причуды политики».

В неменьшей мере волновали Ларису Степановну проблемы России и русского народа. «Что касается социальных и политических проблем в нашем государстве, они всегда были острыми, только сейчас многое открылось, появилась некая свобода, и то, что ее используют часто в отрицательном смысле, говорит лишь о потенциале зла, накопленного народом (властью в том числе) за столетие и особенно за XX век».

Лариса Степановна придерживалась мнения, что «народ достоин своей власти». Наш, русский народ, эту власть (причем, любую) не уважает и не верит ей. Живет стихийно, как Бог на душу положит. И только Бог может эту душу чем-нибудь здоровым наполнить, но не власть и не мудрые политики! Однако Бог, как видно, дал слишком много воли человеку. И он не ведает, что творит. Прогноз на будущее связан не с социальным злом или добром, а с глобальной проблемой самой жизни на земле. Радует только одно, что эту проблему осознает молодое поколение». Такой вывод она делает после просмотра фильма Г. Сукачева «Кризис среднего возраста». «Люди же в целом над этой проблемой не задумываются, власти действуют все в том же духе - «была бы великая Россия!» Хотя именно сейчас (после распада СССР – *В.Н.*) стоило бы задуматься: что делать дальше? Чего хотим мы как народ достигнуть? Какова наша система ценностей? Пока наша жизнь строится по закономерностям наших мыслей и представлений о себе, о других, о мире, о ценностях. Как думаем, так и живем, а материальные и иные условия тут на последнем месте». Что касается ценностей русского народа, то здесь Лариса Степановна была солидарна с Н. Гумилевым в том, что «наш народ, с момента образования Московской Руси, взял на вооружение идеальные ценности. Не материальные, как все прочие этносы, а именно идеальные, в том смысле, что они не поддаются пониманию с точки зрения здравого смысла. Отсюда «загадочная русская душа!» Иначе как можно объяснить наличие огромной территории государства, но так и не обустроенной даже в XXI веке?»

Своя точка зрения была у Ларисы Степановны и на проводимые реформы в России, ходом которых она была разочарована и объясняла это тем, что «мы как общество, как этнос к рыночным реформам не готовы, и самое печальное – будем ли готовы? В сущности – «не по Сеньке шапка». Наш русский этнос, как и этносы, населяющие Россию, остались где-то на распутье между аграрной и индустриальной цивилизациями. Аграрная цивилизация – это жизнь за счет территорий, их расширения, это косность и отсутствие нового типа личности в индустриальный век. Индустриальное развитие было искусственно ускорено в советское время с помощью государства, которое буквально насильно, не считаясь ни с какими жертвами, построило уродливую индустриальную экономику, подчиненную не интересам общества, а интересам государства, интересам «мирового» сюрреализма. Сам человек в этих условиях так и остался «рабом» государства. Поэтому в последующую эпоху, которая началась в 50-60-х гг. XX века, он оказался не спо-

собен ни к восприятию демократии, без которого невозможен экономический прогресс, ни к заимствованию западных технологий (кроме военных отраслей). Но ведь ВПК - бездоходное производство, и можно считать его паразитом на теле гражданского общества. Еще задолго до перестройки можно было понять, какую экономику мы создали в советское время. И она как-то развивалась за счет добывающих отраслей, за счет огромной территории и сравнительно небольшого населения для такой территории». Можно ли реформировать нашу экономику? – задает риторический вопрос Лариса Степановна и сама же отвечает на него: «Можно, но только не так быстро, и главное, чтобы государство и граждане отказались от бредовых идей «великой России», бюджетные деньги направили в экономику, и, что еще особенно важно, не уповать только на государство, но и самим активно действовать на каждом конкретном месте. Мы не можем сравняться с Западом и с некоторой завистьюзираем на них, но там, при всех издержках общество все же живет для себя, а не для мифических, идеальных целей. Мы же должны принять для себя примат ценностных ориентаций. Именно они делают данный этнос или общество тем или иным, а не какие-то объективные условия, которые на земле примерно одинаковые».

В переписке с Ларисой Степановной неоднократно заходила речь об институтах демократии. Обладая большой эрудицией, она аргументировано выстраивала свое видение этого феномена, выявляя его истоки и особенности, как на Западе, так и в России. «Гражданское общество или, вернее, идея сама, – как она полагала, – началась на Западе с христианства. Именно христианство назвало человека творением Бога по своему образу и подобию, вознесло его над миром природы. Но ранее христианство не представляло, какова будет его эволюция и как человек на Западе в конце концов превратит (далее она ссылается на немецкого философа О. Шпенглера) мораль Иисуса: статически-духовное, предписанное магическим мироощущением в качестве целительного средства поведения... в повелительную мораль, что произошло уже в раннеготическую эпоху. Человек Запада, вооруженный впоследствии философией Просвещения, создал гражданское общество и демократические институты, которые призваны были соединить свободу личности и равенство».

Как пытаются представить это гражданское общество воочию, например, американцы со всеми его достоинствами и недостатками, она усмотрела в популярном в то время телесериале «Санта-Барбара». Простой обыватель-телезритель, как правило, видел в нем лишь любовные сцены, интриги, чувственные переживания и т.д. Лариса Степановна в первую очередь обратила внимание на то, как ставится проблема свободы и прав личности на всех уровнях жизни американцев в отношениях с государственными институтами и в социуме, в семье как ячейке этого социума. «Герои только и твердят, – подчеркивает она, – меня не тронь, я так считаю, это мое право и т.д. Причем эта личность — гражданин, т.е. весьма активная, достойная и все анализирующая. Многие достигнув на этом пути, Запад стремится распространить его ценности на все человечество, часто забывая, что другие народы и религии исходят совсем из других ценностных ориентаций. Но эта же «Санта-Барбара» демонстрирует постоянное бессилие демократии перед темным, иррациональным началом в человеке, непредсказуемостью его поведения, называя это

«болезнью» («больна» Помела, «болен» майор Гамильтон и т.д.). «Гражданское общество построено на «разуме», «на здравом смысле». Оно достигло немалого комфорта в материальной сфере. Однако духовная сфера жизни оказалась ему не по зубам. Христианская мораль постоянно пасует перед эгоизмом человека, а достижения цивилизации ловчей всего используют подонки. К тому же западная демократия не с неба упала, а государство её не преподнесло обществу. Она сформировалась в многовековой борьбе различных социальных и политических сил и государства, пока, наконец, не установилось некое равновесие. Государство породило само общество, и оно же должно было, это государство, его силовые и властные институты как-то умирять, подчинять общественным интересам».

Переходя к нашей российской действительности, Лариса Степановна отмечает, что «у нас же эта тяжба почти незаметна в ходе истории. Общество российское заняло пассивные позиции, и до сих пор положение не изменилось... Если бы люди поняли, что только их активность на разных уровнях и на законных основаниях есть единственный путь к подлинной демократии, и что эта активность с положительными результатами и есть сама демократия, тогда можно было бы думать о перспективах».

Мы представляем демократию как какое-то благо, преподнесенное государством, т.н. властью. Не было этого нигде и никогда не будет! – убеждена Лариса Степановна. Следовательно, и гражданами нас назвать нельзя. Мы просто население. Гражданин – социально ответственная, активная, знающая законы и уважающая свои права и демократические институты личность. На Западе получился перекосяк в сторону эгоистической личности, которая подмяла природу и создала экономику безудержного потребления, грозящего уничтожить саму планету. Демократия западного образца, видимо, не для нас и, конечно, не для Востока. Не нужно слепо копировать Запад. Надо идти только в сторону самопомощи, самоуправления, а властям предъявлять счет: куда тратятся деньги бюджета и т.д.?»

Хочется процитировать и следующие фрагменты из писем Ларисы Степановны, относящихся к этой проблеме «Мы с завистью смотрим на Запад, в основном на его материальные успехи и хотели бы этого достичь ради человека. Но мы другие в своей жизни, в быту — больше созерцатели и природопользователи. И если кто-то побуждает нас к активной деятельности, то это не мы сами, а наше государство...»

Гражданское общество Запада — это его культурный феномен. Его нельзя создать по известной схеме там, где нет подобных истоков. И я лично не верю, что оно у нас сформируется. Ведь такое общество у нас не примет большинство, а моя симпатия к нему мало что значит. Я нетипичный представитель русской нации... Но не нахожу понимания среди окружающих». Насколько и когда наши граждане осознают идеи и смысл демократии покажет время.

Время показало, что обсуждаемые в письмах Ларисы Степановны проблемы остаются достаточно острыми и сегодня. Об этом пишут известные отечественные правоведы. «Идея гражданского общества, – считает О.В. Орлова, – не получила должной легитимации в общественном сознании, не выросла в сознание и быт российского человека, ибо не учитывает российских традиций, менталитета, «при-

вычного» неверия в демократию и власть (имеющие серьезные исторические корни)³. Не ориентирует на преодоление правового нигилизма российских граждан и Основной закон нашего государства. «Ключевые институты гражданского общества, - считает Н.А. Боброва, - прописаны в Конституции РФ крайне недостаточно»⁴. Неутешительны оценки и Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который констатирует, что «значительная и, похоже, социально-политически наиболее активная часть нашего образованного и материально состоятельного общества нисколько не приблизилась к пониманию и внутреннему принятию основ демократического гражданского общества и правового государства»⁵.

Эти приведенные высказывания современных ученых и политиков лишней раз подтверждают размышления и прогнозы Ларисы Степановны Пановой, которые она привела почти 20 лет тому назад.

В контексте общих рассуждений о превосходстве западной цивилизации над остальным миром, может показаться, что Лариса Степановна была склонна видеть только его позитивные перемены. Безукоризненная и глубоко осмысленная проработка многочисленных материалов, всесторонний анализ причин и следствий, реалистическое понимание современного мира позволили ей сделать неутешительный прогноз и в отношении развития Запада. «Не одни мы в мире, - пишет Лариса Степановна, - такие недотепы и неумехи. Даже благополучный Запад с его либеральными ценностями и кровожаден, и эгоистичен, и ограничен в своих расчетах на будущее. Ему придется в XXI веке уйти в глухую оборону, а нынешний дикий Восток будет командовать на Земле. России же предрекают дальнейший распад. Я в этом прогнозе вижу реальные резоны. Сотни тысяч лет человечество медленно продвигалось тропами аграрной цивилизации и вдруг за три века индустриальной — понеслось вскачь, поставив под угрозу и себя и всю живую природу. Еще недавно вера в науку, в социальный прогресс была всеобщей. Теперь на исходе XX века, оптимизма поубавилось. Индустриальный, а теперь постиндустриальный прогресс оказались для человечества опасной игрушкой».

Представление о Ларисе Степановне как о мудром человеке и прозорливом ученом было бы неполным, если бы мы не сказали и о ее смелой гражданской позиции, открыто заявленной в своих лекциях о развале СССР еще во второй половине 80-х годов XX века в телеграмме, направленной в Кремль с поддержкой Б.Н.Ельцина, после путча 1993 года.

Следует сказать и о том, что даже не будучи членом КПСС, Лариса Степановна должна была держать ответ в парткоме, чтобы объяснить свои «крамольные мысли», высказанные ею в окружении коллег, частных беседах и в студенческих аудиториях.

Оригинальны были ее философские размышления о том, что человечество в будущем предстанет в форме эфира и не будет нуждаться в материальных благах.

Неоднократно она высказывала мысль и о том, что человек не может создать того, чего не существует в природе. «Природа совершеннее человека, который ее копирует. Пчелы, например, строят соты без предварительных чертежей, как и птицы свои гнезда».

В заключение можно лишь выразить большое сожаление о том, что Ларисе Степановне не хватило времени довести свои идеи и мысли до логического за-

вершения в виде каких-то публикаций. Стройно, глубоко аргументировано выстраивая свои теории, она почему-то не желала, а порой и не считала нужным оформить их в научные исследования, которые так нужны были коллегам и студентам. Сама она объясняла это тем, что «по натуре была более склонна размышлять, а не действовать, тратить свои скудные средства на книги, за редким исключением – на отдых».

Хочется, чтобы смелые идеи и мысли Ларисы Степановны Пановой стали известны широкому кругу читателей, и тем самым мы сохранили о ней долгую память.



Примечания

¹ Архив Марийского государственного университета. Фонд № 375. Ед.хр. 2607.

² 25 лет кафедре всеобщей истории. Йошкар-Ола, 1997. С.1

³ Орлова О.В. Понятие и предпосылки возникновения и развития гражданского общества в России. //Государство и право .2013.№7. С.25

⁴ Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России.//Конституционное и муниципальное право . 2013.№3. С.37

⁵ Зорькин В.Д. Россия: движение к праву или хаосу? Социально-государственный кризис и правовая система//Российская газета. 2012. 26 января.

V. M. Novick

«THE ATYPICAL REPRESENTATIVE OF THE RUSSIAN NATION»

Key words: *the Department of World history; the Mary state university; M.S. Asimont; L.S. Panova.*

The article is dedicated to associate professor L.S. Panova (1935-2009), the Department of World history, taught the course of the History the Western civilization in modern time and some special courses. The reconstruction of her life is based on archival materials and the correspondence of the author of this article.



К.Н. Сануков

СТАЖИРОВКА В ИНСТИТУТЕ ДЖОРДЖА КЕННАНА (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Публикуются отрывки из воспоминаний, связанные с периодом стажировки в США по гранту Института Д. Кеннана – история подачи заявки, встречи в Вашингтоне, планы дальнейших американских исследований. Приведена библиография научных трудов автора по истории национальной политики в России.

Ключевые слова: *Институт Д. Кеннана; научная стажировка; национальная политика России; малочисленные народы.*

В начале августа 1995 года в столице Польши, городе Варшаве, состоялся V Всемирный конгресс Международного Совета по изучению Центральной и Восточной Европы (ICSEES).

Во время работы конгресса я хотел познакомиться с человеком, фамилия которого была указана в программе. Это - директор Института Джорджа Кеннана по изучению актуальных российских исследований из Вашингтона Блэр Рубл. Мне было известно, что этот институт проводит конкурсы на краткосрочные и продолжительные (до шести месяцев) научные стажировки ученых. В свое время я «из спортивного интереса» заполнил анкету для участия в конкурсе. А одним из главных условий было хорошее знание английского языка. Я набрался смелости (если не сказать – нахальства) и положительно ответил на этот вопрос. Когда жена выразила сомнение во всей этой затее, я её успокоил: «Не бойся, они не такие легковверные, обязательно устроят проверку, которую я не выдержу». И на самом деле, как принято говорить, в один прекрасный день (вернее – вечер) раздался телефонный звонок из Вашингтона и начался разговор на английском языке. Когда через несколько минут «беседы» я уже весь вспотел, на том конце провода перешли на русский язык и уже на нем вежливо закончили разговор. «Ну вот, – говорю жене, – успокойся. Никуда я не поеду. Ты видела, вернее слышала результаты испытания». Но на следующий день она мне звонит на работу и говорит, что звонили из Вашингтона и сообщили, что моя кандидатура утверждена. Так я выиграл шестимесячный грант на поездку в Америку. Видимо, их прельстила необычная тема моей заявки: «Исторический опыт советской национальной политики в отношении малочисленных народов». И вот теперь в Варшаве я должен был воспользоваться случаем и представиться директору Института. Я разыскал аудиторию, где работала секция, которой он руководил, дождался пе-

рерыва и познакомился. Мы договорились о приблизительном сроке моего приезда в Вашингтон.

До этого, в 1993 году, я выиграл грант фонда Макартуров, представив проект по теме о положении с правами человека в России в отношении малочисленных народов и национальных меньшинств. (Только с сожалением приходится отметить, что на полученные доллары я успел только купить компьютер и немного профильной литературы, а основную сумму, предназначенную на командировки, в том числе для получения сравнительных сведений – к норвежским саами, и на издание книги, положил в банк «Аяр», где они «сгорели» в связи с его банкротством). Я по проекту на крупной международной конференции, проведенной фондом Макартуров в Киеве в сентябре 1995 года, сделал основательный доклад – отчет.

Теперь надо было приступать к работе по гранту Института Кеннана. Если по гранту Фонда Макартуров обязательным условием было выполнение работы в России, без выезда в США, то у Института Кеннана было противоположное условие – работа должна выполняться в Штатах.

21 декабря 1995 года самолетом авиакомпании «Delta» я вылетел из Москвы в Вашингтон по программе Института Кеннана. Там были созданы прекрасные условия для работы. Однокомнатная квартира, отдельный кабинет в институте с компьютером и телефоном, по которому можно было бесплатно звонить в любой город США; факсом и электронной почтой разрешалось пользоваться по всему миру. К нашим услугам имелся ксерокс. Среди стажеров одновременно со мной находились занимавшиеся разными темами в основном молодые ученые с разных концов бывшего СССР: Петербурга, Новосибирска, Таджикистана, Украины, Казахстана. Библиотека самого института была не очень богатая, особенно по моей тематике, но можно было заказать любую литературу из Библиотеки Конгресса. Впрочем, и само это богатейшее в мире книгохранилище находилось недалеко как от института, так и от моей квартиры.

Вскоре после приезда я позвонил Ллойд Гедра, американскому венгру, с которым познакомился в августе на Международном конгрессе финно-угроведов в городе Ювяскюля в Финляндии. Мы теперь встретились в Вашингтоне. Он до недавнего выхода на пенсию работал в библиотеке Конгресса в отделе комплектации литературы на славянских языках. Но прежде чем вести меня в этот отдел, он научил меня пользоваться электронным каталогом библиотеки. Начал он это оригинально: набрал слово «Sanukov» – и на экране появилось пять названий. Я и думать не мог, что здесь могут быть мои книги. Проведя подробное занятие со мной по пользованию каталогом, Ллойд долго водил меня по библиотеке и привел в большое помещение комплектования. Подведя к одному из своих бывших коллег, сидящему за столом, заваленном новыми книгами, он представил меня: «Профессор Ксенофонт Сануков из России, Марийской Республики». И коллега с каким-то недоумением (или удивлением) долго смотрел на меня как бы пытаясь вспомнить что-то, а потом суетливо стал перекладывать, переворачивать книги на столе. Я не мог понять, что происходит. Затем слышу: «Вот она, нашёл». И протягивает книгу Кима Васина «Чумбылат могучий», которую недавно зарегистрировал. Значит, он при этом обратил внимание и на автора после-

слова к книге. А оно было написано мною. Я не удержался от нескромности, и передал ему библиографическую брошюру о себе, изданную в марте того года нашей Национальной библиотекой, за что затем по почте получил благодарственное письмо от дирекции Библиотеки Конгресса.

И еще было несколько сюрпризов, связанных с нашей республикой. Однажды, после телефонного сигнала сняв трубку, я услышал: «Поро кече (т.е. «Добрый день» по-марийски), профессор Сануков». Звонивший представился: «Ален» Франк, изучаю историю (особенно конфессиональную) народов Поволжья. Мы затем с ним встречались, он подарил мне несколько своих публикаций, в которых были материалы и о язычестве марийцев, об их христианизации и взаимодействии с исламским миром. Меня также разыскал Марк Уайтхауз, который тоже вместе с другими малочисленными народами собирал для своей диссертации материалы и о марийцах. В ноябре предыдущего года он был в Йошкар-Оле на конференции финно-угроведов, правда, только в качестве слушателя. Тогда он даже был у меня дома, я во многом помог ему материалами и вскользь сказал, что подал заявку на конкурс в Институт Кеннана и если повезет, то где-то через год буду в Вашингтоне. И вот теперь он узнал, что я в Америке, созвонился со мной, и мы встретились. В одно воскресенье с раннего утра он повез меня в увлекательную экскурсию по штатам Мэриленд и Вирджиния, к Атлантическому побережью и по знаменитому Национальному парку Шенандоу, который включен в число 100 лучших природных памятников планеты.

Институт Кеннана и Центр Вудро Вильсона регулярно организовывали не только наши выступления, но и различные симпозиумы, встречи, дискуссии, бесплатное посещение музеев и это обогатило нас интеллектуально. 5 февраля 1996 года я впервые (и вообще единственный раз) отмечал свой день рождения в другой стране.

Дирекция института предоставляла возможность ездить по стране и по договоренности с различными университетами читать там лекции и участвовать на конференциях. Я тоже этим хотел воспользоваться. Через посредничество стипендиата из Сан-Франциско Ди-Анн Пэннер была достигнута договоренность о моей лекции 14 марта в Калифорнийском университете Бэркли, там в начале марта уже было вывешено об этом объявление, а у меня в кармане имелся авиабилет Вашингтон–Сан-Франциско–Вашингтон. С Гейл Лapidус, профессором Станфордского университета, расположенного рядом с Беркли, тоже договорились, что я буду у них. А главное, через некоторое время она сообщила, что постарается организовать мне оттуда кратковременное посещение Аляски, чтобы ознакомиться с ситуацией алеутов.

Сразу по приезде в Вашингтон я связался с Индианским университетом в Блумингтоне, где сложился коллектив, занимающийся финно-угроведением и урало-алтаистикой. Молодой профессор Джеффри Харлиг с кафедры даже побывал у нас в Йошкар-Оле, был у меня в гостях. Но когда я позвонил по его телефону, его в Блумингтоне не оказалось: он уехал на время в Будапешт (вскоре он мне оттуда написал, что вернется в начале апреля). С руководителем кафедры Дьюла Дечи, венгром по происхождению, мы несколько раз созванивались и договорились о моем визите в Индианский университет в апреле.

Где-то в конце февраля в Институте Кеннана появился Натаниэль Найт с Гавайских островов. Он тоже занимался близкими мне этническими проблемами. Мы взаимно ознакомили друг друга со своими материалами и наработками. И он как-то сказал, что до конца учебного года еще времени немало и он попробует организовать мое приглашение в Гонолулу в Гавайский университет.

После переговоров и переписки с Катрин Капке из г. Сиэтла, с которой я познакомился в Гааге на конференции ООН, она сообщила, что мой доклад будет включен в программу итоговой конференции, которая состоится в университете Сиэтла в мае. Также институт Кеннана сформировал «панель» в составе меня стажеров из Таджикистана, Новосибирска, и Казахстана для участия на ежегодной Конференции Американской Ассоциации по изучению России и Восточной Европы в Нью-Йорке в конце мая.

Руководство института по моей просьбе начало вести переговоры с советом индейцев штата Нью-Мексико о моем недельном посещении в июне одной из индейских резерваций.

Таким образом, получается, что на вторую половину моего пребывания в США намечалось самое интересное из всей программы (и сверх программы) стажировки в Институте Кеннана.

Но ... к большому сожалению, судьба оказалась ко мне неблагоприятной, и ничему этому не суждено было осуществиться. Дома тяжело заболела мама жены и оказалась в больнице, жена Нина, намучившись и отчаявшись, тоже сорвала здоровье и должна была лечь в больницу. И она меня просила бросить всё и вернуться домой. Пришлось сдать обратно билет на Сан-Франциско, а билет Вашингтон-Москва, оформленный на 22 июня, переоформить на 7 марта и срочно покинуть Америку, используя только половину выигранного по гранту срока.

Хотя я не выполнил полностью обязательства перед Институтом Кеннана, сделанные там на основе изучения англоязычной литературы и общения с американскими коллегами наработки (особенно методологические) очень мне помогли в дальнейшей работе.

Избранная библиография трудов К.Н. Санукова, посвященных проблемам национальной политики в России

Die finnisch-ugrischen Volker Russlands. Gesellschaftspolitische Situation und Nationalbewegungen - aus der Sicht eines Insiders/ Osteuropa. 1996, №3. S. 237-254.

Национальный вопрос и национальная политика в Российской Федерации на современном этапе // Народы Содружества Независимых Государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. Тезисы Международного научного конгресса. Санкт - Петербург, 15-17 мая 1996 г. Том III. СПб. 1996. - с. 147-149.

Small Nationalities and Ethnic Minorities in Russia: the Case of the Finno-Ugrian Peoples/ Paul Dukes, Cathrin Brennan, Xenofont Sanukov, Jean Houbert. Time, Place and Action: Quincentennial Perspectives on Russia, East and Central Europe. - Centre for Russian, East and Central European Studies, University of Aberdeen, 1996. - p. 15-24.

Die Nationalbevegungen der kleiner Volker der Mittleren Wolga (Mari, Mordwinen, Tschuwaschen, Udmurten) / Kappeler Andreas (Hrsg.). Regionalismus und Nationalismus in Russland. Baden-Baden. 1996. S. 87-103.

Stalinist Terror in the Mari Republic: the Attack on 'Finno-Ugrian Bourgeois Nationalism' / The Slavonic and East European Review. Volume 74. № 4. October 1996. P. 658-682.

Проблемы национальной политики на современном этапе // Национальные отношения и государственная национальная политика в Республике Марий Эл. Материалы научно-практической конференции, 25-26 апреля 1997 г. - Йошкар-Ола, 1997. С. 22-29.

Национальная политика в современной России // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. 1-5 июня 1997 г. Резюме докладов и сообщений. Часть I. Уфа. 1997. С. 116-117.

История нерусских народов в советской историографии // Исторические очерки: Материалы научной конференции III Тарасовские чтения (19-20 марта 1997 г.). Йошкар-Ола. 1997. С. 145-151.

Этнокультурное взаимодействие в многонациональном обществе // Диалог культур и культурная политика государства в полиэтническом регионе. Материалы постоянно действующего регионального научного семинара. Йошкар-Ола, 1997. С. 14-21.

Изучение истории нерусских народов России: опыт сравнительной историографии // Гуманитарное знание на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции. Тезисы докладов. Ижевск, 1997. С. 106-107.

Гуманитарные знания и диалог культур // Российско-американское сотрудничество: образование и перспективы развития. Материалы I Российско-Американской региональной конференции 9-11 октября 1997 года. Йошкар-Ола, 1997. С. 74-76.

Human Rights Problems: The Situation of the Non-Russian Peoples in Russia/ International Conference on Communist and Post-Communist Societies. Abstracts. Melbourne. 1998. 20 p.

Советский опыт национальной политики и современные проблемы национальных отношений в России // Система ценностей российской национальной политики. Казань, 1998. С. 12-14.

Проблема национальной школы у нерусских народов России // Профессионализм, образование, нравственность и будущее России. Материалы Всероссийской учредительной конференции участников академических обменов между Россией и США. 31 мая - 1 июня 1997 года. М.: ЮСИА, 1999. С. 282-284.

Народы России в их взаимодействии: историческое наследие и современность // Современное гуманитарное знание и социальная практика в поисках новой парадигмы: опыт междисциплинарного диалога. Йошкар-Ола, 1999. С. 38-42.

К вопросу о природе и причинах этнических конфликтов // Там же. С. 86-88.

К вопросу о формировании демократического федерализма в России // Регионы России: взаимодействие и развитие (междисциплинарный подход). Материалы конференции. Ростов-на-Дону, 2-4 июля 1999 года. М., 2001. С. 66-69.

Репрессирование национальной интеллигенции - стержень советской национальной политики в 1930-е годы (на примере финно-угорских народов) // Политические репрессии в России: XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар. 2001. С. 160-167.

Ethnic Identity of the Mari: Between the Slavic and Turkic Worlds / Eurasian Studies Yearbook. № 4(2002). Eurolingua. Bloomington, 2002. P. 5-24.

Формирование гражданского общества в условиях многонациональной России // Пути развития образования в XXI веке. Материалы III Российско-Американской региональной конференции. 30-31 октября 2002 года. Йошкар-Ола, 2002. С. 113-115.

Взаимоотношения между Центром и республиками в политике российского руководства // Историк и время: проблемы социально-экономического и политического развития. Сб. научных статей и сообщений. Казань, 2003. С. 136-145.

K.N. Sanukov

THE PROBATION PERIOD IN THE D. KENNAN'S INSTITUTE

Key words: *D. Kennan's institute; scientific probation period; national policy of Russia; small number peoples.*

The extracts of memory, constrained with probation period in USA according to grant of D. Kennan's institute publishes in articles, of occurrence, the history of giving

of the application form the meeting in Washington, plans of subsequent american investigations, which was not succeeded. Bibliography of scientific works of he history of national policy in Russia.

В.И. Кейдан

АКАФИСТ МУССОЛИНИ

Рассмотрен сюжет из истории русского зарубежья: на основе материалов итальянских спецслужб эпохи фашизма из Центрального архива Италии показана судьба советской беженки Н.С. Дефендовой.

Ключевые слова: *Муссолини; Московский художественный театр; Дефендова.*

Страницы биографии русской беженки Натальи Серафимовны Дефендовой (30.03.1887, Тамбов – 6.07.1965, Рим) по архивным материалам итальянских спецслужб эпохи фашизма

Жили в Москве три сестры-христианки: старшая, Ольга, посвятила себя служению преследуемым христианам; средняя сестра, Мария, учительница, после революционных потрясений провела остаток жизни в больнице; самая младшая, Наталья, посвятила себя уходу за больным мальчиком, оставленным родителями в Италии¹.

Семья в конце XIX века переехала из Тамбова в Москву. Здесь отец, Дефендов Серафим Данилович, был назначен помощником главного смотрителя Странноприимного дома гр. Шереметьева, на Сухаревской площади² и к 1916 дослужился до чина статского советника. Со временем становится старостой соседней церкви Живоначальной Троицы. Здесь же и поселились всей семьёй в служебной квартире³. Чин статского советника соответствовал званию армейского полковника. Логично предположить, что Борис Пастернак, по крайней мере, слышал эту редкую фамилию, а возможно и был знаком с кем-то из этой семьи, потому что назвал одну из героинь повести «Детство Люверс» «Лиза Дефендова, дочка псаломщика».

В предреволюционные годы на отдыхе в Крыму Наталья подружилась с молодой актрисой Московского Художественного театра, Ольгой Владимировной Баклановой (1896-1974), получившей в 1925 г. одной из первых звание Заслуженной артистки РСФСР. В возрасте шестнадцати лет Ольга приняла участие в конкурсном наборе в Московский художественный театр. Несмотря на высокую конкуренцию — на три вакансии претендовало 400 девушек, — она была принята в труппу под руководством К. С. Станиславского и с успехом начала выступать на сцене театра, приняв участие в постановках по произведениям Пушкина, Чехова, Тургенева, Шекспира и Диккенса, однако ровное развитие её карьеры оборвала Октябрьская революция 1917 года. После переворота, во время которого

был убит её отец, всю большую семью Баклановых переселили в одну комнату в их бывшем особняке. После того, как в 1919 году по инициативе Немировича-Данченко была основана Музыкальная студия⁴, призванная подарить классическим пьесам новое авангардное звучание, Ольга начала брать уроки вокала и танца и между 1920 и 1925 годами с блеском приняла участие в пяти больших постановках. В 1922 г. Бакланова выходит замуж за московского юриста, а впоследствии актёра IV студии МХАТ, Владимира Эрнестовича Цоппи⁵, и в 1923 г. у неё рождается сын, также названный Владимиром⁶. Однако упорные театральные слухи называют этот брак фиктивным и приписывают отцовство мальчика Владимиру Ивановичу Немировичу-Данченко, который откровенно выделял красавицу-актрису своим вниманием. Ребёнок с рождения страдал детским церебральным параличом, эпилептическими припадками и отставал в развитии. Актриса приглашает Наталью Дефендову в няни и воспитательницы беспомощному Владимиру, в итоге та становится его второй матерью. В 1926 году Бакланова-Цоппи во время гастролей труппы в Европе и США принимает решение остаться на Западе. Вскоре она получает первую роль в Голливуде, а затем на несколько лет становится кинозвездой⁷. В 1927 г. няня с ребёнком уезжают на лечение в Германию, затем переезжают в Латвию. Получив в феврале развод от Цоппи, Бакланова 5 марта 1929 года вышла замуж за не слишком удачливого русского актёра Николая Сусанина, такого же эмигранта, как она сама.

В том же году по совету врачей Дефендова с мальчиком-инвалидом переезжает в Италию для лечения на термально-бальнеологических курортах: Сан-Ремо (1929), Виареджо (1929-1932), с 1932 в Монтекатини Терме. Спецслужбы сразу берут её под наблюдение:

КОРОЛЕВСКАЯ ПРЕФЕКТУРА г. ИМПЕРИЯ

В день 13 марта 1929 VI год фашистской эры⁸

Объект: Дефендова Наталия дочь Серафима и Аничковой Ольги

Рожденная в Тамбове 30 марта 1887

Гражданство: советская русская

Уважаемому МВД

Генеральной Дирекции Общественной безопасности

В Отдел общих и секретных дел

Имею честь довести до сведения уважаемого Министерства, что 5 числа сего месяца в Сан-Ремо прибыла из Латвии указанная выше подданная СССР, обладательница паспорта №127354, выданного в Москве 3 мая 1927 г. с визой итальянского консула в Риге от 17.2.1929 согласно разрешению министерства № 1569. По её словам она приехала в Италию с целью лечения вверенного её заботам больного ребёнка, Цоппи Владимира 7 лет, сына Владимира Цоппи и киноактрисы Ольги Баклановой-Сусаниной, сопровождающей их и имеющей вид на жительство в Америке. Вышеуказанная Дефендова запросила вид на жительство для себя и ребёнка сроком на полгода. Я установил над ней соответствующее наблюдение и буду своевременно докладывать о результатах.

Префект «Подпись нрзб.»⁹.

Вид на жительство был выдан и позже в течение многократно продлевался. Бакланова уехала в Америку на съёмки с обещанием регулярно переводить деньги на счёт воспитательницы.

Интересно отметить случайное (?) смысловое сочетание, заметное в первую очередь итальянцам, фамилий калеки и его заботливой воспитательницы, которые произведены от латинско-итальянских основ: zoppo – ит. ‘хромой’; defendere – лат. ‘охранять, защищать’. Вдумчивого итальянца это этимологическое наблюдение должно было умилять и вызывать симпатию.

Средства к существованию в первые годы итальянской жизни регулярно поступают от матери из США, которую здесь прозвали «русской тигрицей» после нескольких фильмов, где она создала яркие образы женщин-вамп. В 1932 году она снялась в фильме ужасов «Freaks» (Уродцы)¹⁰, в роли цирковой красавицы-гимнастки Клеопатры, в которую влюблен простодушный лилипут Ганс. Он разбогател, получив наследство, а жестокая красавица решает женить его на себе, чтобы потом убить. Однако актёры-калеки с врождёнными уродствами, выступающие в бродячем цирке на потеху грубым вкусам, отвергнутые и презираемые обществом, отомстят за своего брата так же жестоко, как Клеопатра и ее любовник Геркулес насмеялись над ними. Этот фильм вскоре после выхода был запрещён к показу в США по причине его обличительной жесткости и социальной провокационности. Однако помимо этого, соотнеся сюжет с мало кому известным фактом биографии актрисы, даже непрофессионал отметит, что она «отыгрывает» здесь свою жестокость и чувство вины по отношению к своему брошенному ребёнку-калеке. Только через 30 лет фильм был заново открыт и оказал большое влияние на неконформистские культурные течения 1960-х годов. В 1994 году фильм был внесён в «Национальный кино-реестр США»¹¹. После 1936 года, когда карьера Баклановой в кино стремительно идёт на убыль, она уже не в состоянии обеспечить сына и няню-воспитательницу, а со вступлением Италии в войну против СССР, США и союзников денежные переводы вовсе прекращаются, а сбережения быстро тают. Это подтверждается в секретной переписке наблюдателей спецслужб:

«...» Дефендова является воспитательницей и няней юного Владимира Владимировича Цоппи, рождённого 28.9.1922 (1923?), больного детским параличом и эпилепсией. Эти иностранцы находятся на содержании матери несовершеннолетнего Цоппи, киноактрисы, проживающей в Нью-Йорке (США). На их текущем счёту в сберегательной кассе в Монткатини-Терме на имя Цоппи и его воспитательницы хранится вклад в 23 000 лир, сумма, по словам вышеназванной, накопленная из денег, ежемесячно посылаемых на их содержание матерью Цоппи.

Префект Оливьери¹²

С началом 1938 г. МВД Итальянского королевства издаёт циркуляр, согласно которому полиция перестаёт продлевать вид на жительство лицам без гражданства или с неясным гражданством и не имеющим регулярного источника доходов. Советским гражданам с давно просроченными паспортами, Наталье Дефендовой и Владимиру Цоппи, грозит высылка в СССР. Беспомощная женщина, почувствовав опасность для своей и своего воспитанника жизни, обра-

щается с письмами лично к главе итальянского правительства Бенито Муссолини:

«Я, нижеподписавшаяся Дефендова Наталья, дочь покойного Серафима и покойной Ольги Аничковой, обращаюсь к Вам за справедливостью – позволить мне далее проживать в Вашей прекрасной Италии, где уже девять лет я с благодарностью живу и которая стала моей второй Родиной, без моего кровавого советского паспорта.

Я убежала из России, моей Родины, 3 мая 1927 года и прибыла в Ригу, сопровождая парализованного ребёнка, страдающего эпилепсией, где я ожидала мать ребёнка Ольгу Бакланову-Цоппи, ныне проживающую в Америке. Я по профессии медицинская сестра Красного Креста, приняла этого мальчика навсегда.

21 февраля 1929 года я прибыла в Вашу прекрасную страну в Сан-Ремо. Потом по совету профессоров я переехала в Монтекатини Терме, где чувствую себя очень хорошо.

Теперь согласно новому декрету я больше не могу жить здесь, что повергает меня в отчаяние. Я дочь царского генерала¹³, моя мать дочь министра из большой семьи, имевшей исторические заслуги перед императорской Россией. Вся семья погибла от голода, вызванного революцией¹⁴. В данный момент две мои сестры и брат¹⁵ находятся в заключении. В Москве я видела все ужасы революции и до сих пор нахожусь под их впечатлением. Будьте милосердны, я люблю только вашу страну, прекрасную Италию, это моя вторая Родина. От Вашего ответа зависит моя жизнь или смерть. Если я не могу проживать здесь без паспорта, выдайте мне, пожалуйста, специальное разрешение, потому что мне и моему ребёнку необходимо жить в тишине и покое, чтобы жить и умереть здесь, я уже старая, у меня большое сердце. Я предпочла бы умереть, чем брать красный (советский) паспорт! Я ужасно боюсь этих красных дьяволов, врагов всего мира, врагов Христа. Мой мальчик и я чувствуем себя полными фашистами, влюблёнными в прекрасную Италию.

Исполненная веры быть услышанной и понятой Вами.

Благодарная и с благоговением преданная Вам

Дефендова Наталья

25 февраля 1938 XVI¹⁶

7 августа 1941 года вся Италия была повержена в траур – в возрасте 23 лет погиб второй сын Бенито и Ракеле Муссолини Бруно. При испытании нового экспериментального четырёхмоторного итальянского бомбардировщика Piaggio P108 самолёт врезался в землю. В 1935 году, в возрасте 17 лет, Бруно стал самым молодым пилотом Королевских ВВС Италии; с 1940 генеральным директором авиакомпания «Лати». Принимал участие в бомбардировках Абиссинии, в гражданской войне в Испании и во II Мировой войне.

В следующем письме по случаю этой трагической утраты Дефендова пишет:

Его Высокопревосходительству

Бенито

Муссолини

Рим

8/8 41 XIX

Ваше Высокопревосходительство

Бенито Муссолини,

Скорби фашизма – наши скорби, а скорби главы – Отца фашизма – это неопишуемая и наша скорбь! Примите, Ваше Высокопревосходительство к Вашей б«ольшой», мировой, объединенной горем семье и наши две скорбящие души, молящиеся за Вашего драгоценного, незабвенного сына-гения, погибшего за правду, свет – воистину со святыми упокоится его Светлая Душа, где нет болезни и печалей и вздыханий, но жизнь бесконечная!¹⁷ Помогите Вам в скорбях Ваших – крепитесь, чтобы поддержать Вашу глубокочтимую и глубокоуважаемую Супругу, Семью и Его Семью!¹⁸ – Велик крест, но Господь с Вами и да утешит Он Сам Вас, Вашу Семью и Его Семью! Без креста и Христос не воскрес бы и не дал бы нам Св. Пасхи. Эта жизнь временная – испытание Вам, так много скорбей, горя приносит она – что делать – молимся усердно за Ваше здоровье и бодрость и умоляю Вас – берегите Свое драгоценное здоровье Отца Вселенной, Нового Мира – мужайтесь и носите на своей груди 90-ый псалом. Пусть кто-нибудь спишет его для всех Ваших родных и носите все, ибо ночь еще не окончилась, враг силен, но свет уже восходит, и день настает! Я давала такие листочки (вкладывая этот 90 псалом) с этим великим псалмом многим Вашим солдатам, и это очень ободряло их и помогает и спасает!¹⁹ Знаю, что не смею писать Вам, но мы чувствуем в Вас воистину Отца Мирового, а отцу можно писать, что есть на душе, и знаю и чувствую не только Вашу Мощь, величие, всемогущество, храбрость, но и Ваше доброе отеческое сердце и знаю, что Вы поймете нас и не осудите, и не рассердитесь! Христос с Вами и со всеми Вашими Родными и Вашей Идеей – Он посреди Вас и Ваш Щит и опора, поэтому грядет скорая вторая Пасха²⁰ и надо терпеть страстную неделю – что делать – Бог Вам и всем, кто с Вами и за Вас – в помощь. Всей душой и всем сердцем с Вами и мы, страждущие и скорбящие, Ваши русские-белые Наталия Дефендова и Владимир Цоппи.

Natalia Defendoff. Viale Francesco Crispi № 1. Montecatini Terme.

Дух вашего усопшего сына не умер, и Он с Вами со всеми и свыше будет благословлять вторую Пасху!²¹

Муссолини с одной стороны был безбожником и считал религию одним из видов психических заболеваний²². Поэтому Дефендова рисковала вызвать грубые насмешки со стороны дуче. С другой стороны он не призывал к уничтожению религии. В своей речи о Католической церкви он сказал: «Фашизм уважает Бога, аскетов, святых, героев и веру, которая наполняет молитвой сердца простых людей из народа. В отличие от большевизма, фашизм не пытается изгнать Бога из человеческих душ»²³.

Вероятно, прочитав дословный перевод столь религиозно-эмоционального послания, он был искренне растроган и взволнован, и поблагодарил русскую беженку за сочувствие в его горе через Ринальди, префекта провинции Пистойя. Смерть Бруно побудила отца написать брошюру под названием «Я разговариваю с Бруно», которая раскрывает близкие отношения между сыном и отцом, а также содержит мысли о фашизме, православии, католичестве и семейном благочестии. Видимо, из этого чиновник сделал вывод, что в данном случае в отношении без-

работной и беспаспортной советской гражданки и её подопечного надо сделать исключение из жёсткого требования циркуляра о депортации.

Но на этом письме, написанном в пафосно-мистическом стиле византийского цезарепоклонства, послания Дефендовой к итальянскому дуче не закончились. Проявив поразительные способности в области православной церковной гимнографии, в очередном экстатически идеологическом порыве она посылает текст, обращенный к фашистскому дуче и его германскому коллеге, написанный в форме акафиста²⁴, с которым православные верующие обращаются только к Богу и Его угодникам:

12/12 – 41. XX.

Радуйтесь, радостью от Бога Вам данною,
 Радуйтесь, просветители и победители зла мирового!
 Радуйтесь, учителя всей Вселенной!
 Радуйтесь, исполнители Воли Божией!
 Радуйтесь, страх врагам дающие и радость всей Вселенной!
 Радуйтесь, бесстрашно идущие на подвиг!
 Радуйтесь, герои страдающие!
 Радуйтесь, Новый Мир созидающие
 и дьявольские сети разрушающие,
 тайны и тьмы их открывающие!
 Радуйтесь глас Божий услышавшие
 И награду от Него заслуженную получающие!
 Радуйтесь, неслыханной от сотворения мира победе,
 Чуду явному, благословению Божию.
 Радуйтесь, ибо Вы даете свет, истину, источник правды,
 И побеждаете тьму, ложь безбожников-кровопийцев!
 Радуйтесь, христианство верующим возвращающие!
 Радуйтесь, всех томящихся под игом разбойников освобождающие!
 Радуйтесь, голодных кормящие и бедняков одевающие!
 Радуйтесь, похвалу, благодарность и любовь получающие!
 Радуйтесь, явно и тайно добрые дела делающие!
 Радуйтесь, добрым примером и других заставляющие следовать за Вами!
 Радуйтесь радостью, от Бога Вам данною,
 И награду заслуженную от Него получающие!

Так всегда поет мой Владимир и, благодаря, восхваляет Бенито Муссолини и Гитлера²⁵ и говорит: Кто не любит Муссолини, тот значит, не любит и Бога и не знает, где правда, где тьма – тот, значит, безбожник и наш враг, ибо фашизм – это голос Божий и Его благословение!

Муссолини – Солнце наше, светящее даже ночью, пусть Он осветит весь мир и научит всех и вся!²⁶

В ответ на излитый лично на него поток религиозно-мистических и квазилитургических высказываний и пожеланий, дуче не проявил ни гнева, ни раздражения. Подобная стилистика в обращении к нему была уже подготовлена «Школой фашистской мистики» основанной 10 апреля 1930 г. Её основателем был Никколо Джани, до поступления в университет - редактор ежедневной газеты

«Сronaca prealpina», основал Школу фашистской мистики Первыми сотрудниками Школы стали представители миланской университетской молодежи. Школа была названа именем Сандро Италико Муссолини - рано умершего племянника Дуче. Президентом школы стал брат Дуче Арнальдо Муссолини; в 1940 г. его сменил Вито Муссолини - один из сыновей Дуче: в определенном смысле Школа фашистской мистики стала общим делом семьи Муссолини. Среди сотрудников Школы можно было видеть иерархов фашистской партии (таких, как Джузеппе Боттаи и Роберто Фариначчи), идеологов фашистского расизма (Джованни Прециози, Телесио Интерланди), писателей и философов, в том числе основателя футуризма Филиппе Томмазо Маринетти и философа-традиционалиста Юлиуса Эволу. К этому времени в Италии широко распространялась вера в Муссолини как человека, который сможет вернуть Италии ее былое величие. Муссолини стал воплощать тип Героя - Вождя фашизма и Италии, римского Цезаря²⁷ «Его выдающаяся фигура, уже монолитная и для настоящего времени, и для истории, и в проекции на грядущее, господствующая над людьми и вещами, как образ первого среди людей Государства, как Гения Рода, как спасителя Италии, как римлянина - и в реальности, и в мифе, римлянина Императорского Рима, как воплощение и синтез идеи Римского Народа, как великого основоположника... Муссолини - это герой в солнечном сиянии, Гений - создатель и творец, одухотворяющий, увлекающий, завоевывающий... Революция - это Он, Он - это Революция», - в 1934 г. писал о Муссолини Оттавио Динале в журнале «Фашистская молодежь»²⁸.

«Всякая истинная мировая революция имеет свою мистику, которая является ее алтарем, то есть таким комплексом основных идей, которые должны распространяться и действовать через подсознание людей. Школа предназначена для того, чтобы выявить суть этой основной идеи через мысль и деятельность Дуче. Источником, единственным и уникальным источником мистики является только Муссолини, исключительно Муссолини. Можно ли, игнорируя или не зная досконально мысль Дуче, утверждать, что ты являешься фашистом? Мы говорим - нет. Потому что фашизм - это не инстинкт, а образование, и поэтому понимание его мистики есть понимание Муссолини», - писал в 1937 г. в журнале «Время Муссолини» Никколо Джани. Называя Муссолини «евангелистом Фашизма», Джани подчеркивал: «Только Его слово может дать точный и исчерпывающий ответ нашим сомнениям, может успокоить наше волнение, может развеять туман в наших головах. Только через Его речи и Его деяния мы сможем получить наше ежедневное причастие, наш молитвенник на каждый день, отпущение наших грехов. Именно потому мы, молодые, должны всегда быть близко, должны с любовью учиться, постигать без пробелов, углубляться неустанно. ... Сомнения и пессимизм, неуверенность и нерешительность исчезают, когда действительно открыта страница, и мы постигаем истинную мысль руководителя. Эта радость и эта судьба должны быть общими: мы этого хотим и для этого мы должны придти к органичному восприятию Его Мысли и Его Действий»²⁹.

Затем последовало не менее восторженное письмо с благословением на битву с мировым злом – советским большевизмом и мировой плутократией:

Его Высокопревосходительству

Бенито Муссолини.

Рим

⟨15/12 1941⟩³⁰

Беру на себя смелость послать Вам это наше приветствие и восторг на новую войну – верную победу – через его Превосходительство Префекта, потому что у Вас наводнение писем, телеграмм и всех дел – что вряд ли передадут Вам наше ничтожное письмо. Это моё 5-ое к Вам письмо. Первое было наше приветствие к войне с С.С.С.Р. – наш восторг, преклонение, 2-е - мой испуг на приезд фальшивого, красноречивого мин⟨инстра⟩ Попова³¹. 3-е – на героическую кончину Вашего незабвенного сына Бруно. Вечная память Ему и Его брату³² и со святыми их, Господи, упокой – земной поклон им – их светлым, сияющим образам. Четвёртое письмо – это благодарность на Ваши 2 слова через Его Превосходительство префекта, и эта благодарность живет в наших сердцах и бессмертна, эти 2 слова нам, и Вы сделали наш праздник, и зародились у нас мысль и великое желание – прежде чем умереть, или уехать в Москву, мы обязаны поблагодарить Вас лично. Вряд ли это осуществимо, вряд ли наша мечта сбудется, но мечтаем и утешаемся – увидеть лично мирового Отца Освободителя всей Вселенной. А получили ли Вы все четыре наших письма? Больше не посмеем Вас беспокоить и поэтому заранее шлем привет и поздравление! Простите нас ради Бога по Вашей доброте – что смеем беспокоить Вас – больше не будем, но в душах и в сердцах наших Вы живете неизгладимо.

Всей душой и всем сердцем преданная и благодарная

Н.Д. – русская белая – Ваша пропагандистка и душой воистину фашистка.

Однако, несмотря на личную благорасположенность дуче к бедствующей гражданке враждебного государства, местные власти оказались не готовы к даровой благотворительности и потребовали финансовых гарантий:

Префектура г. Пистойи

15.07.1942

В МВД

Главное Управление Национальной Безопасности

Общий и секретный отдел

Рим

Объект: Дефендова Наталья Серафимовна и её племянник Цоппи Владимир, лица без гражданства.³³

Вышеуказанная бывшая русская без гражданства, проживающая в Монтекатини-Терме с 1932 года, обнаружившая признаки психического расстройства 1 июля была принята вместе с племянником, Владимиром Владимировичем Цоппи, также умственно неполноценным, в Приют для одиноких престарелых, нуждающихся в уходе, в г. Монтекатини-Терме. Поскольку это учреждение, состоящее под управлением Фонда общественного попечения г. Монтекатини-Терме, находится отнюдь не в процветающем финансовом состоянии, комиссар префектуры муниципалитета Монтекатини-Терме послал в настоящую инстанцию следующее отношение: «Администрация уже приняла меры для госпитализации указанных лиц в Дом престарелых. Позвольте

мне, однако, заявить, что необходимо обеспечить материальные условия для благотворительных организаций, которые не могут позволить себе свободный приём иностранных лиц, содержание которых, должно по-прежнему обеспечивать указанное выше министерство. Поэтому я позволю себе просить данное министерство ассигновать в пользу муниципальных властей (которые управляют "Домом престарелых") на содержание двух указанных лиц, не имеющих доходов, из фондов, созданных для неимущих подопечных, которые будут переданы вышеупомянутым учреждениям.

Префект *〈подпись нрзб.〉*

〈Резолюция чиновника министерства внизу от руки〉:

«Содержание не может быть выдано, поскольку они не были формально интернированы и являются советскими гражданами, которые подлежат проверке представителями службы безопасности, курирующими интернированных советских лиц»³⁴.

Здесь следует пояснить, что сразу после объявления Италией войны Советскому Союзу в июне 1941 г. все советские граждане, в том числе военнопленные и добровольно ушедшие с отступающей итальянской армией в Италию, а также большинство эмигрантов и беженцев, бывших подданных Российской империи, не получивших итальянского гражданства, были интернированы в концентрационные лагеря на территории Италии (не путать с нацистскими лагерями уничтожения), где жили наряду с перемещенными лицами других национальностей под наблюдением войск МВД, имели возможность работать и получать жалованье, или получали пособие на питание, одежду и медицинское обслуживание как внутри лагеря, так и с выездом за его пределы по спецпропускам. Число таких лагерей достигало 51. Представители итальянских служб национальной безопасности и контрразведки проводили среди них проверку на предмет шпионажа и антифашистской деятельности. Дефендова и Цоппи случайным образом избежали интернирования и проверки. После отставки Муссолини эти лагеря начали ликвидировать. Однако на территории Итальянской социальной республики (Салло) они продолжали существовать до 1945 года. Около 30000 евреев, находившихся в итальянских концлагерях, независимо от гражданства, были переданы в немецкие лагеря уничтожения.

И снова бесправная беженка пишет на «высочайшее имя», тактично не выражая напрямую просьбу о помощи, а лишь желая заранее поздравить дуче с 20-ой годовщиной захвата власти в Италии Национальной фашистской партией и пожелать дальнейших побед:

20.10.1942

Ваше Высокопревосходительство, наш глубокоуважаемый и чтимый Бенито Муссолини, сердце наше, мое и моего Владимира рвалось к 28/10 XX на Ваш великий праздник³⁵ послать Вам поздравительную телеграмму. Не посмели, ибо очень уж мы ничтожны, чтобы сметь писать Вам, да и что наши слова – мертвы!

Но... вот не выдерживаем, и хочется именно теперь заранее написать Вам несколько строк, чтобы выразить Вам, чем полна наша душа и наше сердце к Вам, нашему Мировому Спасителю! Заранее поздравить Вас с грядущей победою мирною, давно жданною и обещанною, ибо мы уверены в ней и знаем, что

правда победит вражью силу, черную, злую, дьявольскую. Победа приближается, и мы заранее приветствуем и поздравляем Вас и Ваше доблестное, христоролюбивое, бесстрашное воинство. Ура! Многая, многая лета! Америка получит то, что заслужила! Довольно поцарствовала и поспала на своем золоте! А то, что потеряли временно, возвратится Вам все без боя как победителям, терпение нужно, и для испытания это сделано! Усердно молимся за Ваше здоровье, дорогое для всех нас, и за всю Вашу семью, особенно молились 4-го декабря в день св. Великомученицы Варвары (S. Barbara) на горе Монтекатине. Верим в скорую Вашу радость, в великий праздник из праздников и торжество из торжеств³⁶, в Вашу мировую победу и Новый Мир. Да здравствует Новый Мир Справедливости!

Только помоги, Господи, нам всем, всем пережить это время, и ускорь победу! Мы спешно ищем какого-нибудь дела, потому что теперь рассчитывать на помощь матери «Владимира» из Америки³⁷ нельзя, 23 месяца от нее ни звука. А теперь и подавно – надо терпеть, ждать и искать работу.

Если бы мой Владимир был бы здоров, мы оба были бы на войне – я как сестра милосердия. Но его болезнь – наш крест – трудно найти работу, имея на руках такого больного паралитика-эпилептика, но душою и сердцем дивного, ищущего и стремящегося лишь к одному. Итак, желаем Вам мы оба и всей Вашей семье всех благ и душевного покоя и скорого великого праздника и заранее приветствуем и поздравляем с великим праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом, который конечно принесет радость всему миру и свободу, избавление от зла, благодаря Вам, Вашему приходу в Рим. Приклоняемся пред Вашей доблестью, героизмом.

Искренно уважающие Вас, преданные и благодарные Мировому Отцу
Наталья Дефендова и Владимир Цоппи.

Natalia Defendoff. Viale Francesco Crispi № 1. Montecatini Terme.

P.S. Радуйтесь, ибо Вы идете на войну, как на парад, ибо с нами Бог, а в Америке – паника!³⁸

В отличие от декларативной готовности немощных русских беженцев пойти на фронт за мистические идеалы фашизма, война потребовала от итальянской молодежи, обучавшейся в Школе фашистской мистики, реализации своей веры на практике. «Революция продолжается и требует от нас прославить в огне войны идею, ради которой мы живем и будем сражаться», писал Ф. Мещасома²⁸. Большинство молодежи из учеников и сотрудников Школы, во главе с Никколо Джани, отправились на греческий фронт (Джани стал лейтенантом полка Итальянских альпийских стрелков). К 1943 г. 16 из них включая Джани погибли.

К письму Дефендовой приложен сделанный в личном секретариате дуче его сокращённое изложение по-итальянски. В нём с явным сарказмом излагается выраженный натужный героический порыв. Приводим это изложение в русском переводе:

«Госпожа Дефендова, во-первых, приводит различные славословия и псалмы о всемирном ликовании. Потом она заявляет, что эти славословия ежедневно поёт её парализованный эпилептик Владимир во славу Бенито Муссолини и Гитлера. Обращаясь лично к Его превосходительству Бенито Муссолини, она доводит до его сведения, что собиралась послать ему поздравительную телеграмму 28

октября, но будучи застенчивой, не решилась. Настоящим письмом она всё же позволяет себе выразить «Спасителю мира» пожелание победы, дабы Америка получила урок, который она заслужила. Затем она сообщает, что уже 23 месяца не получает никакого пособия от матери вышеуказанного калеки, которая проживает как раз в Америке. Находясь без средств существованию, г-жа Д. срочно ищет какую-нибудь работу. Если бы её Владимир был здоров, они оба пошли бы на фронт – она в качестве санитарки Красного Креста – но, увы! - он паралитик и эпилептик, из чего следует, что это не представляется возможным.

Она пользуется случаем поздравить Дуче с Рождеством и Новым годом. Настоящее письмо она посылает через префекта, заявляя при этом, что это её пятое письмо. «...» Спрашивает, дошли ли до Получателя предыдущие четыре. В заключение г-жа Д. приветствует Дуче с глубоким уважением и почтением»³⁹.

Однако, как видно из ссылки в следующем письме, уже в конце 1938 года было дано негласное распоряжение в виде исключения оставить просительницу и юношу-инвалида в Италии:

КОРОЛЕВСКАЯ ПРЕФЕКТУРА Г. ПИСТОЯ

В МВД

Главное Управление Национальной безопасности

6 октября 1942

Ссылаясь на министерский циркуляр № 443/145854

от 4 августа с.г., сообщается, что указанные иностранцы являются советскими гражданами.

Дефендова Наталья имеет советский паспорт № 127354/22831 выданный в Москве 3/5/1927 действительный до 1929 года и впоследствии продленный до 05/02/1931.

С этого времени вышеуказанная иностранка, не озаботилось обновлением этого документа, потому что, как сообщалось в письме из префектуры за N ° 00260 от 03/02/1938, боялась обратиться к консульским властям Советского Союза.

Несмотря на это министерство письмом № 443/5619 от 4.12.1938 разрешило этим иностранцам дальнейшее пребывание в Итальянском Королевстве.

Префект⁴⁰.

Не прошло и месяца, как вопрос содержания двух русских инвалидов был решен:

ПРЕФЕКТУРА Г. ПИСТОЯ

В МВД

Главное Управление Национальной Безопасности

Рим

18.11.1942

Ссылаясь на министерское письмо за № 443/14585 от 30 октября с.г. просим дать знать о начале проживания и о поступлении ежедневного пособия с этой даты на содержание русских лиц без гражданства Дефендовой Наталии и ее племянника Цоппи Владимира. Эти лица помещены с 1 июля с.г. в Дом престарелых г. Монтекатини Терме.

Префект

«Из резолюции министерского чиновника, написанной внизу письма очень неразборчивым почерком»:

«...» приняты на государственное содержание «...»⁴¹

На этом служебном письме, уладившем судьбу советской беженки и беспомощного инвалида в тяжелейший для Италии период Второй мировой войны, заканчивается их досье в Архиве Генеральной дирекции национальной безопасности фашистского государства. Это досье остаётся единственным источником сведений о них. По устному свидетельству одного русского римлянина В. Цоппи умер в конце 1950-х годов. Воспитательница пережила его почти на 10 лет (†1965) и упокоилась в общей могиле (костнице) на русском участке некаатолического кладбища Тестаччо в Риме⁴².

Култ Муссолини в послевоенной Италии, преодолевшей фашизм и оставшейся в целом католической страной, был вытеснен на периферию политического пространства и отчасти сохранился до нашего времени в среде неофашистов-экстремистов как проявление универсального для всех тоталитарных идеологий культа земного бога.

Ольга Бакланова, ставшая к этому времени безработной стареющей актрисой, после развода со своим вторым мужем, артистом Николаем Сусаниным, перешла в театр. Карьера Ольги продолжалась с переменным успехом до начала 1940-х годов — она посещала с гастрольями Лондон, ездила в тур по Америке, пела в ночных клубах и знаменитом нью-йоркском ресторане “Russian Tea Room” (*Русская чайная*). В 1940 актриса в последний раз ощутила вкус славы, блестяще исполнив роль оперной примы мадам Дарушки в постановке «Клаудия» по роману Роуз Франкен. После невероятного успеха на Бродвее спектакль было решено экранизировать, и таким образом Бакланова получила возможность в последний раз появиться на киноэкране. В начале 1940-х годов Ольга вышла замуж за Ричарда Дэвиса, владельца нью-йоркского театра “Fine Arts Theatre”, и ушла со сцены только в 1947. Скончалась в швейцарском городе Вева в 1974 году и там же похоронена.

Напоследок интересно отметить, что родной брат Ольги, Глеб Владимирович Бакланов (1910-1976), советский военачальник, в описываемый период прошёл путь от командира стрелкового взвода в 1932 г. до командира Северной группы войск в 1967 г. в звании генерал-полковника; в 1945 г. за взятие Дрездена ему было присвоено звание героя Советского Союза. По непроверенным данным во время войны в одной из своих командировок в США для стратегических переговоров с союзниками он случайно встретился с сестрой на официальном представительственном приёме.

Приложение. Рассказ г-жи Наталии Дефендовой, проживающей в Италии Via Francesco Crispi, 1 Montecatini Terme. Тоскана.

Живя с моим духовным сыном Владимиром Цоппи в глуши Италии на курорте целебного источника, ради лечения от паралича и эпилепсии, я получила от знакомых книгу «Отец Иоанн Кронштадтский» I том, что для меня было великим счастьем, так как я знала батюшку хорошо, что его много и молюсь ему постоянно. А в бытность мою в Москве, была даже обладательницей его пояса, в котором

он служил. Ввиду этого не могу умолчать о чудесном исцелении моего духовного сына Владимира.

Надо сказать, что Владимир был передан мне на воспитание и лечение его матерью (артисткой Русск. Художеств. Московск. театра), уехавшей в Америку. Сын ее страдал параличом (до 12 лет не говорил, нога и рука парализованы) и припадками эпилепсии, в виду чего доктора назначили ему жить здесь на курорте и лечиться, хотя и заявили, что состояние его здоровья безнадежно. Некоторое время тому назад у него образовались полипы-аденоиды и гланды, которые, опухая все больше, закрывали ему горло, и воздух еле-еле проходил. Гланды все больше соединялись и были готовы уже срастись, прекратив доступ воздуха. Доктора советовали мне сделать ему операцию, но я не решалась, так как паралитикам и эпилептикам операция почти всегда кончается плохо. Припадки удушья продолжались целую ночь. И вот он вдруг заснул и чувствует во сне, что задыхается и умирает. В это же время он видит, что о. Иоанн Кронштадтский, которого он хорошо знал по фотографии, и которому часто молился, быстро подходит к нему и говорит: «Что с тобой, что?» и, вложив свою руку в его горло, как бы что-то вырывает из него. Утром он мне рассказал сон, я же испугалась, а сказала, что снам верить нельзя.

2 января Владимир читал акафист св. преподобному Серафиму, после чего говорит мне: «Посмотри мне горло!» Я «осмотрела и, о чудо — от гланд и полипов не осталось и следа и горло совсем чисто. Когда на другой день осмотрел его доктор, то сказал, что горло совершенно здорово, и полипов нет; все прошло без операции — «Это только чудо могло быть» — сказал он. Другие доктора сказали то же. Нашей радости не было границ. Припадки эпилепсии тоже прекратились, и до сего времени их не было, остался только паралич руки и ноги. Владимир безропотно несет бремя своей болезни, считая, что она дана ему Богом как испытание для дальнейшей жизни и спасения. Он молится постоянно Богу и единственная его заветная мечта — сделаться монахом и поступить в монастырь⁴³.



Примечания

¹ По материалам публикации Зои Александровны Крахмальниковой (1929—2008), реприсированной в советское время за христианскую проповедь в издаваемом ею журнале Надежда..Христианское чтение. №9. 1983. Посев. Франкфурт на Майне. С. 80.

² Ныне институт им. Склифосовского, Сухаревская пл., 3. Построен в 1794-1807 гг., архитекторы Е. С. Назаров, Дж. Кваренги и др.

³ Вся Москва. 1916.

⁴ Будущий Московский академический Музыкальный театр им. К. С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко.

⁵ Цоппи Владимир Эрнестович (1889-1970), советский актёр театра и кино. Закончил юридический факультет Московского университета. Сценическую деятельность начал в 1923 году. В 1925-1927 годы играл в Четвертой студии МХАТа, затем был актером различных театров. В кино играл небольшие роли острохарактерного рисунка.

⁶ По материалам Википедии.

⁷ Приведём перечень фильмов, в которых она снялась, по материалам русской Википедии.

В России с 1914 по 1917 год Бакланова снялась в паре десятков фильмов. Ни один из них не сохранился, известны только названия — «Симфония любви и смерти», «Когда звучат струны сердца», «Великий Магараж», «Загробная скиталица», «Женщина-вампир», «Любовь под маской», «Петля смерти», «Жизнь есть шутка», «Нана и ее дочь», «По трупам к счастью», «Третий пол», «Домик на Волге», «Я помню вечера», «Тот, кто получает пощечины», «Когда умирает любовь», «Цветы запоз-

далые», «Желтый паспорт», «Лунный свет». Большинство этих картин режиссировал Виктор Туржанский, который после революции эмигрировал во Францию, основал собственную кинокомпанию и стал широко известен в Европе.

Фильмы и роли, сыгранные в Голливуде, звёздочкой отмечены утраченные фильмы:

1933 Скандал на миллиард долларов (Billion Dollar Scandal) Анна Гоу-Гоу

1932 Вниз по лестнице (Downstairs) Софья Кословская

1932 Уродцы (Freaks) Клеопатра

1931 Великий любовник (The Great Lover) Саварова

1930 Ты там? (Are You There?) Графиня Хеленка

1930 Не грусти и улыбайся (Cheer Up and Smile) Ивонна

1929 Любимый мужчина (The Man I Love) Соня Барондова

1929 Опасная женщина (A Dangerous Woman) Таня Грегори

1929 Волк с Уолл-стрит* (The Wolf of Wall Street) Волчица

1928 Лавина* (Avalanche) Грейс Стилвелл

1928 Спорная женщина (The Woman Disputed) В эпизоде

1928 Доки Нью-Йорка (The Docks of New York) Луи

1928 Забытые лица (Forgotten Faces) Лилли Харлоу

1928 Улица греха* (Street of Sin) Анни

1928 Человек, который смеётся (The Man Who Laughs) Герцогиня Джозиана

1928 Три грешника* (Three Sinners) Баронесса Хильда Брингс

1928 Секрет царицы* (The Czarina's Secret) Царица

1927 Голубка (The Dove) В эпизоде

1918 Хлеб* — неизвестно

⁸ 29 октября 1922 года завершается «поход на Рим» военизированных фашистских отрядов Муссолини, 31 октября король Италии Виктор-Эммануил III назначил Бенито Муссолини премьер-министром. От этой даты в Италии отсчитывалось начало «фашистской эры».

⁹ Archivio Centrale dello Stato. Ministero dell'Interno Direzione Generale della Pubblica Sicurezza, Categoria A4bis, Internati, fascicoli personali, busta 88, Defendoff Natalia, Zoppie Vladimir.

¹⁰ Фильм поставлен по рассказу Тода Робинса. Авторы сценария: Эл Боусберг, Уиллис Голдбек, Леон Гордон, Эдгар Алан Вульф. Режиссер и продюсер Тод Браунинг. Оператор Меррит В. Герстад. В ролях: Ольга Бакланова, Гарри Эрлс, Уоллес Форд, Лейла Хайемс и др.

¹¹ По материалам Википедии.

¹² ACS DGPS A4bis, fascicoli personali, b.88, Defendoff Natalia, Zoppie Vladimir. Перевод с ит.

¹³ На самом деле, дочь полковника; впрочем, чин действительного статского советника, соответствующий генеральскому он мог успеть получить до февральской революции.

¹⁴ Это утверждение противоречит последующей фразе.

¹⁵ Брат – Дефендов Серафим Серафимович, надворный советник, в канцелярии Совета Странноприимного дома гр. Шереметева (Вся Москва 1916), дальнейшая судьба не выяснена. Старшая сестра – Дефендова Ольга Серафимовна (1880-1960), одна из сестёр Марфо-Мариинской обители в Москве, известная благотворительница в среде гонимых большевиками христиан.

¹⁶ ACS DGPS A4bis, fascicoli personali, Defendoff Natalia, Zoppie Vladimir. Пер. с ит.

¹⁷ Цитата из православного заупокойного канона.

¹⁸ 7 ноября 1938 года Бруно женился в Риме на Джине Руберти, дочери руководителя Бюро современного искусства Министерства образования. 18 марта 1940 года у Бруно и его жены родился первый ребенок: дочь, которую назвали Мариной.

¹⁹ Текст 90-го псалма в русской народной традиции называется «Живые помощи» (от искаженного начала первого стиха на церковно-славянском языке: «Живый в помощи Вышняго...»); считается оберегом от всяких смертельных опасностей. Его вешали на шею или зашивали в пояс солдатам, уходящим на войну и отправляющимся в далёкие странствия.

²⁰ Первая Пасха – празднование исхода евреев из Египта, Вторая Пасха, предваряемая Страстной неделей, – праздник Воскресения Иисуса Христа.

²¹ Там же

²² Henry Louis Mencken A new dictionary of quotations: on historical principles from ancient and modern sources. — 1942.

²³ Popolo d'Italia, 1929, 12 marzo, p.2.

- ²⁴ Акафист – (от греч. акафистос гимнос – буквально, гимн, который поётся стоя). Форма церковного песнопения, ведущая своё начало от Великого Акафиста, хвалебного песнопения в честь Богородицы.
- ²⁵ Дефендова транслитерирует итальянское произношение фамилии Hitler.
- ²⁶ Там же. Оригинал по-русски, прилагается копия сокращённого перевода на итальянский.
- ²⁷ Т. П. Нестерова. Фашистская мистика: религиозный аспект фашистской идеологии //Религия и политика в XX веке. Материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. Москва, 11-12 апреля 2005 г. - М., 2005, с. 17-29.
- ²⁸ Gentile E. Il culto dell' littorio. La sacralizzazione della politica nell'Italia fascista. Roma, 1994. P. 266-267. Русский перевод приводится по: Т. П. Нестерова. Фашистская мистика: религиозный аспект фашистской идеологии //Религия и политика в XX веке. См. предыдущее примечание.
- ²⁹ Цит. по: Patrizi A. La Scuola di Mistica Fascista. P. 60.
- ³⁰ Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
- ³¹ Это письмо в деле отсутствует. Министр иностранных дел Болгарии Иван Владимирович Попов 26 ноября 1940 г. прибыл в Рим для ведения переговоров с Г. Чано кажется, традиционно его пишут Чиано и Б. Муссолини. На переговорах в частности шла речь о присоединении Болгарии к Антикоминтерновскому пакту. Однако официальное присоединение произошло только 25 ноября 1941.
- ³² Не понятно, о каком брате идёт речь, к моменту гибели Бруно и написания этого письма все остальные его братья от двух браков Б. Муссолини были живы.
- ³³ Перевод с ит. Неясно как формально произошло лишение указанных лиц советского гражданства, и каким образом В.Цоппи был признан племянником Н.Дефендовой (или внуком?, эти степени родства по-итальянски обозначаются одним словом - nipote).
- ³⁴ Campi per l'internamento civile nell'Italia fascista. Wikipedia it.
- ³⁵ Канун празднования годовщины прихода фашистов к власти в Италии, начала «фашистской эры».
- ³⁶ В православном пасхальном каноне этими словами называется сама Пасха, праздник Воскресения Иисуса Христа.
- ³⁷ Ольга Бакланова в это время уже находилась на закате своей театральной карьеры.
- ³⁸ ACS DGPS A4bis, fascicoli personali, Defendoff Natalia, Zoppie Vladimir. Пер. с ит.
- ³⁹ Там же. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.
- ⁴⁰ Там же. Пер. с ит.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Тестаччо. Некаатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список захоронений. В. Гасперович, М. Катин-Ярцев, М. Талалай, А. Шумаков. ВИРД СПб, 2000. С. 54.
- ⁴³ И.К. Сурский. Отец Иоанн Кронштадтский. Том 2. Глава 59, цит. по: <http://www.omolenko.com/zhitiya/surskii2.htm? =59#book10>. Текст не датирован, страницы не нумерованы. Составил двухтомный сборник свидетельств о чудесных исцелениях по молитвам о. Иоанна русский эмигрант в Югославии Я. Б. Ильяшевич, который был председателем белградского «Общества памяти отца Иоанна Кронштадтского». Первый том вышел в Белграде в 1938 году. Издание второго тома книги, появившегося в Белграде уже во время второй мировой войны в 1941 году, финансировали супруги Сикорские, семейство которых о. Иоанн посещал, бывая в Киеве.

V. Keydan

THE MUSSOLINI'S ACATHISTUS

Key words: *Mussolini; Moscow Art Theatre; N. S. Defendova.*

The moment of the history of the abroad Russian community was considered: on the basis of materials of the Italian intelligence services of an era of fascism from the Central archive of Italy the destiny of the Soviet refugee N. S. Defendova is shown.





Н.И. Ларионова

РЕЦЕНЗИЯ: РОКИНА Г.В., СУТЫРИНА О.Н. НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Г. ЙОШКАР-ОЛЫ (ЙОШКАР-ОЛА, 2013. 160 с.)

Ключевые слова: рецензия; национальное самосознание; конфессиональные предпочтения; студенческая молодежь.

Публикация материалов социологического исследования, посвященного национальным и конфессиональным настроениям студенческой молодежи, стала важным этапом в деятельности Центра национальных и конфессиональных исследований, созданного при факультете управления и права Поволжского технологического университета четыре года назад. Проблема безопасности межэтнических и межконфессиональных отношений приобретает в последние годы все большую актуальность, становясь главным политическим трендом современной России. Признание российского народа гражданской нацией при всем ее этническом и религиозном разнообразии сегодня мало у кого вызывает сомнения. Большое значение в процессе формирования новой гражданской нации имеет сохранение исторического единства народов России. Студенческая молодежь играет в этом процессе важную роль не только как «барометр состояния общества», но и как гарант сохранения интеллектуального потенциала страны.

Столица Республики Марий Эл – это во многом студенческий город: в Йошкар-Оле два государственных университета и несколько негосударственных высших учебных заведений. Полиэтнический состав населения республики, широкая конфессиональная палитра, усилившиеся в последние годы миграционные потоки выдвигают на первый план государственной национальной политики РМЭ проблему мониторинга межэтнических отношений.

Данная публикация – итог научно-исследовательской работы ученых двух вузов Республики Марий Эл – Поволжского государственного технологического университета и Марийского государственного университета.

Само исследование и публикация его результатов стали возможны благодаря участию авторов публикации и творческого коллектива ученых двух вузов в республиканском конкурсе Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл в 2011 году, итогом которого были получены исследовательские гранты. Проект осуществлялся в рамках Программы «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл в 2009-2013 гг.». В данной

Программе отмечено, что мониторинг ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений является одним из основных направлений деятельности в области государственной национальной политики.

Обращение к проблеме формирования и осознания этнической идентичности и конфессиональной принадлежности студенчества Марий Эл не было связано лишь с т.н. социальным заказом и сложившейся политической конъюнктурой. Тема межэтнических отношений и человека в поликультурном мире уже около 20 лет находится в центре внимания ученых-гуманитариев Республики Марий Эл, в том числе и авторов данной публикации. В течение многих лет их научные изыскания находятся в области этнической и конфессиональной проблематики. В конце 1990-х-начале 2000-х гг. по инициативе общественной организации «Совет ученых-гуманитариев Республики Марий Эл», членами которой являлись авторы издания, были реализованы два междисциплинарных проекта - «Диалог культур в полиэтническом регионе» и «Человек в полиэтническом регионе». В нем участвовали ученые трех вузов г. Йошкар-Олы, эксперты из Москвы и Санкт-Петербурга. По результатам этих двух мегапроектов проектов было опубликовано более десяти «Вестников Совета ученых-гуманитариев Республики Марий Эл» (сборников научных статей); проведено около двух десятков различных научных мероприятий совместно с Министерством культуры, печати и по делам национальностей и Министерством образования и науки Республики Марий Эл, разработана методика этносоциального исследования¹; руководителями и исполнителями проекта защищено три докторских и около десяти кандидатских диссертаций.

Коллектив ученых Марийского государственного педагогического института под руководством профессора Г.В. Рокиной (с 2008 года институт присоединен к МарГУ) в ноябре-декабре 2007 г. инициировал проведение научно-исследовательских работ, посвященных историко-сравнительному изучению этнокультурных и этноконфессиональных проблем в регионе. Перед коллективом ученых стояла задача проведения комплексного системного исследования межкультурных и межконфессиональных отношений на примере взаимоотношений национально-культурных автономий, религиозных конфессий Республики Марий Эл и местного населения; изучение истории межэтнических контактов, миграционных и иммиграционных процессов; проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья; разработка модели формирования многоэтнической российской гражданской нации в современных условиях глобализации и сохранения основ традиционной культуры в поликультурном регионе; теоретическое описание наблюдаемых закономерностей данной модели, а также установление внешних и внутренних факторов влияния на ее функционирование.

Эта задача решалась в ходе реализации научной темы «Комплексное исследование человека как субъекта общественных изменений в поликультурных регионах», в рамках тематического плана по заданию Федерального агентства по образованию РФ на проведение НИР в 2008 -2012 гг.².

В период исследования на материалах Республики Марий Эл были разработаны основные подходы к формированию модели межкультурных и межконфесси-

ональных отношений в условиях усиливающихся миграционных потоков и формирования многоэтнической российской нации.

Еще в 2008 году для участников проекта было очевидно, что наиболее адекватным и научным является взгляд на современную Россию как на национальное государство с многоэтнической российской нацией, в состав которой наряду с русскими входят представители других российских национальностей. Понимание российского народа как исторического целого и как гражданской нации неоднократно высказывалось научным академическим сообществом и руководством страны (россияне - российская нация – российская гражданская нация).

Эта формула была позитивно воспринята многими экспертами и политиками как единственно возможная для России и отвечающая существующему в мире опыту крупных многоэтнических государств. Противниками данной модели развития российского общества были и остаются сторонники этнического национализма, не принимающие идеи гражданской российской нации.

Актуальность проблематики в наше время, особым образом связанная с утверждением Стратегии национальной политики РФ, сделала возможным обращение к данной теме уже на новом этапе развития этнокультурных отношений в регионе и с новым багажом теоретических и практических знаний.

Публикация интересна и важна не только солидным фактическим материалом, который был получен в ходе социологического исследования, но и полной библиографией статей ученых Марий Эл, посвященных данной проблематике, представленной в научно-справочном аппарате публикации.



Примечания

¹ Сутырина, О.Н. Методика этносоциального исследования / О.Н.Сутырина // Материалы Всероссийской школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность». 28-29 июня 2000 г. - Йошкар-Ола, 2000.- 19с; Сутырина, О.Н. Методика исследования уровня этнической духовности старшеклассников / О.Н. Сутырина // Этнокультурное образование: опыт и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции. - Йошкар-Ола: ГОУ ДПО ПК (С) «Марийский институт образования», 2011 Ч.1. – С.34-41; Сутырина, О.Н. Национальные отношения в контексте региональной истории / О.Н. Сутырина // Этнологические проблемы в поликультурном обществе: Материалы Всероссийской школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность». 28-29 июня 2000 г. - Йошкар-Ола, 2000.- С.52-57; Сутырина, О.Н. Некоторые вопросы формирования этноса (тезисы) / О.Н.Сутырина // Актуальные проблемы полиэтничного региона и перспективы народов России. Материалы постоянно действующего регионального научного семинара. - Йошкар-Ола, 1995.-С.56-57.

² См. некоторые публикации по теме «Комплексное исследование человека как субъекта общественных изменений в поликультурных регионах» в 2010-2012 гг.: Рокина, Г.В. Поликультурная картина Республики Марий Эл накануне Всероссийской переписи населения 2010 / Г.В. Рокина // История идей и история общества: Материалы VIII Всероссийской научной конференции, 15 – 16 апреля 2010. - Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2010. – С.189-191; Рокина, Г.В. Диаспоры и землячества Республики Марий Эл: проблемы правового статуса // «Образ «Другого» в поликультурных обществах» / Г.В.Рокина. - Пятигорск, Москва, 2011. - С.134-140; Рокина, Г.В. Международный опыт формирования политических наций и уроки для современной России / Г.В.Рокина // Международный опыт формирования политических наций и уроки для современной России. - Чебоксары: Чувашский госуниверситет, 2011. – С.23-28; Рокина, Г.В. Национальные и конфессиональные исследования в Республике Марий Эл / Г.В. Рокина // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX – XXI вв. – Чебоксары, 2010. – С.440-445; Рокина, Г.В. Этноконфессиональная ситуация в Республике Марий Эл / Г.В. Рокина // Традиции и новации в сфере этноконфессиональных взаимодействий: Материалы

Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 13-14 октября 2011 года. – Казань, 2012. – С.122-130; Рокина, Г.В. Стратегические подходы к законодательному и ресурсному обеспечению государственной национальной политики Российской Федерации / Г.В. Рокина // Инновационные технологии управления и права: научный журнал. - №3 (4) /2012. - С.6-11; Рокина, Г.В. Новые методические подходы в изучении национального самосознания и конфессиональных предпочтений: опыт социологического исследования / Г.В. Рокина, О.Н.Сутырина // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. - 2012. - №4/5. - С.67-75; Рокина, Г.В. Проект «Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи г. Йошкар-Олы» / Г.В. Рокина, О.Н.Сутырина // Вестник ПГТУ. Серия «Экономика и управление». – 2011. - №2(12). - С.104-106; Чемышев, Э.В. Исламское религиозное движение в Республике Марий Эл: проблемы и противоречия / Э.В. Чемышев // Филология и культура. Philology and Culture. - 2012. - № 1 (27). С. 220 – 225; Орлова, О.В. Религиозное сознание женщин на примере Республики Марий Эл / О.В. Орлова // Гендерные исследования в гуманитарных науках: Материалы VII научно-практической Интернет-конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 18 мая-18 июня 2011 года. - Йошкар-Ола, 2012. - С.256-263; Орлова, О.В. Миграционные процессы в Республике Марий Эл на рубеже XX-XXI вв. / О.В. Орлова // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. – 2012. - №4-5. - С.75-80; Баканычева, С.А. Русские в Марий Эл / С.А. Баканычева // Полиэтничность России в контексте исторического дискурса и образовательных практик XIX – XXI вв.- Чебоксары, 2010. – С.62-68; Баканычева, С.А. Отношение к межнациональным бракам русских женщин Республики Марий Эл / С.А. Баканычева // Гендерные исследования в гуманитарных науках: Материалы VII научно-практической Интернет-конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 18 мая-18 июня 2011 года. - Йошкар-Ола, 2012. - С.297-304; Зеленева, Г.С. Современная городская семья в полиэтничном регионе // Гендерные исследования в гуманитарных науках: Материалы VII научно-практической Интернет-конференции с международным участием. Йошкар-Ола, 18 мая-18 июня 2011 года / Г.С. Зеленева. - Йошкар-Ола, 2012.- С.236-249; Зеленева, Г.С. Ценностные ориентации молодежи Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований 2005, 2010 гг.) / Г.С. Зеленева // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. – 2012. - №4-5. - С.87-92; Обидина, Ю.С. Концептуализация понятия «диаспора» в современных научных исследованиях / Ю.С.Обидина // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. - 2012. - №4-5. - С. 5-18; Новик, В.М. Социальный портрет белорусов Республики Марий Эл / В.М. Новик // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. - 2012. - №4-5. – С.47-51; Маслихин, А.А. Национальные отношения: проблемы методологии / А.А. Маслихин // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. – 2012. - №4-5. – С.109-116; Туманов, А.Г. Грузинская диаспора Республики Марий Эл / А.Г.Туманов // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. – 2012. - №4-5. -57-61.

REVIEW: ROKINA G. V., SUTYRINA O. N. NATIONAL IDENTITY AND CONFESSIONAL PREFERENCES OF THE STUDENTS OF YOSHKAR-OLA. YOSHKAR-OLA, 2013.160 PAGES (N. I. LARIONOVA)

Key words: Review; National identity; confessional preferences; students





Г.Ф. Горбашова, Е.В. Каткова

**ЖЕНЩИНА И ВЛАСТЬ: ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ: «КРУГЛЫЙ СТОЛ»
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ».
ПОВОЛЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ, МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ, 24 АПРЕЛЯ 2013 ГОДА**

Публикация включает хронику заседания «круглого стола», посвященного гендерным исследованиям ученых Йошкар-Олы, Москвы, Ставрополя, а также Словацкой Республики и Республики Беларусь.

***Ключевые слова:** гендерный баланс; равенство полов; женская история.*

В общественно-политической традиции России принято считать, что политика является той сферой общественной деятельности, где доминирует мужчина. До сих пор в российском обществе сохраняются гендерные стереотипы относительно роли женщины в обществе: предназначение женщины быть только матерью и хозяйкой. Эти стереотипы отражаются в конкретных политических реалиях.

По данным «Доклада о мировом развитии – 2012» ООН и экспертных оценок Всемирного экономического форума был опубликован доклад о равенстве полов – Global Gender Gap Index 2012. В нем, в частности, показаны основные тенденции, куда движется гендерное равноправие (в экономике, политике, образовании, семье). Россия занимала в этом рейтинге 59 место из 135. У нас все не так уж плохо с участием женщин в экономике (39-е место), с доступностью образования (35-е место) и женским здоровьем (34-е место). Мы проигрываем другим странам за счет низкого участия женщин в политике – здесь мы на 90-м месте. За год после предыдущего рейтинга 2011 года Россия опустилась на двадцать с лишним пунктов.

В 2013 году, как свидетельствуют данные недавно опубликованного доклада Всемирного экономического форума, посвященного равноправию полов, Россия прочно удерживает позиции в середине списка и находится на 61-м месте. Для сравнения, Украина – на 64-м, мы сильно отстали от Казахстана (32-е), но обогнали Таджикистан (90-е), Армению (94-е) и Азербайджан (99-е). В плюсе у российских женщин – первое место по отрыву от мужчин в здоровье, а также высокие места в рейтинге квалифицированных кадров. В минусе по-прежнему – доходы, бизнес и политика. Динамика снижения политической активности жен-

щин налицо. Если сравнивать с данными 2006 года, когда Россия была на 49-м месте, то тенденция к “выдавливанию” женщин из участия в политической и государственной сфере заметно усиливается.

Чем вызвана такая ситуация? Может ли женщина быть успешной в политической сфере? И может ли быть эффективной политика, проводимая женщиной – руководителем? Нужны ли вообще женщины во власти? В последние годы эти и другие вопросы приобретают особое значение.

Составители доклада выводят прямую связь между состоянием экономики и равноправием полов. Особенно четко эта связь прослеживается при сравнении уровня гендерной дискриминации и индекса человеческого развития. Страны, где женщины чувствуют себя не хуже мужчин, опережают остальные по этому показателю. Доказательства того, что предвзятое отношение к слабому полу невыгодно, сегодня приводят во многих областях, порой самых неожиданных. Успехи скандинавских стран в этом направлении очевидны и неоспоримы. Современная тенденция, например, в Норвегии наметилась еще в 2008 году, когда крупные компании были обязаны иметь в совете директоров не менее 40 процентов представителей как одного, так и другого пола.

В соответствии с мировой практикой, особенно скандинавских стран, увеличение представительства женщин в системе госуправления приводит к изменению отношения к вопросам власти. Чем больше женщин примет участие в работе властных структур, тем эффективнее будет осуществляться управление, основанное на принципах социального взаимодействия и взаимодополнения. Организация управления общественной системой в связи с равноправием участия женщин в процессе руководства - проблема, которой в настоящее время уже нельзя пренебрегать, поскольку это отражается на всей структуре общества и процессе социального управления.

Всем этим важным вопросам, а также выяснению причин снижения политической активности женщин в российской политике и государственном управлении, был посвящен «круглый стол» «Женщина и власть: Вызовы развития», который состоялся в рамках международной научной конференции «Управленческая экономика: реалии и перспективы», организованной факультетом управления и права Поволжского государственного технологического университета в апреле 2013 года.

В заседаниях круглого стола приняли участие ученые и государственные служащие, в сферу интересов которых входят обозначенные выше проблемы - Д. Кодайова, доктор философии, научная сотрудница Института истории Словацкой академии наук (Братислава), Л.В.Полушина, представитель МИД России в г. Йошкар-Оле, Г.В. Рокина, заведующая лабораторией гендерных исследований, доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета, Н.И. Ларионова, доктор экономических наук, профессор, декан факультета управления и права Поволжского государственного университета, а также ученые Марийского государственного университета - В.Д. Маслихин, доктор философских наук, профессор, Ю.С. Обидина, доктор философских наук, профессор; кандидаты исторических наук, доценты Г.Ф. Горбашова, В.М. Новик, Е.В. Колесова, С.Ю. Смирнова, Е.В. Суслов, кандидат политиче-

ских наук, доцент; представители Поволжского государственного технологического университета - Н.Н.Зыкова, кандидат социологических наук, доцент, Т.В. Ялялиева, кандидат экономических наук, доцент; а также Г.С. Зеленева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Заседание началось с открытия «круглого стола» под председательством Г.В. Рокиной и Н.И. Ларионовой. Открывая заседание Г.В. Рокина отметила, что процесс легитимизации гендерных исследований в системе российского высшего образования проходил с начала 1990-х годов. В настоящее время заметно расширение круга гендерных исследований, созданы различные независимые национальные научные центры и школы. Российская гендерология получила признание ученых и практиков. В Республике Марий Эл созданы и активно работают два научных гендерных центра на базе МарГУ и ПГТУ.

В выступлении Ю.С. Обидиной были даны анализ и оценка основных методологических подходов в гендерных исследованиях. По мнению исследовательницы, «целесообразность применения целой совокупности подходов к изучению гендерных отношений обуславливается многомерностью последних и требованием их разностороннего осмысления, а также дискуссионностью самого – «вопроса существует ли специальная гендерная методология?» Прежде всего, речь идет не о наличии отличительных методов гендерных исследований, а о том, что «гендерная методология предлагает многое с точки зрения улучшения и расширения качества доказательств, конкретно в отношении определенных социальных реалий, особенно в сферах в которых женщины являются основными действующими лицами, как и во многих социальных практиках».

Ученая из Словацкой Республики Д. Кодайова обратила внимания на ряд важных аспектов изучения истории гендерных отношений в Словакии, познакомив участников конференции с современным изданием Института Истории Словацкой академии наук - «На пути к современной женщине. Главы из истории гендерных отношений в Словакии». Эта шестисотстраничная монография стала итогом большого международного проекта, в котором участвовали специалисты самых различных областей – этнологи, историки, социологи и литературоведы.

Л.В. Полушина приветствовала участников заседания и отметила значимость различных научно - практических конференций, посвященных месту и роли женщин в обществе, в семье, которые не только стремятся привлечь внимание к данной проблеме, но и помогают расширять международное сотрудничество в области прав человека.

В своем выступлении она обратилась к проблеме прав женщин в системе международных прав человека, подчеркнув при этом, что, несмотря на принятую Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г.), женщины по-прежнему сталкиваются с многочисленными нарушениями прав человека, с дискриминацией при трудоустройстве, в получении образования, не имеют возможности принимать участие в принятии в выработке политических решений и управлении страной.

Предметом обсуждения участников «круглого стола» стала и тема личности, человека в истории, «женская истории» в новейшее время. Особое внимание вызвало выступление заведующей кафедрой журналистики марийского государственного университета С.Ю. Смирновой, которая представила проект Ирины Москвиной «Женские истории», журналистки республиканской газеты «Марийская правда», посвященный известным женщинам Республики Марий Эл.

В выступлении В.Д. Маслихина были представлены факты биографии яркой представительницы профессорского корпуса Московского государственного университета А.П. Серцовой.

Проблеме участия женщин в политике и управлении в России и зарубежных странах были посвящены выступления Е.В. Сулова, Е.В. Колесовой, Т.В. Ялялиевой. Так, Е.В. Суловым была представлена североевропейская модель присутствия женщин в политике, в частности женщин Финляндии, при этом он акцентировал внимание на сохранение в массовом сознании стереотипов, создававших асимметричные критерии оценок женщин и мужчин в качестве субъектов политики и необходимость изменения критериев оценки политического участия женщин и мужчин. По его мнению, «североевропейская модель присутствия и поведения женщин в политике коррелируется спецификой политической культуры граждан страны. Гендерный консенсус в Финляндии получил импульс дальнейшего развития в современных условиях благодаря преимуществам государства всеобщего благоденствия».

Тема «Имидж женщины – политического деятеля в странах Азии второй половины XX- начала XXI веков», представленная доцентом кафедры всеобщей истории Маргосуниверситета Е.В. Колесовой, позволила ей сделать вывод о том, что женщины в странах Азии смогли преодолеть традиционную ментальность и сегодня на равных и профессионально конкурируют с политиками – мужчинами.

В сообщении Г.Ф. Горбашовой рассматривался один из аспектов diskutированной проблемы - образ ныне правящей королевы Елизаветы II. Было замечено, что наличие различных точек зрения о месте и роли королевы в Британии и недостаточная изученность этой проблемы открывает возможности для постановки новых вопросов, позволяет высветить новые грани не только истории, но и роли женщин в политике.

Внимание к истории « женской темы» вполне объяснимо, так как проблемы изучения положения женщин, их прав и возможностей привлекали и привлекают внимание отечественных историков в свете изучения проблемы профессиональной и творческой деятельности женщин. По мнению доцента кафедры всеобщей Марийского государственного университета В.М. Новик, творческая деятельность женщин позволяет им выразить свою гражданскую позицию, « касаясь косвенно самых острых, болезненных, противоречивых проблем политики и власти». Безусловно, что в центре внимания современных исследователей остаются и такие аспекты темы как институт семьи и значение семьи в жизни женщины.

В представленных стендовых докладах были затронуты такие важные темы гендерной истории как представительство женщин во властных структурах государства, участие женщин в политической жизни и критерии оценки их

участия, места и роли женщин в общественной и культурной жизни, России и деятельность различных женских союзов, институт семьи и его роль в жизни женщины, как в современный период, так и предыдущие столетия.

В стендовом докладе профессора Белорусского государственного педагогического университета, ведущей научной сотрудницы отдела новейшей истории Республики Беларусь Института истории Национальной академии наук Беларуси И.Р. Чикаловой исследуется проблема места и роли женщин Беларуси в структурах властной иерархии в период с 1991 – 2012 гг., рассматриваются причины резкого снижения участия женщин в представительных органах власти на всех уровнях, в центре внимания автора доклада находятся такие вопросы, как возможные пути, средства преодоления неравенства мужчин и женщин, в частности в электоральной политике, в депутатском корпусе, одновременно подчеркивается общая тенденция увеличения числа женщин среди работников ключевых министерств, ведомств начиная с 2000-х годов. Но, по мнению И.Р. Чикаловой, несмотря на то, что представительство женщин увеличилось в депутатском корпусе, в органах исполнительной власти, остается нерешенным целый ряд проблем: во-первых, сохраняется представительство женщин на самых низких уровнях местных Советов, где нет «достаточных финансовых и технических ресурсов для серьезного влияния на решение проблем», во-вторых, не решен вопрос о расширении представительства женщин на высшие должности в исполнительной власти, в-третьих, не преодолены полностью стереотипы о том, что «в политике женщинам нет места».

Полностью материалы «Круглого стола» опубликованы в научном журнале «Инновационные технологии управления и права» (№1-2. 2013. С.53-126.)

G. F. Gorbashova, E.V. Katkova

WOMAN AND POWER: DEVELOPMENT CALLS: "ROUND TABLE" OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "ADMINISTRATIVE ECONOMY: REALITIES AND PROSPECTS". THE VOLGA REGION STATE TECHNOLOGICAL UNIVERSITY, THE MARI STATE UNIVERSITY, ON APRIL 24, 2013

Key words: gender balance; gender equality; female history

The publication includes the meeting chronicle of "a round table", devoted to gender researches of scientists of Yoshkar-Ola, Moscow, Stavropol and also the Slovak Republic and Republic of Belarus.

Е.В. Лежнина

ИРЛАНДСКИЙ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНГЛИКАНИЗМ»: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В статье представлена информация о результатах защиты и основных положениях кандидатской диссертации на тему «Теория и практика политического англиканизма в Ирландии в 1692-1715 гг.», которая состоялась 21 ноября 2013 года в Казанском (Приволжском) федеральном университете.

Ключевые слова: Ирландия; политический англиканизм; национализм.

В новейшей российской исторической науке вопросы межэтнического и межконфессионального взаимодействия продолжают оставаться одними из наиболее перспективных исследовательских направлений. Современные религиозно-политические конфликты, имеющие часто национальный характер, обусловили устойчивый интерес к истокам возникновения этнорелигиозного неприятия и выработке механизма подчинения одного народа другим. Одним из ключевых этнорелигиозных конфликтов европейской истории нового и новейшего времени является «ирландский вопрос», исследованию которого было посвящено ряд диссертационных исследований, монографий и статей. Тем не менее ранние стадии данного конфликта долгое время не подвергались детальному изучению, в особенности крайне важный для истории Ирландского королевства рубеж XVII-XVIII веков – время окончательного политического поглощения протестантской Англией католической Ирландии, закрепления методов экономической эксплуатации страны и способов поддержания тотального контроля над гэльским большинством численно незначительной англиканской верхушкой.

21 ноября 2013 года в диссертационном совете по историческим дисциплинам, действующем при Казанском (Приволжском) федеральном университете, прошла защита аспирантки кафедры международных отношений и межкультурной коммуникации, старшего преподавателя кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, секретаря Йошкар-Олинского отделения Российского общества интеллектуальной истории Лежниной Елены Владимировны на тему «Теория и практика политического англиканизма в Ирландии в 1692-1715 гг.».

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета Рокина Галина Викторовна, – является признанным специалистом в изучении проблем национализма и имперской политики¹. Первый официальный оппонент – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории и регионоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан Шарифжанов Измаил Ибрагимович – автор многих работ по новой истории Англии и британской историографии². Второй официальный оппонент – доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартговского

государственного университета Ерохин Владимир Николаевич – занимается изучением религиозной истории Англии XVI-XVII веков³.

На защиту были внесены следующие положения диссертационного исследования:

- В период 1692-1715 годов в Королевстве Ирландия были заложены основы режима «протестантского господства» – особой формы общественно-политического устройства, при которой небольшая группа англикан, в основном, английского происхождения, обладала монополией на политическую власть, доминировала в экономике страны, определяла духовную и культурную жизнь острова.

- Формирование «режима» осуществлялось в условиях экономической разрухи, финансового кризиса, деградации церковных и политических институтов, вызванных последствиями Второго католического восстания 1689-1691 годов в поддержку Якова II Стюарта. Внешней причиной быстрого утверждения господства англикан в стране стало наличие постоянной угрозы со стороны католической Европы и сторонников якобитского движения, которые рассматривали Ирландию как потенциальный плацдарм для борьбы с протестантской короной. Данные факторы обусловили жесткий, бескомпромиссный характер действий ирландской англиканской элиты на рубеже XVII-XVIII веков.

- Основным интегрирующим фактором, обеспечивающим стабильность режима «протестантского господства» и поддержку его со стороны Англии, был англиканизм как особый тип политической теологии. Он освящал единство светской и духовной власти в лице короля, утверждал справедливость принимаемых в ирландском и английском парламентах решений и определял образ мыслей членов ирландского протестантского сообщества. В отличие от соседней Англии, в которой в конце XVII столетия приобрела популярность проповедуемая Дж. Локком идея веротерпимости, в «просвещенной» Ирландии англиканизм сохранил консервативный характер. Представители высшего церковного клира, даже сторонники политического обновления Ирландии, крайне болезненно реагировали на любые попытки переустройства англиканской церкви за счет сближения ее с иными протестантскими конфессиями.

- Наиболее яркими проявлениями «политического англиканизма» в Ирландии стали антикатолицизм и антиякобитизм. На государственном уровне они были реализованы в «карательном законодательстве» и церковной пропаганде. Существенная часть памфлетов и трактатов, официальных проповедей, а также записок путешественников, изданных как в Ирландии, так и в соседней Англии, носила явный антикатолический и антиякобитский характер. Не меньшим нападкам ирландских англикан подвергались диссентеры-пресвитериане, которые, по мнению членов Церкви Ирландии, нарушали целостность протестантского единства на острове, а также подрывали их экономическое господство.

- Англиканская доктрина сыграла не только интегрирующую роль, но и выделяла ирландских протестантов в особую этноконфессиональную группу, противостоящую не только гэлам-католикам, шотландцам-пресвитерианам, но, в определенной степени, и англичанам. Подчиненный статус Ирландии, несправедливая, с точки зрения местных протестантов, политика Вестминстерского

парламента по отношению к острову и его жителям, вызывали у ирландских англикан ревность и обиду. С одной стороны, недовольство политикой Англии было выражено в стремлении англо-ирландцев утвердить свои политические права, создав свою конституционную теорию, основанную как на английском, так и на ирландском политическом опыте. Иная тенденция, характерная для представителей ирландской протестантской общественно-политической мысли, – обосновать необходимость слияния Ирландии и Англии в рамках единого государства – формирующейся Британской империи.

- К концу изучаемого периода идеи ирландского политического англиканизма стали основой для поддержания политического и духовного единства Ирландии и Англии, но, в то же время, выражением глубоких противоречий внутри британского протестантского сообщества, которые в будущем приведут к складыванию на острове новой политической доктрины – «колониального национализма».

Основной ценностью работы, по мнению членов Совета и официальных оппонентов, стало привлечение автором целого комплекса оригинальных исторических источников, анализу которых была посвящена первая глава диссертации. Использование в работе документов официального характера: законов, принятых ирландским или английским парламентами, а также материалов англиканского синода – Ирландской конвокации⁴, позволило выявить конституционные основы Ирландского королевства, охарактеризовать законодательную базу режима «протестантского господства», а также определить направления внутренней политики Ирландии конца XVII – начала XVIII столетий. В диссертации был привлечен широкий пласт памфлетов и трактатов протестантов Ирландии и Англии, посвященных наиболее актуальным для жителей Британских островов вопросам. Памфлет, как наиболее доступный способ выражения позиции автора, представляющего определенную социальную, конфессиональную, этническую группу, политическую партию или группировку, в период слабого развития периодической печати, наилучшим образом выявлял болезненные с точки зрения общественности вопросы. Трактат определил уровень развития экономических, политических и религиозных знаний в период раннего английского Просвещения.

Необычайно ценной группой исторических источников по истории «политического англиканизма» стали многочисленные проповеди англиканского духовенства. Если теологический трактат, адресуемый узкой прослойке англиканского духовенства, философам и интеллектуалам, разъяснял тонкости англиканского учения, то проповедь в доступной для устного восприятия форме проясняла отдельные вопросы христианского учения. Проповедь в Ирландии, несомненно, была важнейшим орудием идеологического и политического контроля, способом формирования определенного мировоззрения. В зависимости от целей прочтения проповеди могли быть теологическими, антикатолическими, цивилизаторскими.

Ценную информацию об облике Ирландии, традициях и обычаях ее жителей можно почерпнуть из записок английских путешественников, которые, к тому же представляли «имперский» подход к проблемам подчиненной Ирландии⁵.

Живой интерес к диссертации был связан с неоднозначностью и противоречивостью идей политического англиканизма, а также их влияния на последую-

щую историю Британских островов. В работе подчеркивалось, что рассуждения англиканской верхушки Ирландии укрепляли имперское направление в ирландской и английской политике, но, в то же время, закладывали основу для ирландской национализма.

Таким образом, теория политического англиканизма была определена как сплав догматики англиканской церкви, традиционных представлений о незыблемости монаршей власти, но, в то же время, идей гражданских прав и общественного договора, почерпнутых из трудов Дж. Локка и других просветителей Британских островов. Последователи политического англиканизма – «правящая секта», которая не могла удержаться у власти, используя принципы политического равноправия, но, в то же время, мечтала об идеальном протестантском государстве и церкви.

Действия, предпринимаемые протестантами Ирландии, в большинстве своем были навязаны англичанами, но часть местной элиты, разделяя принципы христианской солидарности и уповая на милость Бога и короля, поддерживала их. По мере распространения идей Просвещения в протестантских кругах Ирландии росли сомнения относительно будущего страны и ее жителей. Англичане, в течение одного или нескольких поколений проживавшие на землях Ирландии, стали воспринимать ее как новую родину, нуждающуюся в любви и защите.



Примечания

¹ Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998; Рокина Г.В. Теория и практика славянской взаимности в истории словацко-русских связей XIX в. Казань, 2005.

² Шарифжанов И.И. Современная английская историография буржуазной революции XVII века. М., 1982; Шарифжанов И.И. Английская историография в XX веке. Основные теоретико-методологические тенденции, школы и направления. Казань, 2004.

³ Ерохин В.Н. Методологические подходы к изучению истории религиозной Реформации в Англии в современной британской историографии. Нижневартовск, 2008; Ерохин В.Н. Влияние протестантизма на понимание принципов социальных связей в английском обществе в XVI-XVII веках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. №2. Т.3. С. 56-61.

⁴ Irish historical documents 1172-1922 / Ed. By E. Curtis, R.B. McDowel. London, 1943; The penal laws against Papist and Popish Recusants, Nonconformists and Nonjurors: with The Statutes relating to the Succession of the Crown, Forfeited Estates, Tumults and Riots, Imprisonment of Suspected Persons; and the late Acts for obliging Papists and Nonjurors to Register their Estates. London, 1723; Records of convocation. XVII. Ireland, 1690-1869. Part 1. Both Houses: 1690-1702, Upper House: 1703-1713 / Ed. by G. Bray. London, 2006; Records of convocation. XVIII. Ireland, 1690-1869. Part 2. Lower House: 1703-1713 Both House: 1714-1869 / Ed. By G. Bray. London, 2006.

⁵ Ward E. A Trip to Ireland, being a Description of the Country, People and Manners, As also select Observations on Dublin. London, 1699; Dunton J. The Dublin Scuffle: being a Challenge sent by John Dunton, citizen of London, to Patrick Campbel, Bookseller in Dublin. Together with the small Skirmish Bills and Advertisements. London, 1699.

E. V. Lezhnina

THE IRISH POLITICAL ANGLICANISM: THEORY AND PRACTICE

Key words: Ireland; political Anglicanism; nationalism

The article presents the results of passing the defense of Ph.D. degree and the basic features of the theses «Theory and practice of the political Anglicanism in Ireland in 1692-1715» (the 21st of November, Kazan).

О.Н. Сутырина

«КРУГЛЫЙ СТОЛ» МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ РОССИИ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ. ЙОШКАР-ОЛА, 28 НОЯБРЯ 2013 ГОДА

Ключевые слова: молодежь; поликультурная Россия; вызовы времени.

26-30 ноября 2013 года в ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный технологический университет» прошел I Всероссийский молодежный научный форум «Гранит науки-2013: Молодежь. Инновации. Менеджмент», ставший одним из значимых событий для студенчества Республики Марий Эл.

В рамках форума 28 ноября 2013 года состоялась работа площадки («круглого стола») по теме: «Молодежь в поликультурной России: вызовы времени», по инициативе и поддержке Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, в рамках реализации Республиканской целевой программы «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл (2009-2013 годы)», а также Центра национальных и конфессиональных исследований Республики Марий Эл.

Непосредственным организатором площадки стала кафедра управления и права Поволжского государственного технологического университета (ранее – МарГТУ, с апреля 2012 года - ПГТУ). Необходимо отметить, что сотрудничество кафедры и Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл началось еще в 2011 году¹.

В работе «круглого стола» приняли участие около 50 человек: студенты республиканских и российских высших и средних учебных заведений (ФГБОУ ВПО «Поволжский государственный технологический университет», АНО ВПО «Межрегиональный открытый социальный институт», ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный энергетический университет имени В.И. Ленина, г. Иваново Высший колледж ПГТУ "Политехник", ГБОУ СПО РМЭ "Колледж культуры и искусств" имени И.С. Палантая), представители молодежных организаций (Молодежный парламент Республики Марий Эл второго созыва, Группа при Совете "Молодёжное правительство Республики Марий Эл" по развитию межнациональных отношений, Марийская молодежная организация "Общество межкультурных связей

"ВийАР""), Волонтерское движение на юридическом факультете МарГУ, Ассоциация студентов и аспирантов финно-угорских университетов), национальных культурных центров (Республиканский центр марийской культуры), общественных организаций (АНО «Культурно-информационный центр «ИНТЕЛЛЕКТУАЛ»»), АНО «Гражданская позиция», Партия «Великое Отечество»), национальных диаспор и землячеств, представители органов государственной власти Республики Марий Эл.

Цель работы площадки состояла в том чтобы, рассмотреть и оценить современное состояние молодежной и национальной политики Российской Федерации и Республики Марий Эл в сфере гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений. Основными задачами данного мероприятия были следующие:

1. Познакомить участников со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации.
2. Организовать диалог представителей молодежных организаций, национальных диаспор и землячеств Республики Марий Эл, представителей органов государственной власти о путях гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в современной России.
3. Разработать рекомендации для государственных органов власти РМЭ по совершенствованию государственной молодежной и национальной политики.

В соответствии с поставленными задачами организаторы мероприятия познакомили участников с нормативно-правовыми основами национальной политики Российской Федерации и механизмом её реализации в Республике Марий Эл. Этой теме был посвящен доклад Г.С. Ширяевой, заместителя министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. В частности, были подробно представлены основные задачи государственной политики в области межнациональных и межконфессиональных отношений, ее нормативно-правовое обеспечение. В докладе была приведена информация по национальному и конфессиональному составу населения Республики Марий Эл, результаты социологического исследования «Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл», перечень совещательных органов в области межнациональных и межконфессиональных отношений и общественных организаций народов Республики Марий Эл, результаты мониторинга национально-регионального образования, книгоиздания, электронных и печатных средств массовой информации. Г.С. Ширяева рассказала о реализации Республиканской целевой программы «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл (2009-2013 годы)», информационной кампании, медийно-социальных просветительских проектов, направленных на укрепление единства многонационального народа России, гармонизацию межнациональных отношений и формирование межкультурного диалога.

Следующий доклад руководителя Центра национальных и конфессиональных исследований Республики Марий Эл, профессора кафедры всеобщей истории МарГУ, д.и.н. Г.В. Рокиной «Российский народ: воображаемый мир или историческая реальность?» вызвал интерес не только дискуссионным характером,

но и яркими историческими примерами, особой эмоциональной составляющей выступления.

Рамки «круглого стола» позволили провести презентацию монографии Г.В. Рокиной и О.Н. Сутыриной «Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи города Йошкар-Олы», выполненную на материалах социологического исследования 2011 года. Данная публикация – итог научно-исследовательской работы ученых двух вузов Республики Марий Эл – Поволжского государственного технологического университета и Марийского государственного университета. Уже третий год на факультете управления и права ПГТУ действует Центр национальных и конфессиональных исследований Республики Марий Эл, где усилиями творческих коллективов кафедр управления и права, менеджмента и бизнеса, кафедры экономической теории и социогендерной лаборатории был подготовлен ряд проектов в области этнических и конфессиональных исследований.

Итогом участия в республиканском конкурсе Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл в 2011 году стал грант на реализацию Центром проекта «Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи г. Йошкар-Олы». Проект осуществлялся в рамках Программы «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл в 2009-2013 гг.». В данной Программе отмечено, что мониторинг ситуации в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений является одним из основных направлений деятельности в области государственной национальной политики. Руководитель проекта – декан факультета управления и права ПГТУ проф. Н.И. Ларионова; разработчики и исполнители – проф. Г.В. Рокина, доц. О.Н. Сутырина, доц. Л.М. Наумова, доц. А.А. Наумов.

Цель исследования: определить уровень, характер и тенденции национального самосознания и конфессиональных предпочтений студенческой молодежи города Йошкар-Олы. Основными выводами стали следующие: во первых, имеется влияние этнического фактора на весь спектр мотивов, установок, ценностных ориентаций, факторов социального поведения студентов, особенно тех, кто родился в сельской местности республики или приехал из стран СНГ. В самоидентификации конфессиональные вопросы для студенческой молодежи столицы Республики Марий Эл играют большую роль, нежели проблемы этнические. Во вторых, межэтнические отношения положительно стабильны: большинство респондентов не обращают внимания на национальность коллектива, а если обращают внимание, то чувствуют себя комфортно. В-третьих, девушки-студентки показали себя более сведущими в конфессиональной проблематике, оставаясь лояльными к вероисповеданию своего будущего супруга. При этом студенты, планируя свою семью, и выступая в роли будущих родителей, предлагают для своих детей толерантную модель конфессионального выбора.

О роли Молодежного правительства Республики Марий Эл в гармонизации межнациональных отношений среди молодежи рассказала студентка ПГТУ Е.И. Куприянова, занимающая должность молодежного министра по развитию межнациональных отношений в общественной организации «Молодежное правительство Республики Марий Эл».

Журналист и блоггер Э.В. Куклина рассказала о молодёжных этнопроектах в области журналистики, а методист Республиканского центра марийской культуры В.Г. Петров сообщил о взаимодействии данного Центра с общественными организациями по развитию социальной мобильности молодежи.

Далее был организован диалог представителей молодежных организаций, национальных диаспор и землячеств Республики Марий Эл, представителей органов государственной власти о путях гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в современной России. Можно с уверенностью сказать, что диалог состоялся: произошел не только обмен мнениями, но и были найдены единомышленники по реализации этнокультурных проектов по обучению марийскому языку, уточнению указателей улиц Йошкар-Олы, организации центра адаптации иностранных студентов, по работе с родителями детей дошкольных образовательных учреждений в вопросах толерантного воспитания.

В рамках мероприятия был проведен экспресс-опрос, результаты которого выявили у 98% участников позитивную этническую идентичность (норму) и у 2% - этническую индифферентность.

В завершении «круглого стола» были разработаны рекомендации по совершенствованию государственной молодежной и национальной политики.

Это позволило их включить в план деятельности Молодежного правительства Республики Марий Эл².



Примечания

¹ Рокина, Г. В. Проект «Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи г. Йошкар-Олы» / Г. В. Рокина, О. Н. Сутырина // Вестник МарГТУ. Серия «Экономика и управление». 2011. -№2 (12). С.104-105.

² Молодежь в поликультурной России: вызовы времени: материалы регионального «круглого стола» / Сост. О. Н. Сутырина. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. 66 с.

O. N. Sutyryna

THE «ROUND TABLE» YOUTH IN POLY CULTURAL RUSSIA: TIME CALLS. IOSHKAR-OLA, ON NOVEMBER 28, 2013

Key words: youth; polycultural Russia; time calls.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гильмутдинова Ольга Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Истории и связей с общественностью» Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ).

Горбашова Галина Федоровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета, член Йошкар-Олинского отделения РОИИ.

Даниш Мирослав — ректор, профессор Высшей школы в Сладковичово; заведующий кафедрой всеобщей истории Университета им. Я.А. Коменского (Словацкая Республика).

Каткова Елена Валерьевна — магистр кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, член Йошкар-Олинского отделения РОИИ.

Кейдан Владимир Исидорович — доцент Университета г. Урбино (Италия), филолог-архивист.

Колесова Елена Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Ларионова Нина Ивановна — доктор экономических наук, профессор, декан факультета управления и права Поволжского государственного технологического университета, член Йошкар-Олинского отделения РОИИ.

Лежнина Елена Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, секретарь Йошкар-Олинского отделения РОИИ.

Новик Вера Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

Обидина Юлия Сергеевна — доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, член Йошкар-Олинского отделения РОИИ.

Рибар Лукаш — аспирант кафедры всеобщей истории Университета им. Я.А. Коменского (Словацкая Республика).

Рокина Галина Викторовна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета, председатель Йошкар-Олинского отделения РОИИ.

Сануков Ксенофонт Никанорович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета.

Суслов Евгений Валерианович — кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики Марийского государственного университета.

Сутырина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры управления и права Поволжского государственного технологического университета, член Йошкар-Олинского отделения РОИИ.

Чикалова Ирина Ромуальдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Беларусского государственного педагогического университета (Минск, Республика Беларусь).

Ярыгин Андрей Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ.....	5
<i>Ю.С. Обидина</i> Роль академической мобильности в формировании русской науки об античности в XIX веке	11
<i>Л. Рибар</i> Описание территории Ширван в трудах европейских путешественников и географов и ее роль в европейско-азиатской торговле до XVI века	11
<i>М. Даниш</i> Известные авторитеты в истории правовой мысли	30
<i>Г.В. Рокина</i> Путешествия российских ученых в славянские земли и их роль в формировании отечественного славяноведения в первой половине XIX века	38
<i>Е.В. Колесова</i> Формы подготовки преподавателей миссионерского противобуддийского (монгольского) отделения Казанской духовной академии (вторая половина XIX - 1917 г.)	48
<i>О.М. Гильмутдинова</i> Казанский ветеринарный институт как феномен содружества российских и польских ученых в последней трети XIX века	57
<i>А.А. Ярыгин</i> Первые академические обмены Марийского государственного университета в 1994 - 1997 годах	62
<i>И.Р. Чикалова</i> Женщины и парламентаризм в Республике Беларусь.....	71
<i>Е.В. Суслов</i> Феномен финской женщины в политике	94
ПОРТРЕТ ИСТОРИКА	109
<i>В.М. Новик</i> «Нетипичный представитель русской нации»	109
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ.....	120
<i>К.Н. Сануков</i> Стажировка в Институте Джорджа Кеннана (из воспоминаний).....	120
<i>В.И. Кейдан</i> Акафист Муссолини.....	125
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	141
<i>Н.И. Ларионова</i> Рецензия: Рокина Г.В., Сутырина О.Н. Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи г. Йошкар-Ола (Йошкар-Ола, 2013.160 с.)	141
НАУЧНАЯ ХРОНИКА	145

<i>Г.Ф. Горбашова, Е.В. Каткова</i>	
Женщина и власть: вызовы развития (материалы заседания "круглого стола" на международной конференции "Управленческая экономика: реалии и перспективы" (24 апреля 2013 года)	145
<i>Е.В. Лежнина</i>	
Ирландский "политический англиканизм": теория и практика	150
<i>О.Н. Сутырина</i>	
"Круглый стол" "Молодежь в поликультурной России: вызовы времени. Йошкар-Ола, 28 ноября 2013 года	154
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	158

ЗАПАД–ВОСТОК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

Научный редактор
Г.В. Рокина

Компьютерная верстка
Е.В. Каткова

Дизайн обложки
Е.В. Каткова

Тем. план 2013 г. № 173.
Подписано в печать 25.12.2013 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 13,52.
Тираж 300. Заказ № 2651.

Оригинал-макет подготовлен к печати в лаборатории этно-гендерных исследований
и отпечатан в ООП
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1.

ЗАПАД–ВОСТОК